

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Ф. М. Достоевскій.

ДВОЙНИКЪ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГОСПОДИНА ГОЛЯДКИНА.

Im Werden Verlag
München — Москва
2007

© <http://imwerden.de> - некоммерческое электронное издание, 2007
Издание подготовил С. Нестеров, 2007

ГЛАВА I.

О томъ, какъ проснулся титулярный совѣтникъ Голядкинъ. О томъ, какъ онъ снарядилъ себя и отправился туда, куда ему путь лежалъ. О томъ, какъ оправдывался въ собственныхъ глазахъ своихъ г. Голядкинъ, и какъ потомъ вывелъ правило, что лучше всего дѣйствовать на смѣлую ногу и съ откровенностію, не лишенною благородства. О томъ, куда наконецъ заѣхалъ г. Голядкинъ.

Было безъ малаго восемь часовъ утра, когда титулярный совѣтникъ Яковъ Петровичъ Голядкинъ очнулся послѣ долгаго сна, зѣвнулъ, потянулся и открылъ наконецъ совершенно глаза свои. Минуты съ двѣ, впрочемъ, лежалъ онъ неподвижно на своей постели, какъ человѣкъ, не вполне еще увѣренный, проснулся ли онъ совершенно или все еще спитъ, на яву ли, и въ дѣйствительности ли все то, что около него теперь совершается, или продолженіе его беспорядочныхъ сонныхъ грезъ. Вскорѣ, однакожь, чувства господина Голядкина стали яснѣе и отчетливѣе принимать свои привычныя, обыденныя впечатлѣнія. Знакомо глянули на него зелено-грязноватыя, закоптѣлыя, пыльныя стѣны его маленькой комнатки, его коммодъ краснаго дерева, стулья подъ красное дерево, столъ, окрашенный красною краскою, клеенчатый турецкій диванъ красноватаго цвѣта, съ зелененькими цвѣточками и наконецъ вчера впопыхахъ снятое платье и брошенное комкомъ на диванѣ. Наконецъ, сѣрый осенній день, мутный и грязный, такъ сердито и съ такой кислой гримасою заглянулъ къ нему сквозь тусклое окно въ комнату, что господинъ Голядкинъ никакимъ уже образомъ не могъ болѣе сомнѣваться, что онъ находится не въ тридесятѣмъ царствѣ какомъ-нибудь, а въ городѣ Петербургѣ, въ столицѣ, въ Шестилавочной-Улицѣ, въ четвертомъ этажѣ одного весьма-большаго, капитальнаго дома, въ собственной квартирѣ своей. Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ судорожно закрылъ глаза, какъ-бы сожалея о недавнемъ снѣ и желая его воротить на минутку. Впрочемъ, черезъ минуту господинъ Голядкинъ однимъ скачкомъ выпрыгнулъ изъ постели своей, вѣроятно попавъ наконецъ въ ту идею, около которой вертѣлись до-сихъ-поръ разсѣянныя, неприведенныя въ надлежащій порядокъ мысли его. Выпрыгнувъ изъ постели, онъ тотчасъ же подбѣжалъ къ небольшому кругленькому зеркальцу, стоявшему на коммодѣ. Хотя отразившаяся въ зеркалѣ заспанная, подслѣповатая и довольно-оплѣшивѣвшая фигура была

именно такого незначительнаго свойства, что съ перваго взгляда не останавливала на себѣ рѣшительно ничьего исключительнаго вниманія, но по-видимому обладатель ея остался совершенно доволенъ всѣмъ тѣмъ, что увидѣлъ въ зеркалѣ. "Вотъ бы штука была", сказалъ господинъ Голядкинъ въ-полголоса: "вотъ бы штука была, еслибъ я сегодня манкировалъ въ чемъ-нибудь, еслибъ вышло, напримѣръ, что-нибудь да не такъ, — прыщикъ тамъ какой-нибудь вскочилъ посторонній, или произошла бы другая какая-нибудь непріятность; впрочемъ, покамѣстъ не дурно; покамѣстъ все идетъ хорошо." Очень обрадовавшись тому, что все идетъ хорошо, господинъ Голядкинъ поставилъ зеркало на прежнее мѣсто, а самъ, не смотря на то, что былъ босикомъ и сохранялъ на себѣ тотъ костюмъ, въ которомъ имѣлъ обыкновеніе отходить ко сну, подбѣжалъ къ окошку и съ большимъ участіемъ началъ что-то отыскивать глазами на дворѣ дома, на который выходили окна квартиры его. По-видимому, и то, что онъ отыскалъ на дворѣ, совершенно его удовлетворило; лицо его просіяло самодовольной улыбкою. Потомъ, — заглянувъ, впрочемъ, сначала за перегородку въ каморку Петрушки, своего камердинера, и увѣрившись, что въ ней нѣтъ Петрушки, — на ципочкахъ подошелъ къ столу, отперъ въ немъ одинъ ящикъ, пошарилъ въ самомъ заднемъ уголку этого ящика, вынулъ наконецъ изъ-подъ старыхъ пожелтѣвшихъ бумагъ и кой-какой дряни зеленый истертый бумажникъ, открылъ его осторожно, бережно и съ наслажденіемъ заглянулъ въ самый дальній, потаенный карманъ его. Вѣроятно пачка зелененькихъ, сѣренькихъ, синенькихъ, красненькихъ и разныхъ пестренькихъ бумажекъ тоже весьма-привѣтливо и одобрительно глянула на господина Голядкина: съ просіявшимъ лицомъ положилъ онъ передъ собою на столъ раскрытый бумажникъ и крѣпко потеръ руки въ знакъ величайшаго удовольствія. Наконецъ, онъ вынулъ ее, свою утѣшительную пачку государственныхъ ассигнацій, и, въ сотый разъ впрочемъ считая со вчерашняго дня, началъ пересчитывать ихъ, тщательно перетирая каждый листокъ между большимъ и указательнымъ пальцами. "Семь-сотъ-пятьдесятъ рублей ассигнаціями!" окончилъ онъ наконецъ полушопотомъ. "Семь-сотъ-пятьдесятъ рублей... знатная сумма! Это пріятная сумма", продолжалъ онъ дрожащимъ, немного-разслабленнымъ отъ удовольствія голосомъ, сжимая пачку въ рукахъ и улыбаясь значительно: "это весьма-пріятная сумма! Хоть кому пріятная сумма! Желалъ бы я видѣть теперь человѣка, для котораго эта сумма была бы ничтожною суммою? Такая сумма можетъ

далеко повести человѣка... А любопытно было бы знать, куда бы меня, на примѣръ, могла повести эта сумма", заключилъ господинъ Голядкинъ, "еслибъ я, на примѣръ, такъ, отъ какихъ бы то ни было причинъ, вдругъ, по какому тамъ ни есть случаю, вышелъ въ отставку, и такимъ-образомъ остался бы безъ всякихъ доходовъ?" Сдѣлавъ себѣ такой важный вопросъ, господинъ Голядкинъ серьезно задумался. Замѣтимъ здѣсь, кстати, одну маленькую особенность господина Голядкина. Дѣло въ томъ, что онъ очень любилъ иногда дѣлать нѣкоторыя романическія предположенія относительно себя-самого; любилъ пожаловать себя подъ часъ въ герои самаго затѣйливаго романа, мысленно запутать себя въ разныя интриги и затрудненія, и наконецъ вывести себя изъ всѣхъ непріятностей съ честію, уничтожая всѣ препятствія, побѣждая затрудненія и великодушно прощая врагамъ своимъ. Очнувшись отъ своихъ размышленій, господинъ Голядкинъ съ серьезной, значительной миной положилъ свои деньги въ бумажникъ, бумажникъ въ столъ, на прежнее мѣсто, и взглянулъ на часы. Часы приготавливались бить. Было ровно восемь часовъ.

— Однако, что же это такое? подумалъ господинъ Голядкинъ: — да гдѣ же Петрушка? — Все еще сохраняя тотъ же костюмъ, взглянулъ онъ другой разъ за перегородку. Петрушки опять не нашлось за перегородкой, а сердился, горячился и выходилъ изъ себя лишь одинъ поставленный тамъ на полу самоваръ, непрерывно угрожая сбѣжать, и что-то съ жаромъ, быстро болталъ на своемъ мудреномъ языкѣ, картавя и шепелявя господину Голядкину, вѣроятно то: что, дескать, возьмите же меня, добрые люди, вѣдь я совершенно поспѣлъ и готовъ.

— Черти бы взяли! подумалъ господинъ Голядкинъ. — Эта лѣнивая бестія можетъ наконецъ вывести человѣка изъ послѣднихъ границъ; гдѣ онъ шатается? Въ справедливомъ негодованіи своемъ вошелъ онъ въ переднюю, состоявшую изъ маленькаго корридора, въ концѣ котораго находилась дверь въ сѣни, крошечку пріотворилъ эту дверь, и увидѣлъ своего служителя, окруженнаго порядочной кучкой всякаго лакейскаго, домашняго и случайнаго сброда. Петрушка что-то рассказывалъ, прочіе слушали. По-видимому, ни тѣма разговора, ни самый разговоръ не понравились господину Голядкину. Онъ немедленно кликнулъ Петрушку и возвратился въ комнату совсѣмъ недовольный, даже разстроенный. "Эта бестія ни за грошъ готова продать человѣка, а тѣмъ болѣе ба-

рина", подумалъ онъ про себя: "и продалъ, непременно продалъ, пари готовъ держать, что ни за копейку продалъ. Ну, что?"

— Ливрею принесли, сударь.

— Надѣнь и пошолъ сюда.

Надѣвъ ливрею, Петрушка, глупо улыбаясь, вошелъ въ комнату барина. Костюмированъ онъ былъ странно до нельзя. На немъ была зеленая, сильно подержанная лакейская ливрея, съ золотыми обсыпавшимися галунами, и по-видимому шитая на челоуѣка, ростомъ на цѣлый аршинъ выше Петрушки. Въ рукахъ онъ держалъ шляпу, тоже съ галунами и съ зелеными перьями, а при бедрѣ имѣлъ лакейскій мечъ, въ кожаныхъ ножнахъ.

Наконецъ, для полноты картины, Петрушка, слѣдуя любимому своему обыкновению ходить всегда въ неглиже, по домашнему, былъ и теперь босикомъ. Господинъ Голядкинъ осмотрѣлъ Петрушку кругомъ и по-видимому остался доволенъ. Ливрея очевидно была взята на прокатъ для какого-то торжественнаго случая. Замѣтно было еще, что во время осмотра Петрушка глядѣлъ съ какимъ-то страннымъ ожиданіемъ на барина, и съ необыкновеннымъ любопытствомъ слѣдилъ за всякимъ движеніемъ его, что крайне смущало господина Голядкина.

— Ну, а карета?

— И карета пріѣхала.

— На весь день?

— На весь день. Двадцать-пять ассигнаціей.

— И сапоги принесли?

— И сапоги принесли.

— Болванъ! не можешь сказать принесли-съ. Давай ихъ сюда.

Изъявивъ свое удовольствіе, что сапоги пришли хорошо, господинъ Голядкинъ спросилъ чаю, умываться и бриться. Обрился онъ весьма-тщательно и такимъ же образомъ вымылся, хлебнулъ чаю на-скоро, и приступилъ къ своему главному окончательному облаченію: надѣлъ панталоны почти совершенно-новые; потомъ манишку съ бронзовыми пуговками, жилетку съ весьма-яркими и пріятными цвѣточками; на шею повязалъ пестрый шелковый галстухъ, и наконецъ натянулъ виц-мундиръ тоже новехонькій и тщательно вычищенный. Одѣваясь, онъ нѣсколько разъ съ любовью взглядывалъ на свои сапоги, поминутно приподымалъ то ту, то другую ногу, любовался фасономъ, и что-то все шепталъ себѣ подъ носъ, изрѣдка подмигивая своей думкѣ выразительною гримаскою. Впрочемъ, въ это утро господинъ Голядкинъ былъ крайне

разсѣянъ, потому-что почти не замѣтилъ улыбочекъ и гримасъ на свой счетъ помогавшаго ему одѣваться Петрушки. Наконецъ, справивъ все, что слѣдовало, совершенно одѣвшись, г. Голядкинъ положилъ въ карманъ свой бумажникъ, полюбовался окончательно на Петрушку, надѣвшаго сапоги, и бывшаго такимъ-образомъ тоже въ совершенной готовности, и замѣтивъ, что все уже сдѣлано и ждать уже болѣе нечего, торопливо, суетливо, съ маленькимъ трепетаніемъ сердца сбѣжалъ съ своей лѣстницы. Голубая извоицья карета, съ какими-то гербами, съ громомъ подкатилась къ крыльцу. Петрушка, перемигиваясь съ извоищикомъ и съ кое-какими зѣваками, усадилъ своего барина въ карету; непривычнымъ голосомъ, и едва сдерживая дурацкій смѣхъ, крикнулъ пошолъ! вскочилъ на запятки, и все это съ шумомъ и громомъ, звѣня и треща, покатилося на Невскій-Проспектъ. Только-что голубой экипажъ успѣлъ выѣхать за ворота, какъ господинъ Голядкинъ судорожно потеръ себѣ руки и залился тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ, какъ человѣкъ веселаго характера, которому удалось сыграть славную штуку, и которой штукѣ онъ самъ радъ-радехонекъ. Впрочемъ, тотчасъ же послѣ припадка веселости, смѣхъ смѣнился какимъ-то страннымъ озабоченнымъ выраженіемъ въ лицѣ господина Голядкина. Не смотря на то, что время было сырое и пасмурное, онъ опустилъ оба окна кареты и заботливо началъ высматривать направо и налево прохожихъ, тотчасъ принимая приличный и степенный видъ, какъ-только замѣчалъ, что на него кто-нибудь смотритъ. На поворотѣ съ Литейной на Невскій-Проспектъ, онъ вздрогнулъ отъ одного самага непріятнаго ощущенія, и сморщась какъ бѣдняга, которому наступили нечаянно на мозоль, торопливо, даже со страхомъ прижался въ самый темный уголокъ своего экипажа. Дѣло въ томъ, что онъ встрѣтилъ двухъ сослуживцевъ своихъ, двухъ молодыхъ чиновниковъ того вѣдомства, въ которомъ самъ состоялъ на службѣ. Чиновники же, какъ показалось господину Голядкину, были тоже съ своей стороны въ крайнемъ недоумѣніи, встрѣтивъ такимъ-образомъ своего сотоварища; даже одинъ изъ нихъ указалъ пальцемъ на г. Голядкина. Господину Голядкину показалось даже, что другой кликнулъ его громко по имени, что, разумѣется, было весьма-неприлично на улицѣ. Герой нашъ притаился и не отозвался. "Что за мальчишки!" началъ онъ разсуждать самъ съ собою. "Ну что же такого тутъ страннаго? Человѣкъ въ экипажѣ; человѣку нужно быть въ экипажѣ, вотъ онъ и взялъ экипажъ. Просто дрянъ! Я ихъ знаю, — просто мальчишки, которыхъ еще нужно посѣчь!

Имъ бы только въ орлянку при жалованьи, да гдѣ-нибудь потаскаться, вотъ это ихъ дѣло. Сказалъ бы имъ всѣмъ кое-что, да ужъ только..." Г. Голядкинъ не докончилъ и обмеръ. Бойкая пара казанскихъ лошадокъ, весьма-знакомая господину Голядкину, запряженныхъ въ щегольскія дрожки, быстро обгоняла съ правой стороны его экипажъ. Господинъ, сидѣвшій на дрожкахъ, нечаянно увидѣвъ лицо господина Голядкина, довольно-неосторожно высунувшаго свою голову изъ окошка кареты, тоже по-видимому крайне былъ изумленъ такой неожиданной встрѣчей, и, нагнувшись сколько могъ, съ величайшимъ любопытствомъ и участіемъ сталъ заглядывать въ тотъ уголъ кареты, куда герой нашъ поспѣшилъ-было спрятаться. Господинъ на дрожкахъ былъ Андрей Филипповичъ, начальникъ отдѣленія въ томъ служебномъ мѣстѣ, въ которомъ числился и господинъ Голядкинъ, въ качествѣ помощника своего столначальника. Господинъ Голядкинъ, видя, что Андрей Филипповичъ узналъ его совершенно, что глядитъ во всѣ глаза и что спрятаться никакъ невозможно, покраснѣлъ до ушей. "Поклониться иль нѣтъ? Отозваться иль нѣтъ? Признаться иль нѣтъ?" думалъ въ неописанной тоскѣ нашъ герой, "или прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительнo схожій со мною, и смотрѣть какъ ни въ чемъ не бывало? Именно не я, не я да и только!" говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шляпу предъ Андреемъ Филипповичемъ и не сводя съ него глазъ. "Я, я ничего", шепталъ онъ черезъ силу, "я совсѣмъ ничего, это вовсе не я, Андрей Филипповичъ, это вовсе не я, не я да и только." Скоро, однакожъ, дрожки обогнали карету, и магнетизмъ начальническихъ взоровъ прекратился, наконецъ, надъ господиномъ Голядкинымъ. Однако, онъ все-еще краснѣлъ, улыбался, что-то бормоталъ про себя... "Дуракъ я былъ, что не отозвался", подумалъ онъ наконецъ: "слѣдовало бы просто на смѣлую ногу и съ откровенностью не лишеною благородства: — дескать такъ и такъ, Андрей Филипповичъ, тоже приглашенъ на обѣдъ, да и только!" Потомъ, вдругъ вспомнивъ, что срѣзался, герой нашъ вспыхнулъ какъ огонь, нахмурилъ брови и бросилъ страшный вызывающій взглядъ въ передній уголъ кареты, взглядъ такъ и назначенный съ тѣмъ, чтобъ испепелить разомъ въ прахъ всѣхъ враговъ его. Наконецъ, вдругъ, по вдохновенію какому-то, дернулъ онъ за снурокъ, привязанный къ локтю извощика-кучера, остановилъ карету и приказалъ поворотить назадъ на Литейную. Дѣло въ томъ, что господину Голядкину немедленно понадобилось для собственнаго же спокойствія, вѣроятно, сказать что-то самое интересное доктору

его, Крестьяну Ивановичу. И хотя съ Крестьяномъ Ивановичемъ былъ онъ знакомъ съ весьма-недавняго времени, именно, посѣтилъ его всего одинъ разъ на прошлой недѣлѣ, въ-слѣдствіе кой-какихъ надобностей, но вѣдь докторъ, какъ говорятъ, что духовникъ, — скрываться было бы глупо, а знать паціента его же обязанность. "Такъ ли, впрочемъ, будетъ все это", продолжалъ нашъ герой, выходя изъ кареты у подъѣзда одного пяти-этажнаго дома въ Литейной, возлѣ котораго приказалъ остановить свой экипажъ: "такъ ли будетъ все это? Прилично ли будетъ? Кстати ли будетъ? Впрочемъ, вѣдь что же", продолжалъ онъ, подымаясь на лѣстницу, переводя духъ и сдерживая біеніе сердца, имѣвшаго у него привычку биться на всѣхъ чужихъ лѣстницахъ: "что же? вѣдь я про свое, и предосудительнаго здѣсь ничего не имѣется... мнѣ кажется, что ничего не имѣется. Скрываться было бы глупо. Я вотъ такимъ-то образомъ и сдѣлаю видъ, что я ничего, а что такъ мимоѣздомъ... Онъ и увидитъ, что такъ тому и слѣдуетъ быть."

Такъ разсуждая, господинъ Голядкинъ поднялся до втораго этажа, и остановился передъ квартирою пятаго нумера, на дверяхъ котораго помѣщена была красивая мѣдная дощечка съ надписью:

*Крестьянъ Ивановичъ Рутенишницъ
Докторъ Медицины и Хирургіи.*

Остановившись, герой нашъ поспѣшилъ придать своей фізіономіи приличный, развязный, не безъ нѣкоторой любезности видъ, и приготовился дернуть за снурокъ колокольчика. Приготовившись дернуть за снурокъ колокольчика, онъ немедленно и довольно-кстати разсудилъ, что не лучше ли завтра, и что теперь покамѣстъ надобности большой не имѣется, совсѣмъ-никакой не имѣется. Но такъ-какъ господинъ Голядкинъ услышалъ вдругъ на лѣстницѣ чьи-то шаги, то немедленно перемѣнилъ новое рѣшеніе свое и уже такъ, заодно, впрочемъ съ самымъ рѣшительнымъ видомъ, позволилъ у дверей Крестьяна Ивановича.

ГЛАВА II.

О томъ, какимъ образомъ вошелъ г. Голядкинъ къ Крестьяну Ивановичу. О чемъ именно онъ съ нимъ трактовалъ; какъ потомъ прослезился; какъ потомъ ясно доказалъ, что обладаетъ нѣкоторыми и даже весьма-значительными добродѣтелями, необходимыми въ практической жизни, и что нѣкоторые люди умѣютъ иногда поднести коку съ сокомъ, какъ по пословицѣ говорится; какъ наконецъ онъ попросилъ позволенія удалиться и, выпросивъ его, вышелъ, оставивъ въ изумленіи Крестьяна Ивановича. Мнѣніе г. Голядкина о Крестьянѣ Ивановичѣ.

Докторъ медицины и хирургіи, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншицъ, весьма-здоровый, хотя уже и пожилой человѣкъ, одаренный густыми сѣдѣющими бровями и бакенбардами, выразительнымъ, сверкающимъ взглядомъ, которымъ однимъ, по-видимому, прогонялъ всѣ болѣзни, и, наконецъ, значительнымъ орденомъ, — сидѣлъ въ это утро у себя въ кабинетѣ, въ покойныхъ креслахъ своихъ, пилъ кофе, принесенный ему собственноручно его докторшей, курилъ сигару и прописывалъ отъ времени до времени рецепты своимъ паціентамъ. Прописавъ послѣдній пузырекъ одному старичку, страдавшему геморроемъ, и выпроводивъ страждущаго старичка въ боковыя двери, Крестьянъ Ивановичъ усѣлся въ ожиданіи слѣдующаго посѣщенія. Вошелъ господинъ Голядкинъ.

По-видимому, Крестьянъ Ивановичъ нисколько не ожидалъ, да и не желалъ видѣть предъ собою господина Голядкина, потому что онъ вдругъ на мгновеніе смутился и невольно выразилъ на лицѣ своемъ какую-то странную, даже можно сказать недовольную мину. Такъ-какъ, съ своей стороны, господинъ Голядкинъ почти всегда какъ-то некстати опадалъ и терялся въ тѣ мгновенія, въ которыя случалось ему абординовать кого-нибудь ради собственныхъ дѣлишекъ своихъ, то и теперь, не приготовивъ первой фразы, бывшей для него въ такихъ случаяхъ настоящимъ камнемъ преткновенія, сконфузился препорядочно, что-то пробормоталъ, — впрочемъ, кажется, извиненіе, — и, не зная, что далѣе дѣлать, взялъ стулъ и сѣлъ. Но, вспомнивъ, что усѣлся безъ приглашенія, тотчасъ же почувствовалъ свое неприличіе и поспѣшилъ поправить ошибку свою въ незнаніи свѣта и хорошаго тона, немедленно вставъ съ занятаго имъ безъ приглашенія мѣста. Потомъ, опомнившись и смутно замѣтивъ, что сдѣлалъ двѣ глупости разомъ, рѣшился, ни мало не медля, на третью, т. е. попробовалъ-было при-

нести оправданіе, пробормоталъ кое-что улыбаясь, покраснѣлъ, сконфузился, выразительно замолчалъ и наконецъ сѣлъ окончательно и уже не вставалъ болѣе, а такъ только на всякій случай обезпечилъ себя тѣмъ же самымъ вызывающимъ взглядомъ, который имѣлъ необычайную силу мысленно испепелять и разгромлять въ прахъ всѣхъ враговъ господина Голядкина. Сверхъ-того, этотъ взглядъ вполнѣ выражалъ независимость господина Голядкина, т. е. говорилъ ясно, что господинъ Голядкинъ совсѣмъ ничего, что онъ самъ-по-себѣ, какъ и всѣ, и что его изба во всякомъ случаѣ съ краю. Крестьянъ Ивановичъ кашлянулъ, крякнулъ, по-видимому въ знакъ одобренія и согласія своего на все это, и устремилъ инспекторскій, вопросительный взглядъ на господина Голядкина.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, началъ господинъ Голядкинъ съ улыбкою: — пришелъ васъ беспокоить вторично, и теперь вторично осмѣливаюсь просить вашего снисхожденія... Господинъ Голядкинъ очевидно затруднялся въ словахъ.

— Гм... да! проговорилъ Крестьянъ Ивановичъ, выпустивъ изо рта струю дыма и кладя сигару на столъ: — но вамъ нужно предписаній держаться; я вѣдь вамъ объяснялъ, я вѣдь вамъ прошедшій разъ объяснялъ, что пользованіе ваше должно состоять въ измѣненіи привычекъ... Ну, развлеченія; ну, тамъ, друзей и знакомыхъ должно посѣщать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бутылки врагомъ не бывать; равномерно держаться веселой компаніи.

Господинъ Голядкинъ, все еще улыбаясь, поспѣшилъ замѣтить, что ему кажется, что онъ, какъ и всѣ, что онъ у себя, что развлеченія у него, какъ и у всѣхъ... что онъ, конечно, можетъ ѣздить въ театръ, ибо тоже, какъ и всѣ, средства имѣеть, что днемъ онъ въ должности, а вечеромъ у себя, что онъ совсѣмъ ничего; даже замѣтилъ тутъ же мимоходомъ, что онъ, сколько ему кажется, не хуже другихъ, что онъ живетъ дома, у себя на квартирѣ, и что наконецъ у него есть Петрушка. Тутъ господинъ Голядкинъ запнулся.

— Гм, нѣтъ, такой порядокъ не то, и я васъ совсѣмъ не то хотѣлъ спрашивать. Я вообще знать интересуюсь, что вы большой ли любитель веселой компаніи, пользуетесь ли весело временемъ... Ну, тамъ, меланхолическій или веселый образъ жизни теперь продолжаете?

— Я, Крестьянъ Ивановичъ...

— Гм, я говорю, перебилъ докторъ: — что вамъ нужно коренное преобразование всей вашей жизни имѣть и въ нѣкоторомъ

смыслѣ переломить свой характеръ. (Крестьянъ Ивановичъ сильно ударилъ на слово "переломить" и остановился на минуту съ весьма-значительнымъ видомъ.) Не чуждаться жизни веселой; спектакли и клубъ посѣщать и во всякомъ случаѣ бутылки врагомъ не бывать. Дома сидѣть не годится... вамъ дома сидѣть никакъ-невозможно.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю тишину, проговорилъ господинъ Голядкинъ, бросая значительный взглядъ на Крестьяна Ивановича, и очевидно ища словъ для удачнѣйшаго выраженія мысли своей: — въ квартирѣ только я, да Петрушка... я хочу сказать, мой человѣкъ, Крестьянъ Ивановичъ. Я хочу сказать, Крестьянъ Ивановичъ, что я иду своей дорогой, особой дорогой, Крестьянъ Ивановичъ. Я себѣ особо, и сколько мнѣ кажется, ни отъ кого не завишу. Я, Крестьянъ Ивановичъ, тоже гулять выхожу.

— Какъ?.. Да! Ну, нынче гулять не составляетъ никакой пріятности; климатъ весьма-нехорошій.

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Я, Крестьянъ Ивановичъ, хоть и смирный человѣкъ, какъ я уже вамъ, кажется, имѣлъ честь объяснить, но дорога моя отдѣльно идетъ, Крестьянъ Ивановичъ. Путь жизни широкъ... Я хочу... я хочу, Крестьянъ Ивановичъ, сказать этимъ... Извините меня, Крестьянъ Ивановичъ, я не мастеръ красно говорить.

— Гм... вы говорите...

— Я говорю, чтобъ вы меня извинили, Крестьянъ Ивановичъ, въ томъ, что я, сколько мнѣ кажется, не мастеръ красно говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ полу-обиженнымъ тономъ, немного сбиваясь и путаясь. — Въ этомъ отношеніи я, Крестьянъ Ивановичъ, не такъ какъ другіе, прибавилъ онъ съ какою-то особенною улыбкою: — и много говорить не умѣю; придавать слогу красоту не учился. За то я, Крестьянъ Ивановичъ, дѣйствую; за то я дѣйствую, Крестьянъ Ивановичъ!

— Гм... Какъ же это... вы дѣйствуете? отозвался Крестьянъ Ивановичъ. За тѣмъ, на минутку, послѣдовало молчаніе. Докторъ какъ-то странно и недовѣрчиво взглянулъ на господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ тоже въ свою очередь довольно-недовѣрчиво покосился на доктора.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать господинъ Голядкинъ все въ прежнемъ тонѣ, немного-раздраженный и озадаченный крайнимъ упорствомъ Крестьяна Ивановича: — я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю спокойствіе, а не свѣтскій шумъ. Тамъ у нихъ, я говорю, въ большомъ свѣтѣ, Крестьянъ Ивановичъ, нужно умѣть

паркету лощить сапогами... (тутъ господинъ Голядкинъ немного пришаркнулъ по полу ножкой), тамъ это спрашиваютъ-сь, и каламбуръ тоже спрашиваютъ... комплиментъ раздушенный нужно умѣть составлять-сь... вотъ что тамъ спрашиваютъ. А я этому не учился, Крестьянъ Ивановичъ, — хитростямъ этимъ всѣмъ я не учился; некогда было, Крестьянъ Ивановичъ. Я человекъ простой, незатѣйливый, и блеска наружнаго нѣтъ во мнѣ. Въ этомъ, Крестьянъ Ивановичъ, я полагаю оружіе; я кладу его, говоря въ этомъ смыслѣ. — Все это господинъ Голядкинъ проговорилъ, разумѣется, съ такимъ видомъ, который ясно давалъ знать, что герой нашъ во все не жалѣетъ о томъ, что кладетъ въ этомъ смыслѣ оружіе, и что онъ хитростямъ не учился, но что даже совершенно напротивъ. Крестьянъ Ивановичъ, слушая его, смотрѣлъ внизъ, съ весьма-непріятной гримасой въ лицѣ, и какъ-будто заранѣе что-то предчувствовалъ. За тирадою господина Голядкина послѣдовало довольно-долгое и значительное молчаніе.

— Вы, кажется, немного отвлеклись отъ предмета, сказалъ наконецъ Крестьянъ Ивановичъ вполголоса: — я, признаюсь вамъ, не могъ васъ совершенно понять.

— Я не мастеръ красно говорить, Крестьянъ Ивановичъ; я уже вамъ имѣлъ честь доложить, Крестьянъ Ивановичъ, что я не мастеръ красно говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ, на этотъ разъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ.

— Гм...

— Крестьянъ Ивановичъ! началъ опять господинъ Голядкинъ тихимъ, но многозначащимъ голосомъ, отчасти въ торжественномъ родѣ и останавливаясь на каждомъ пунктѣ: — Крестьянъ Ивановичъ! вошедши сюда, я началъ извиненіями. Теперь повторяю прежнее, и опять прошу вашего снисхожденія на время. Мнѣ, Крестьянъ Ивановичъ, отъ васъ скрывать нечего. Человекъ я маленькій, сами вы знаете; но, къ счастью моему, не жалѣю о томъ, что я маленькій человекъ. Даже напротивъ, Крестьянъ Ивановичъ; и, чтобъ все сказать, я даже горжусь тѣмъ, что небольшой человекъ, а маленькій. Не интригантъ, — а этимъ тоже горжусь. Дѣйствую не втихомолку, а открыто, безъ хитростей, и хотя бы могъ вредить въ свою очередь и очень бы могъ, и даже знаю надъ кѣмъ и какъ это сдѣлать, Крестьянъ Ивановичъ, но не хочу замарать себя, и въ этомъ смыслѣ умываю руки мои. Въ этомъ смыслѣ, говорю, я ихъ умываю, Крестьянъ Ивановичъ! — Господинъ Голяд-

кинъ на мгновение выразительно замолчалъ; говорилъ онъ съ кроткимъ одушевленіемъ.

— Иду я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать нашъ герой: — прямо, открыто и безъ окольныхъ путей, потому-что ихъ презираю, и предоставляю это другимъ. Не стараюсь унижить тѣхъ, которые, можетъ-быть, насъ съ вами почище... то-есть, я хочу сказать насъ съ ними, Крестьянъ Ивановичъ, насъ съ ними. Полусловъ не люблю; мизерныхъ двуличностей не жалую; клеветою и сплетней гнушаюсь. Маску надѣваю лишь въ маскарадъ, а не хожу съ нею передъ людьми каждодневно. Спрошу я васъ только, Крестьянъ Ивановичъ, какъ бы стали вы мстить врагу своему, злѣйшему врагу своему, — тому, кого бы вы считали такимъ? заключилъ г. Голядкинъ, бросивъ вызывающій взглядъ на Крестьяна Ивановича.

Хотя господинъ Голядкинъ проговорилъ все это до-нельзя отчетливо, ясно, съ увѣренностью, взвѣсивая слова и рассчитывая на вѣрнѣйшій эффектъ, но между-тѣмъ, съ безпокойствомъ, съ большимъ безпокойствомъ, съ крайнимъ безпокойствомъ смотрѣлъ теперь на Крестьяна Ивановича. Теперь онъ обратился весь въ зрѣніе, и робко, съ досаднымъ, тоскливымъ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта Крестьяна Ивановича. Но, къ изумленію и къ совершенному поражению господина Голядкина, Крестьянъ Ивановичъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ; потомъ придвинулъ кресла къ столу, и довольно-сухо, но, впрочемъ, учтиво объявилъ ему что-то въ родѣ того, что ему время дорого, что онъ какъ-то не совсѣмъ понимаетъ; что, впрочемъ, онъ, чѣмъ можетъ, готовъ служить, по силамъ своимъ, но что все дальнѣйшее и до него некасающееся онъ оставляетъ. Тутъ онъ взялъ перо, придвинулъ бумагу, выкроилъ изъ нея докторской формы лоскутикъ и объявилъ, что тотчасъ пропишетъ, что слѣдуетъ.

— Нѣтъ-съ, не слѣдуетъ, Крестьянъ Ивановичъ! нѣтъ-съ, это вовсе не слѣдуетъ! проговорилъ господинъ Голядкинъ, привставъ съ мѣста и хватая Крестьяна Ивановича за правую руку: — этого, Крестьянъ Ивановичъ, здѣсь вовсе ненужно...

А между-тѣмъ, покамѣстъ говорилъ это все господинъ Голядкинъ, въ немъ произошла какая-то странная переменна. Сѣрые глаза его какъ-то странно блеснули, губы его задрожали, всѣ мускулы, всѣ черты лица его заходили, задвигались. Самъ онъ весь дрожалъ. Послѣдовавъ первому движенію своему и остановивъ руку Крестьяна Ивановича, господинъ Голядкинъ стоялъ теперь неподвижно,

какъ-будто самъ не довѣряя себѣ и ожидая вдохновенія для дальнѣйшихъ поступковъ.

Тогда произошла довольно-странная сцена.

Немного-озадаченный, Крестьянъ Ивановичъ на мгновение будто приросъ къ своему креслу и, потерявшись, смотрѣлъ во все глаза господину Голядкину, который такимъ же образомъ смотрѣлъ на него. Наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ всталъ, придерживаясь немного за лацканъ виц-мундира господина Голядкина. Нѣсколько секундъ стояли они такимъ-образомъ оба, неподвижно, и не сводя глазъ другъ съ друга. Тогда, впрочемъ, необыкновенно-страннымъ образомъ, разрѣшилось и второе движеніе господина Голядкина. Губы его затряслись, подбородокъ запрыгалъ, и герой нашъ заплакалъ совсѣмъ-неожиданно. Всклипывая, кивая головой, и ударяя себя въ грудь правой рукою, а лѣвой схвативъ тоже за лацканъ домашней одежды Крестьяна Ивановича, хотѣлъ-было онъ говорить и въ чемъ-то немедленно объясниться, но не могъ и слова сказать. Наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ опомнился отъ своего изумленія.

— Полноте, успокойтесь, садитесь! проговорилъ онъ наконецъ, стараясь посадить господина Голядкина въ кресла.

— У меня есть враги, Крестьянъ Ивановичъ, у меня есть враги; у меня есть злые враги, которые меня погубить поклялись... отвѣчалъ господинъ Голядкинъ боязливо и шопотомъ.

— Полноте, полноте; что враги! не нужно враговъ поминать! это совершенно не нужно. Садитесь, садитесь, продолжалъ Крестьянъ Ивановичъ, усаживая господина Голядкина окончательно въ кресла.

Господинъ Голядкинъ усѣлся наконецъ, не сводя глазъ съ Крестьяна Ивановича. Крестьянъ Ивановичъ съ крайне-недовольнымъ видомъ сталъ шагать изъ угла въ уголъ своего кабинета. Послѣдовало долгое молчаніе.

— Я вамъ благодаренъ, Крестьянъ Ивановичъ, весьма-благодаренъ, и весьма чувствую все, что вы для меня теперь сдѣлали, Крестьянъ Ивановичъ. По гробъ не забуду я ласки вашей, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ наконецъ господинъ Голядкинъ, съ обиженнымъ видомъ вставая со стула.

— Полноте, полноте! я вамъ говорю полноте! отвѣчалъ довольно-строга Крестьянъ Ивановичъ на выходку господина Голядкина, еще разъ усаживая его на мѣсто.

— Ну, что у васъ? расскажите мнѣ, что у васъ есть тамъ теперь неприятнаго, продолжалъ Крестьянъ Ивановичъ: — и о какихъ врагахъ говорите вы? Что у васъ есть тамъ такое?

— Нѣтъ, Крестьянъ Ивановичъ, мы лучше это оставимъ теперь, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, опустивъ глаза въ землю: — лучше отложимъ все это въ сторону, до времени... до другаго времени, Крестьянъ Ивановичъ, до болѣе-удобнаго времени, когда все обнаружится, и маска спадетъ съ нѣкоторыхъ лицъ, и кое-что обнажится. А теперь, покамѣстъ, разумѣется, послѣ того, что съ нами случилось... вы согласитесь сами, Крестьянъ Ивановичъ... Позвольте пожелать вамъ добраго утра, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ господинъ Голядкинъ, въ этотъ разъ рѣшительно и серьезно вставая съ мѣста и хватаясь за шляпу.

— А ну... какъ хотите... гм... (Послѣдовало минутное молчаніе.) — Я, съ моей стороны, вы знаете, что могу... и искренно вамъ добра желаю.

— Понимаю васъ, Крестьянъ Ивановичъ, понимаю; я васъ совершенно понимаю теперь... Во всякомъ случаѣ, извините меня, что я васъ обезпокоилъ, Крестьянъ Ивановичъ.

— Гм... Нѣтъ, я вамъ не то хотѣлъ говорить. Впрочемъ, какъ угодно. Медикаменты по прежнему. Продолжайте...

— Буду продолжать медикаменты, какъ вы говорите, Крестьянъ Ивановичъ, буду продолжать, и въ той же аптекѣ брать буду... Нынче и аптекаремъ быть, Крестьянъ Ивановичъ, уже важное дѣло...

— Какъ? въ какомъ смыслѣ вы хотите сказать?

— Въ весьма-обыкновенномъ смыслѣ, Крестьянъ Ивановичъ. Я хочу сказать, что нынче такъ свѣтъ пошелъ...

— Гм...

— И что всякій мальчишка, не только аптекарскій, передъ порядочнымъ человѣкомъ носъ задираетъ теперь.

— Гм. Какъ же вы это понимаете?

— Я говорю, Крестьянъ Ивановичъ, про извѣстнаго человѣка... про общаго намъ знакомаго, Крестьянъ Ивановичъ, на примѣръ, хоть про Владиміра Семеновича...

— А!..

— Да, Крестьянъ Ивановичъ; и я знаю нѣкоторыхъ людей, Крестьянъ Ивановичъ, которые не слишкомъ-то держатся общаго мнѣнія, чтобъ иногда правду сказать.

— А!.. Какъ же это?

— Да ужь такъ-съ; это, впрочемъ, постороннее дѣло; умѣютъ этакъ иногда поднести коку съ сокомъ.

— Что? что поднести?

— Коку съ сокомъ, Крестьянъ Ивановичъ; это пословица русская. Умѣютъ иногда кстати поздравить кого-нибудь, на-примѣръ; есть такіе люди, Крестьянъ Ивановичъ.

— Поздравить?

— Да-съ, поздравить, Крестьянъ Ивановичъ, какъ сдѣлалъ на-дняхъ одинъ изъ моихъ короткихъ знакомыхъ...

— Одинъ изъ вашихъ короткихъ знакомыхъ... а! какъ же это? сказалъ Крестьянъ Ивановичъ, внимательно взглянувъ на господина Голядкина.

— Да-съ, одинъ изъ моихъ близкихъ знакомыхъ поздравилъ съ чиномъ, съ полученіемъ ассессорскаго чина, другаго весьма-близкаго тоже знакомаго, и въ добавокъ пріятеля, какъ говорится, сладчайшаго друга. Этакъ къ слову пришлось. "Чувствительно, дескать, говоритъ, радъ случаю принести вамъ, Владиміръ Семеновичъ, мое поздравленіе, *искреннее* мое поздравленіе въ полученіи чина. И тѣмъ болѣе радъ, что нынче, какъ всему свѣту извѣстно, вывелись бабушки, которыя ворожатъ". Тутъ господинъ Голядкинъ плутовски кивнулъ головой и, прищурясь, посмотрѣлъ на Крестьяна Ивановича...

— Гм. Такъ это сказалъ...

— Сказалъ, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ, да тутъ же и взглянулъ на Андрея Филипповича, на дядю-то нашего нещечка, Владиміра Семеновича. Да что мнѣ, Крестьянъ Ивановичъ, что онъ ассессоромъ сдѣланъ? Мнѣ-то что тутъ? Да жениться хочетъ, когда еще молоко, съ позволенія сказать, на губахъ не обсохло. Такъ-таки и сказалъ. Де-скасть, говорю, Владиміръ Семеновичъ! Я теперь все сказалъ; позвольте же мнѣ удалиться.

— Гм...

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, позвольте же мнѣ теперь, говорю, удалиться. Да тутъ, чтобъ ужь разомъ двухъ воробьевъ однимъ камнемъ убить, — какъ срѣзалъ молодца-то на бабушкахъ и обращаюсь къ Кларѣ Олсуфьевнѣ (дѣло-то было третьяго-дня у Олсуфья Ивановича), — а она только-что романсъ пропѣла чувствительный, — говорю, де-скасть, "чувствительно пропѣтъ вы романсы изволили, да только слушаютъ-то васъ не отъ чистаго сердца." И намекаю тѣмъ ясно, понимаете, Крестьянъ Ивановичъ, намекаю тѣмъ ясно, что ищутъ-то теперь не въ ней, а подальше...

— А! ну что же онъ?..

— Лимонъ съѣлъ, Крестьянъ Ивановичъ, какъ по пословицѣ говорится.

— Гм...

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Тоже и старику самому говорю — де-скать, Олсуфій Ивановичъ, говорю, я знаю, чѣмъ обязанъ я вамъ, цѣню вполнѣ благодѣянія ваши, которыми почти съ дѣтскихъ лѣтъ моихъ вы осыпали меня. Но откройте глаза, Олсуфій Ивановичъ, говорю. Посмотрите. Я самъ дѣло на чистоту и открыто веду, Олсуфій Ивановичъ.

— А, вотъ какъ!

— Да, Крестьянъ Ивановичъ. Оно вотъ какъ...

— Что жъ онъ?

— Да что онъ, Крестьянъ Ивановичъ! мямлитъ; и того и сего, и я тебя знаю, и что его превосходительство благодѣтельный человѣкъ — и пошелъ, и размазался... Да вѣдь что жъ? отъ старости, какъ говорится, покачнулся порядкомъ.

— А! такъ вотъ какъ теперь!

— Да, Крестьянъ Ивановичъ. И всѣ-то мы такъ, чего! старикашка! въ гробъ смотритъ, дышетъ на ладанъ, какъ говорится, а сплетню бабью заплетутъ какую-нибудь, такъ онъ ужь тутъ слушаетъ; безъ него невозможно...

— Сплетню, вы говорите?

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, заплели они сплетню. Замѣшалъ свою руку сюда и нашъ медвѣдь, и племянникъ его, наше нещечко; связались они съ старухами, разумѣется, и состряпали дѣло. Какъ бы вы думали? Что они выдумали, чтобъ убить человѣка?...

— Чтобъ убить человѣка?

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, чтобъ убить человѣка, нравственно убить человѣка. Распустили они... я все про моего близкаго знакомаго говорю...

Крестьянъ Ивановичъ кивнулъ головою.

— Распустили они на-счетъ его слухъ... Признаюсь вамъ, мнѣ даже совѣстно говорить, Крестьянъ Ивановичъ...

— Гм...

— Распустили они слухъ, что онъ уже далъ подписку жениться, что онъ уже женихъ съ другой стороны... И какъ бы вы думали, Крестьянъ Ивановичъ, на комъ?

— Право?

— На кухмистершѣ, на одной неблагопристойной Нѣмкѣ, у которой обѣды беретъ; вмѣсто заплаты долговъ, руку ей предлага-
етъ.

— Это они говорятъ?

— Вѣрите ли, Крестьянъ Ивановичъ? Нѣмка, подлая, гадкая, безстыдная Нѣмка, Каролина Ивановна, если извѣстно вамъ...

— Я признаюсь съ моей стороны...

— Понимаю васъ, Крестьянъ Ивановичъ, понимаю, и съ своей стороны это чувствую....

— Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ вы живете теперь?

— Гдѣ я живу теперь, Крестьянъ Ивановичъ?

— Да... я хочу... вы прежде, кажется, жили...

— Жилъ, Крестьянъ Ивановичъ, жилъ, жилъ и прежде. Какъ же не жить! отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, сопровождая слова свои маленькимъ смѣхомъ, и немного смутивъ отвѣтомъ своимъ Крестьяна Ивановича.

— Нѣтъ, вы не такъ это приняли; я хотѣлъ съ своей стороны...

— Я тоже хотѣлъ, Крестьянъ Ивановичъ, съ своей стороны, я тоже хотѣлъ, смѣясь продолжалъ господинъ Голядкинъ. — Но, однакожь, я, Крестьянъ Ивановичъ, у васъ засидѣлся совсѣмъ. Вы, надѣюсь, позвольте мнѣ теперь... пожелать вамъ добраго утра...

— Гм...

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, я васъ понимаю; я васъ теперь вполне понимаю, сказалъ нашъ герой, немного рисуясь передъ Крестьяномъ Ивановичемъ... И такъ, позвольте вамъ пожелать добраго утра...

Тутъ герой нашъ шаркнулъ ножкой и вышелъ изъ комнаты, оставивъ въ крайнемъ изумленіи Крестьяна Ивановича. Сходя съ докторской лѣстницы, онъ улыбался и радостно потиралъ себѣ руки. На крыльцѣ, дохнувъ свѣжимъ воздухомъ и почувствовавъ себя на свободѣ, онъ даже дѣйствительно готовъ былъ признать себя счастливейшимъ смертнымъ, и потомъ прямо отправиться въ департаментъ, — какъ вдругъ у подъѣзда загремѣла его карета; онъ взглянулъ и все вспомнилъ. Петрушка отворялъ уже дверцы. Какое-то странное и крайне-непріятное ощущеніе охватило всего господина Голядкина. Онъ какъ-будто-бы покраснѣлъ на мгновеніе. Что-то кольнуло его. Онъ уже сталъ-было заносить свою ногу на подножку кареты, какъ вдругъ обернулся и посмотрѣлъ на окна Крестьяна Ивановича. Такъ и есть! Крестьянъ Ивановичъ стоялъ у

окна, поглаживалъ правой рукой свои бакенбарды и довольно-любопытно смотрѣлъ на героя нашего.

— Этотъ докторъ глупъ, подумалъ господинъ Голядкинъ, забываясь въ карету свою: — крайне-глупъ. Онъ, можетъ-быть, и хорошо своихъ больныхъ лечить, а все-таки... глупъ какъ бревно. Господинъ Голядкинъ усѣлся, Петрушка крикнулъ: "пошолъ!" и карета покатилась опять на Невскій-Проспектъ.

ГЛАВА III.

О томъ, на сколько именно рублей сторговалъ г. Голядкинъ и на сколько купилъ. Что доказалъ онъ потомъ двумъ своимъ сослуживцамъ. Что такое частная, и что такое оффиціальная жизнь г. Голядкина. О томъ, какъ наконецъ г. Голядкинъ собирався объдать, сан-фасонъ, какъ между порядочными людьми говорится, и чѣмъ наконецъ все это кончилось.

Все это утро прошло въ страшныхъ хлопотахъ у господина Голядкина. Попавъ на Невскій-Проспектъ, герой нашъ приказалъ остановиться у Гостиного-Двора. Выпрыгнувъ изъ своего экипажа, побѣжалъ онъ подъ аркаду, въ сопровожденіи Петрушки, и пошелъ прямо въ лавку серебряныхъ и золотыхъ издѣлій. Замѣтно было уже по одному виду господина Голядкина, что у него хлопотъ полонъ ротъ и дѣла страшная куча. Сторговавъ полный обѣденный и чайный сервизъ слишкомъ на тысячу-пятьсотъ рублей ассигнаціями и выторговавъ себѣ въ эту же сумму затѣйливой формы сигарочницу и полный серебряный приборъ для бритья бороды, прицѣпившись наконецъ еще къ кое-какимъ въ своемъ родѣ полезнымъ и пріятнымъ вещицамъ, господинъ Голядкинъ кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ завтра же зайти непременно или даже сегодня прислать за сторгованнымъ, взялъ номеръ лавки, и, выслушавъ внимательно купца, хлопотавшаго о задаточкѣ, обѣщалъ въ свое время и задаточекъ. Послѣ чего онъ поспѣшно распростился съ недоумѣвавшимъ купцомъ и пошелъ вдоль по линіи, преслѣдуемый цѣлой стайей сидѣльцевъ, поминутно оглядываясь назадъ на Петрушку и тщательно отыскивая какую-то новую лавку. Мимоходомъ забѣжалъ въ мѣняльную лавочку и размѣнялъ всю свою крупную бумагу на мелкую, и хотя потерялъ на промѣнѣ, но за то все-таки размѣнялъ, и бумажникъ его значительно потолстѣлъ, что, по видимому, доставило ему крайнее удовольствіе. Наконецъ остановился онъ въ магазинѣ разныхъ дамскихъ матерій. Наторговавъ опять на знатную сумму, господинъ Голядкинъ и здѣсь обѣщалъ купцу зайти непременно, взялъ номеръ лавки и на вопросъ о задаточкѣ, опять повторилъ, что будетъ въ свое время и задаточекъ. Потомъ посѣтилъ и еще нѣсколько лавокъ; во всѣхъ торговалъ, прицѣплялся къ разнымъ вещицамъ, спорилъ иногда долго съ купцами, уходилъ изъ лавки и раза по три возвращался, — однимъ словомъ, оказывалъ необыкновенную дѣятельность. Изъ Гостиного-Двора герой нашъ отправился въ одинъ извѣстный мебельный ма-

газинъ, гдѣ сторговаль мебели на шесть комнатъ, полюбовался однимъ моднымъ и весьма-затѣйливымъ дамскимъ туалетомъ въ послѣднемъ вкусѣ и, увѣривъ купца, что пришлетъ за всеѣмъ непременно, вышелъ изъ магазина, по своему обычаю, съ общаніемъ задаточка, потомъ заѣхалъ еще кое-куда и поторговаль кое-что. Однимъ словомъ, не было, по-видимому, конца его хлопотамъ. Наконецъ, все это, кажется, сильно стало надоѣдать самому господину Голядкину. Даже и Богъ-знаетъ по какому случаю стали его терзать, ни съ того ни съ сего, угрызенія совѣсти. Ни за что бы не согласился онъ теперь встрѣтиться, на-примѣръ, съ Андреемъ Филипповичемъ или хоть съ Крестьяномъ Ивановичемъ. Наконецъ, городскіе часы пробили три по-полудни. Когда господинъ Голядкинъ сѣлъ окончательно въ карету, изъ всеѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ имъ въ это утро, оказалась въ дѣйствительности лишь одна пара перчатокъ и стеклянка духовъ въ полтора рубля ассигнаціями. Такъ-какъ для господина Голядкина было еще довольно-рано, то онъ и приказаль своему кучеру остановиться возлѣ одного извѣстнаго ресторана на Невскомъ-Проспектѣ, о которомъ доселѣ онъ зналъ лишь понаслышкѣ, вышелъ изъ кареты и побѣжалъ закусить, отдохнуть и выждать извѣстное время.

Закусивъ такъ, какъ закусываетъ человекъ, у котораго въ перспективѣ богатый званый обѣдъ, т. е. перехвативъ кое-что, чтобы, какъ говорится, червячка заморить, и выпивъ одну рюмочку водки, господинъ Голядкинъ усѣлся въ креслахъ, и, скромно осмотрѣвшись кругомъ, мирно пристроился къ одной тощей національной газеткѣ. Прочтя строчки двѣ, онъ всталъ, посмотрѣлся въ зеркало, оправился и огладился; потомъ подошелъ къ окну и поглядѣлъ, тутъ ли его карета... потомъ опять сѣлъ на мѣсто и взялъ газету. Замѣтно было, что герой нашъ былъ въ крайнемъ волненіи. Взглянувъ на часы, и видя, что еще только четверть четвертаго, слѣдовательно, еще остается порядочно ждать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разсудивъ, что такъ сидѣть неприлично, господинъ Голядкинъ приказаль подать себѣ шоколаду, къ которому, впрочемъ, въ настоящее время большой охоты не чувствовалъ. Выпивъ шоколадъ и замѣтивъ, что время немного подвинулось, вышелъ онъ расплатиться. Вдругъ кто-то ударилъ его по плечу.

Онъ обернулся и увидѣлъ предъ собою двухъ своихъ сослуживцевъ-товарищей, тѣхъ самыхъ, съ которыми встрѣтился утромъ въ Литейной — ребятъ еще весьма-молодыхъ и по лѣтамъ и по чину. Герой нашъ былъ съ ними ни-то-ни-се, ни въ дружбѣ, ни въ от-

крытой враждѣ. Разумѣется, соблюдалось приличіе съ обѣихъ сторонъ; дальнѣйшаго же сближенія не было, да и быть не могло. Встрѣча въ настоящее время была крайне-непріятна господину Голядкину. Онъ немного поморщился и на минутку смѣшался.

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ! зашебетали оба регистратора: — вы здѣсь? по какому...

— А! это вы, господа! перебилъ поспѣшно господинъ Голядкинъ, немного сконфузясь и скандализируясь изумленіемъ чиновниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ короткостію ихъ обращенія, но, впрочемъ, дѣлая развязнаго и молодца по-неволѣ. — Дизертировали, господа, хе, хе, хе!.. Тутъ даже, чтобъ не уронить себя и снизойти до канцелярскаго юношества, съ которымъ всегда былъ въ должныхъ границахъ, онъ попробовалъ-было потрепать одного юношу по плечу; но популярность въ этомъ случаѣ не удалась господину Голядкину, и, вмѣсто прилично-короткаго жеста, вышло что-то совершенно другое.

— Ну, а что, медвѣдь нашъ сидитъ?..

— Кто это, Яковъ Петровичъ?

— Ну, медвѣдь-то, будто не знаете кого медвѣдемъ зовутъ?.. Господинъ Голядкинъ засмѣялся и отвернулся къ прикащику взять съ него сдачу. — Я говорю про Андрея Филипповича, господа, продолжалъ онъ, кончивъ съ прикащикомъ и на этотъ разъ съ весьма-серьезнымъ видомъ обратившись къ чиновникамъ. Оба регистратора значительно перемигнулись другъ съ другомъ.

— Сидитъ еще и васъ спрашивалъ, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Сидитъ, а! Въ такомъ случаѣ, пусть его сидитъ, господа. И меня спрашивалъ, а?

— Спрашивалъ, Яковъ Петровичъ; да что это съ вами, Яковъ Петровичъ, раздушены, распомажены, франтомъ такимъ?..

— Такъ, господа, это такъ! Полноте... отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, смотря въ сторону и напряженно улыбнувшись. Видя, что господинъ Голядкинъ улыбается, чиновники расхохотались. Господинъ Голядкинъ немного надулся.

— Но, однакоже, Яковъ Петровичъ?..

— Я вамъ скажу, господа, подружески, отвѣчалъ немного помолчавъ нашъ герой, какъ-будто (такъ ужъ и быть) рѣшившись открыть что-то чиновникамъ: — вы, господа, всѣ меня знаете, но досихъ-поръ знали только съ одной стороны. Пенять въ этомъ случаѣ не на кого, и, отчасти, сознаюсь, я былъ самъ виноватъ.

Господинъ Голядкинъ сжалъ губы и значительно взглянулъ на чиновниковъ. Чиновники снова перемигнулись.

— До-сихъ-поръ, господа, вы меня знали только отчасти и не совсѣмъ... Объясняться теперь и здѣсь будетъ не совсѣмъ-то кстати. Скажу вамъ только кое-что мимоходомъ и вскользь. Есть люди, господа, которые не любятъ окольныхъ путей и маскируются только для маскарада. Есть люди, которые не видятъ прямого человѣческаго назначенія въ ловкомъ умѣньи лощить паркетъ сапогами. Есть и такіе люди, господа, которые не будутъ говорить, что счастливы, и живутъ вполнѣ, когда, на-примѣръ, на нихъ хорошо сидятъ панталоны. Есть, наконецъ, люди, которые не любятъ скакать и вертѣться по-пустому, заигрывать и подлизываться, а главное, господа, совать туда свой носъ, гдѣ его вовсе не спрашиваютъ... Я, господа, сказалъ почти все; позвольте жъ мнѣ теперь удалиться...

Господинъ Голядкинъ остановился. Такъ-какъ господа регистраторы были теперь удовлетворены вполнѣ, то, вдругъ, оба крайне-неуучливо покатались со смѣха. Господинъ Голядкинъ вспыхнулъ.

— Смѣйтесь, господа, смѣйтесь покамѣстъ! Поживете — увидите, сказалъ онъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, взявъ свою шляпу и ретируясь къ дверямъ.

— Но скажу болѣе, господа, прибавилъ онъ, обращаясь въ послѣдній разъ къ господамъ регистраторамъ: — скажу болѣе, господа — оба вы здѣсь со мной глазъ-на-глазъ. Вотъ, господа, мои правила: не удастся — крѣплюсь, удастся — держусь и во всякомъ случаѣ никого не подкапываю. Не интригантъ — и этимъ горжусь. Въ дипломаты бы я не годился. Говорятъ еще, господа, что птица сама летитъ на охотника. Правда и готовъ согласиться: но кто здѣсь охотникъ, кто птица? Это еще вопросъ, господа!

Господинъ Голядкинъ краснорѣчиво умолкъ и съ самой значительной миной, то-есть, поднявъ брови и сжавъ губы до нельзя, раскланялся съ господами чиновниками и потомъ вышелъ, оставя ихъ въ крайнемъ изумленіи.

— Куда прикажете? спросилъ довольно-сурово Петрушка, которому уже наскучило, вѣроятно, таскаться по холоду: — куда прикажете? спросилъ онъ господина Голядкина, встрѣчая его страшный, всеуничтожающій взглядъ — тотъ самый взглядъ, которымъ герой нашъ уже два раза обезпечивалъ себя въ это утро, и къ которому прибѣгнулъ теперь въ третій разъ, сходя съ лѣстницы.

— Къ Измайловскому-Мосту.

— Къ Измайловскому-Мосту! Пошолъ!

— Обѣдъ у нихъ начнется не раньше, какъ въ пятомъ, или даже въ пять часовъ, думалъ господинъ Голядкинъ: — не рано ль теперь? Впрочемъ, вѣдь я могу и пораньше; да, къ-тому же, и семейный обѣдъ. Я, этакъ, могу сан-фасонъ, какъ между порядочными людьми говорится. Отъ-чего же бы мнѣ нельзя сан-фасонъ? Медвѣдъ нашъ тоже говорилъ, что будетъ все сан-фасонъ, а потому и я тоже... Такъ думалъ господинъ Голядкинъ: — а между-тѣмъ волненіе его все болѣе и болѣе увеличивалось. Замѣтно было, что онъ готовился къ чему-то весьма-хлопотливому, чтобъ не сказать болѣе, шепталъ про себя, жестикулировалъ правой рукой, непрерывно поглядывалъ въ окна кареты, такъ-что, смотря теперь на господина Голядкина, право бы никто не сказалъ, что онъ собирается хорошо пообѣдать, за-просто, да еще въ своемъ семейномъ кругу, — сан-фасонъ, какъ между порядочными людьми говорится. Наконецъ, у самага Измайловскаго-Моста, господинъ Голядкинъ указалъ на одинъ домъ; карета съ громомъ вкатилась въ ворота, и остановилась у подъѣзда праваго фаса. Замѣтивъ одну женскую фигуру въ окнѣ втораго этажа, господинъ Голядкинъ послалъ ей рукой поцалуй. Впрочемъ, онъ не зналъ самъ что дѣлаетъ, потому-что рѣшительно былъ ни живъ, ни мертвъ въ эту минуту. Изъ кареты онъ вышелъ блѣдный, растерянный; взошелъ на крыльцо, снялъ свою шляпу, машинально оправился, и, чувствуя, Впрочемъ, маленькую дрожь въ колѣнкахъ, пустился по лѣстницѣ.

— Олсуфій Ивановичъ? спросилъ онъ отворившаго ему человѣка.

— Дома-съ, т. е. нѣтъ-съ, ихъ нѣтъ дома-съ.

— Какъ? что ты, мой милый? Они у себя; я — я на обѣдъ, братецъ. Вѣдь ты меня знаешь?

— Какъ не знать-съ! Принимать васъ не велѣно-съ.

— Ты... ты, братецъ... ты вѣрно ошибаешься, братецъ. Это я; ты видишь, что это я. Я, братецъ, приглашенъ; я на обѣдъ, — проговорилъ господинъ Голядкинъ, сбрасывая шинель и показывая очевидное намѣреніе отправиться въ комнаты.

— Позвольте-съ, нельзя-съ. Не велѣно принимать-съ, вамъ отказывать велѣно. Вотъ какъ!

Господинъ Голядкинъ поблѣднѣлъ. Въ это самое время, дверь изъ внутреннихъ комнатъ отворилась, и вошелъ Герасимычъ, старый камердинеръ Олсуфія Ивановича.

— Вотъ они, Емельянъ Герасимовичъ, войдти хотятъ, а я...

— А вы дуракъ, Алексѣичъ. Ступайте въ комнаты, а сюда пришлите подлеца Семеныча. Нельзя-съ, сказалъ онъ учтиво, но рѣшительно обращаясь къ господину Голядкину. — Никакъ не возможно-съ. Просятъ извинить-съ; не могутъ принять-съ.

— Они такъ и сказали, что не могутъ принять? нерѣшительно спросилъ господинъ Голядкинъ. — Вы, извините, Герасимычъ. Отъ-чего же никакъ невозможно?

— Никакъ не возможно-съ. Я докладывалъ-съ; сказали: проси извинить. Не могутъ, де-скать, принять-съ.

— Отъ-чего же? какъ же это? какъ... Герасимычъ... я...

— Позвольте, позвольте!

— Однако какъ же это такъ? Такъ нельзя. Доложите... Какъ же это такъ? я на обѣдъ...

— Позвольте, позвольте!..

— А ну, впрочемъ, это дѣло другое, если извинить просятъ; но однакожь позвольте, Герасимычъ, какъ же это, Герасимычъ?

— Позвольте, позвольте! возразилъ Герасимычъ, весьма рѣшительно отстраняя рукой господина Голядкина, и давая широкую дорогу двумъ господамъ, которые въ это самое мгновеніе входили въ прихожую. Входившіе господа были Андрей Филипповичъ и племянникъ его, Владиміръ Семеновичъ. Оба они съ недоумѣніемъ посмотрѣли на господина Голядкина. Андрей Филипповичъ хотѣлъ-было что-то заговорить, но господинъ Голядкинъ уже рѣшился; онъ уже выходилъ изъ прихожей Олсуфія Ивановича, опустивъ глаза, покраснѣвъ, улыбаясь, съ совершенно-потерянной фізіономіей. — Я зайду послѣ, Герасимычъ; я объяснюсь; я надѣюсь, что все это не замедлитъ своевременно объясниться, проговорилъ онъ на порогѣ и отчасти на лѣстницѣ...

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ!.. слышался голосъ послѣдовавшаго за господиномъ Голядкинымъ Андрея Филипповича.

Господинъ Голядкинъ находился тогда уже на первой забѣжной площадкѣ. Онъ быстро оборотился къ Андрею Филипповичу.

— Что вамъ угодно, Андрей Филипповичъ? сказалъ онъ довольно-рѣшительнымъ тономъ.

— Что это съ вами, Яковъ Петровичъ? Какимъ образомъ?..

— Ничего, Андрей Филипповичъ, я ничего. Я здѣсь самъ-по-себѣ. Это моя частная жизнь, Андрей Филипповичъ, это моя частная жизнь.

— Что такое-съ?

— Я говорю, Андрей Филипповичъ, что это моя частная жизнь, и что здѣсь, сколько мнѣ кажется, ничего нельзя найти предосудительнаго касательно оффиціальныхъ отношеній моихъ.

— Какъ! касательно оффиціальныхъ... что?.. что съ вами, сударь, такое?

— Ничего, Андрей Филипповичъ, совершенно-ничего; дерзкая дѣвчонка, больше ничего...

— Что!.. что?! Андрей Филипповичъ почти потерялся отъ изумленія. Господинъ Голядкинъ, который доселѣ, разговаривая снизу лѣстницы съ Андреемъ Филипповичемъ, смотрѣлъ такъ, что, казалось, готовъ былъ ему прыгнуть прямо въ глаза, — видя, что начальникъ отдѣленія немного смѣшался, сдѣлалъ, почти-невѣдомо себѣ, шагъ впередъ. Андрей Филипповичъ подался назадъ. Господинъ Голядкинъ переступилъ еще и еще ступеньку. Андрей Филипповичъ безпокойно осмотрѣлся кругомъ. Господинъ Голядкинъ вдругъ быстро поднялся на лѣстницу. Еще быстрее прыгнулъ Андрей Филипповичъ въ комнату и захлопнулъ дверь за собою. Господинъ Голядкинъ остался одинъ. Въ глазахъ у него потемнѣло. Онъ сбился совсѣмъ и стоялъ теперь въ какомъ-то безтолковомъ раздумьѣ, какъ-будто припоминая о какомъ-то тоже крайне-безтолковомъ обстоятельстве, весьма-недавно случившемся. Эхъ, эхъ! прошепталъ онъ, улыбаясь съ натуги. Между-тѣмъ, на лѣстницѣ, внизу, слышались голоса и шаги, вѣроятно новыхъ гостей, приглашенныхъ Олсуфьемъ Ивановичемъ. Господинъ Голядкинъ отчасти опомнился, поскорѣе поднялъ повыше свой ентовый воротникъ, прикрылся имъ по возможности, и сталъ, ковыляя, семеня, торопясь и спотыкаясь сходить съ лѣстницы. Чувствовала онъ въ себѣ какое-то ослабленіе и онѣмѣніе. Смущеніе его было въ такой сильной степени, что, вышедъ на крыльцо, онъ не подождалъ и кареты своей, а самъ пошелъ прямо черезъ грязный дворъ до своего экипажа. Подойдя къ своему экипажу и приготавливаясь въ немъ помѣститься, господинъ Голядкинъ мысленно обнаружилъ желаніе провалиться сквозь землю, или спрятаться хоть въ мышиную щелочку вмѣстѣ съ каретой своей. Ему казалось, что все, что ни есть въ домѣ Олсуфія Ивановича, вотъ такъ и смотритъ теперь на него

изъ всѣхъ оконъ. Онъ зналъ, что непремѣнно тутъ же на мѣстѣ умретъ, если обернется назадъ.

— Что ты смѣешься, болванъ? сказалъ онъ скороговоркой Петрушкѣ, который приготовился-было его посадить въ карету.

— Да что мнѣ смѣяться-то? я ничего; куда теперь ѣхать?

— Ступай домой, поѣзжай...

— Пошолъ домой! крикнулъ Петрушка, взмогся на запятки.

— Экое горло воронье! подумалъ господинъ Голядкинъ. Между-тѣмъ, карета уже довольно-далеко отъѣхала за Измайловскій-Мостъ. Вдругъ герой нашъ изъ всей силы дернулъ снурокъ и закричалъ своему кучеру немедленно воротиться назадъ. Кучеръ поворотилъ лошадей и черезъ двѣ минуты въѣхалъ опять во дворъ къ Олсуфію Ивановичу. — "Ненужно, дуракъ, ненужно; назадъ!" прокричалъ господинъ Голядкинъ — и кучеръ словно ожидалъ такого приказанія. Не возражая ни на что, не останавливаясь у подъѣзда и объѣхавъ кругомъ весь дворъ, въѣхалъ снова на улицу.

Домой господинъ Голядкинъ не поѣхалъ, а миновавъ Семеновскій-Мостъ, приказалъ поворотить въ одинъ переулокъ и остановиться возлѣ трактира, довольно скромной наружности. Вышедъ изъ кареты, герой нашъ расплатился съ извозчикомъ и такимъ-образомъ избавился наконецъ отъ своего экипажа. Петрушкѣ приказалъ идти домой и ждать его возвращенія. Самъ же вошелъ въ трактиръ, взялъ особенный номеръ и приказалъ подать себѣ пообѣдать. Чувствовалъ онъ себя весьма-дурно, а голову свою въ полнѣйшемъ разбродѣ и въ хаосѣ. Долго ходилъ онъ въ волненіи по комнатѣ; наконецъ сѣлъ на стулъ, подперъ себѣ лобъ руками и началъ всѣми силами стараться обсудить и разрѣшить кое-что относительно настоящаго своего положенія...

ГЛАВА IV.

Какой именно обѣдъ и какой именно балъ давались статскимъ совѣтникомъ Берендѣевымъ. Нѣчто о пользѣ черныхъ льготницъ. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ показываетъ, что знакомъ съ бывшимъ французскимъ министромъ Виллелемъ. Мнѣніе господина Голядкина о іезуитахъ. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ, вспомоцествуемый іезуитами, достигаетъ наконецъ своей цѣли, какъ потомъ ищетъ средину и соціального своего положенія и стремится снискать благорасположеніе хозяина. Какъ при семъ удобномъ случаѣ вспоминаетъ о безволосыхъ головахъ и о арабскихъ эмирахъ. Полька и заключеніе этой совершенно-правдоподобной главы.

День, торжественный день рожденія Клары Олсуфьевны, единой дочери статскаго совѣтника Берендѣева, въ оно время благодѣтеля господина Голядкина, — день, ознаменовавшійся блистательнымъ, великолѣпнымъ званымъ обѣдомъ, такимъ обѣдомъ, какого давно не видали въ стѣнахъ чиновничьихъ квартиръ у Измайловскаго-Моста и около, — обѣдомъ, который походилъ болѣе на какой-то пиръ вальтасаровскій, чѣмъ на обѣдъ, — который отзывался чѣмъ-то вавилонскимъ, въ-отношеніи блеска, роскоши и приличія, съ шампанскимъ-кликъ, съ устрицами и плодами Елисеѣва и Милютиныхъ-Лавокъ, со всякими упитанными тельцами и чиновною табелью о рангахъ, — этотъ торжественный день, ознаменовавшійся такимъ торжественнымъ обѣдомъ, заключился блистательнымъ баломъ, семейнымъ, маленькимъ, родственнымъ баломъ, но все-таки блистательнымъ въ-отношеніи вкуса, образованности и приличія. Конечно, я совершенно согласенъ, такіе балы бываютъ, но рѣдко, весьма-рѣдко бываютъ. Такіе балы, болѣе похожіе на семейныя радости, чѣмъ на балы, могутъ лишь даваться въ такихъ домахъ, какъ, напримѣръ, домъ статскаго совѣтника Берендѣева. Скажу болѣе: я даже сомнѣваюсь, чтобъ у всѣхъ статскихъ совѣтниковъ могли даваться такіе балы. О, если бы я былъ поэтъ! — разумѣется, по-крайней-мѣрѣ такой, какъ Гомеръ или Пушкинъ; съ меньшимъ талантомъ соваться нельзя, — я бы, непременно, изобразилъ вамъ яркими красками и широкою кистью, о читатели! весь этотъ высокоторжественный день. Нѣтъ, я бы началъ свою поэму обѣдомъ, и особенно бы налегъ на то поразительное и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественное мгновеніе, когда поднялась первая заздравная чаша въ честь царицы праздника. Я изобразилъ

бы вамъ, во-первыхъ, этихъ гостей, погруженныхъ въ благоговѣйное молчаніе и ожиданіе, болѣе похожее на демосееновское краснорѣчіе, чѣмъ на молчаніе. Я изобразилъ бы вамъ потомъ Андрея Филипповича, какъ старшаго изъ гостей, имѣющаго даже нѣкоторое право на первенство, украшеннаго сѣдинами и приличными сѣдинѣ своей орденами, вставшаго съ мѣста и поднявшаго надъ головою заздравный бокаль съ искрометнымъ виномъ, — виномъ нарочно привозимымъ изъ одного отдаленнаго королевства, чтобъ запивать имъ подобныя мгновенія, — виномъ болѣе похожимъ на божественный нектаръ, чѣмъ на вино. Я изобразилъ бы вамъ гостей и счастливыхъ родителей царицы праздника, поднявшихъ тоже свои бокалы вслѣдъ за Андреемъ Филипповичемъ, и устремившихъ на него полныя ожиданія очи. Я изобразилъ бы вамъ, какъ этотъ часто-поминаемый Андрей Филипповичъ, уронивъ сначала слезу въ бокаль, проговорилъ поздравленіе и пожеланіе, провозгласилъ тостъ и выпилъ за здравіе... Но, сознаюсь, вполнѣ сознаюсь, не могъ бы я изобразить всего торжества — той минуты, когда сама царица праздника, Клара Олсуфьевна, краснѣя, какъ вешняя роза, румянцемъ блаженства и стыдливости, отъ полноты чувствъ упала въ объятія нѣжной матери, какъ прослезилась нѣжная мать, и какъ зарыдалъ при семъ случаѣ самъ отецъ, маститый старецъ и статскій совѣтникъ Олсуфій Ивановичъ, лишившійся употребленія ногъ на долговременной службѣ и вознагражденный судьбою за таковое усердіе капитальцемъ, домкомъ, деревеньками и красавицей-дочерью, — зарыдалъ какъ ребенокъ и провозгласилъ сквозь слезы, что его превосходительство благодѣтельный человекъ. Я бы не могъ, да, именно не могъ бы изобразить вамъ и неукоснительно-послѣдовавшаго за сей минутой всеобщаго увлеченія сердець, — увлеченія, ясно выразившагося даже поведеніемъ одного юнаго регистратора (который въ это мгновеніе походилъ болѣе на статскаго совѣтника, чѣмъ на регистратора), тоже прослезившагося, внимая Андрею Филипповичу. Въ свою очередь, Андрей Филипповичъ въ это торжественное мгновеніе вовсе не походилъ на коллежскаго совѣтника и начальника отдѣленія въ одномъ департаментѣ, — нѣтъ, онъ казался чѣмъ-то другимъ... я не знаю только, чѣмъ именно, но не коллежскимъ совѣтникомъ, нѣтъ! Онъ былъ выше! Наконецъ... о! для чего я не обладаю тайною слога высокаго, сильнаго, слога торжественнаго, для изображенія всѣхъ этихъ прекрасныхъ и назидательныхъ моментовъ человѣческой жизни, какъ-будто нарочно устроенныхъ для доказательства, какъ

иногда торжествуетъ добродѣтель надъ неблагонамѣренностью, вольнодумствомъ, порокомъ и завистью! Я ничего не скажу, но молча, — что будетъ лучше всякаго краснорѣчія, — укажу вамъ на этого счастливаго юношу, вступающаго въ свою двадцать-шестую весну, — на Владиміра Семеновича, племянника Андрея Филипповича, который всталъ въ свою очередь съ мѣста, который провозглашаетъ въ свою очередь тостъ, и на котораго устремлены слезящіеся очи родителей царицы праздника, гордыя очи Андрея Филипповича, стыдливыя очи самой царицы праздника, восторженные очи гостей и даже прилично-завистливыя очи нѣкоторыхъ молодыхъ сослуживцевъ этого блестящаго юноши. Я не скажу ничего, хотя не могу не замѣтить, что все въ этомъ юношѣ, — который болѣе похожъ на старца, чѣмъ на юношу, говоря въ выгодномъ для него отношеніи, — все, начиная съ цвѣтущихъ ланитъ до самого ассессорскаго, на немъ лежавшаго чина, все это въ сію торжественную минуту только-что не проговаривало, что де-скать до такой-то высокой степени можетъ благонравіе довести человѣка! Я не буду описывать, какъ, наконецъ, Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ, столоначальникъ одного департамента, сослуживецъ Андрея Филипповича и нѣкогда Олсуфія Ивановича, вмѣстѣ съ тѣмъ старинный другъ дома и крестный отецъ Клары Олсуфьевны, — старичокъ какъ лунь сѣденькій, въ свою очередь предлагая тостъ, пропѣлъ пѣтухомъ и проговорилъ веселыя вирши; какъ онъ такимъ приличнымъ забвеніемъ приличія, если можно такъ выразиться, разсмѣшилъ до слезъ цѣлое общество, и какъ сама Клара Олсуфьевна за таковую веселость и любезность поцаловала его, по приказанію родителей. Скажу только, что, наконецъ, гости, которые послѣ такого обѣда, естественно, должны были чувствовать себя другъ другу родными и братьями, встали наконецъ изъ-за стола; какъ потомъ старички и люди солидные, послѣ недолгаго времени, употребленнаго на дружескій разговоръ и даже на кое-какія, разумѣется, весьма-приличныя и любезныя откровенности, чинно прошли въ другую комнату и, не теряя золотаго времени, раздѣлившись на партіи, съ чувствомъ собственнаго достоинства сѣли за столы, обтянутые зеленымъ сукномъ; какъ дамы, усѣвшись въ гостиной, стали вдругъ всѣ необыкновенно-любезны и начали разговаривать о разныхъ матерьяхъ; какъ, наконецъ, самъ высокоуважаемый хозяинъ дома, лишившійся употребленія ногъ на службѣ вѣрою и правдою и награжденный за это всѣмъ, чѣмъ выше упомянуто было, сталъ расхаживать на костыляхъ между гостями

своими, поддерживаемый Владиміромъ Семеновичемъ и Кларой Олсуфьевной, и какъ, вдругъ сдѣлавшись тоже необыкновенно-любезнымъ, рѣшился импровизировать маленькій скромный балъ, не смотря на издержки; какъ для сей цѣли командированъ былъ одинъ расторопный юноша (тотъ самый, который за обѣдомъ болѣе похожъ былъ на статскаго совѣтника, чѣмъ на юношу) за музыкантами; какъ потомъ прибыли музыканты въ числѣ цѣлыхъ одиннадцати штукъ, и какъ, наконецъ, ровно въ половинѣ девятаго раздались призывные звуки французской кадрили и прочихъ различныхъ танцевъ... Нечего уже и говорить, что перо мое слабо, вяло и тупо для приличнаго изображенія бала, импровизированнаго необыкновенною любезностью сѣдовласаго хозяина. Да и какъ, спрошу я, какъ могу я, скромный повѣствователь весьма, впрочемъ, любопытныхъ въ своемъ родѣ приключеній господина Голядкина, — какъ могу я изобразить эту необыкновенную и благопристойную смѣсь красоты, блеска, приличія, веселости, любезной солидности и солидной любезности, рѣзвости, радости, всѣ эти игры и смѣхи всѣхъ этихъ чиновныхъ дамъ, болѣе похожихъ на фей, чѣмъ на дамъ, — говоря въ выгодномъ для нихъ отношеніи, — съ ихъ лилейно-розовыми плечами и личиками, съ ихъ воздушными станами, съ ихъ рѣзвоигривыми, гомеопатическими, говоря высокимъ слогомъ, ножками? Какъ изображу я вамъ, наконецъ, этихъ блестящихъ чиновныхъ кавалеровъ, веселыхъ и солидныхъ, юношей и степенныхъ, радостныхъ и прилично-туманныхъ, курящихъ въ антрактахъ между танцами, въ маленькой отдаленной зеленой комнатѣ, трубку и некурящихъ въ антрактахъ трубки, — кавалеровъ, имѣвшихъ на себѣ, отъ перваго до послѣдняго, приличный чинъ и фамилью, — кавалеровъ, глубоко-проникнутыхъ чувствомъ изящнаго и чувствомъ собственнаго достоинства; кавалеровъ, говорящихъ большею частію на французскомъ языкѣ съ дамами, а если на русскомъ, то выраженіями самага высокаго тона, комплиментами и глубокими фразами, — кавалеровъ, развѣ только въ трубочной позволявшихъ себѣ нѣкоторыя любезныя отступленія отъ языка высшаго тона, нѣкоторыя фразы дружеской и любезной короткости, въ родѣ такихъ, на-примѣръ: "что де-скать ты такой-сякой Петька славно польку откалываль", или: "что де-скать ты такой-сякой Вася пришпандориль-таки свою дамочку какъ хотѣль". На все это, какъ уже выше имѣлъ я честь объяснить вамъ, о читатели! не достаетъ пера моего, и потому я молчу. Обратимся лучше къ господину Голядки-

ну, единственному, истинному герою весьма-правдивой повѣсти нашей.

Дѣло въ томъ, что онъ находится теперь въ весьма-странномъ, чтобъ не сказать болѣе, положеніи. Онъ, господа, тоже здѣсь, т. е. не на балѣ, но почти-что на балѣ; онъ, господа, ничего; онъ хотя и самъ-по-себѣ, но въ эту минуту стоитъ на дорогѣ не совсѣмъ-то прямой; стоитъ онъ теперь — даже странно сказать — стоитъ онъ теперь въ сѣняхъ, на черной лѣстницѣ квартиры Олсуфья Ивановича. Но это ничего, что онъ тутъ стоитъ; онъ такъ-себѣ. Онъ, господа, стоитъ въ уголку, забившись въ мѣстечко хоть не потеплѣе, но зато потемнѣе, закрывшись отчасти огромнымъ шкафомъ и старыми ширмами, между всякимъ дрязгомъ, хламомъ и рухлядью, скрываясь до времени, и покамѣстъ только наблюдая за ходомъ общаго дѣла въ качествѣ посторонняго зрителя. Онъ, господа, только наблюдаетъ теперь; онъ, господа, тоже вѣдь можетъ войти... почему же не войти? Стоитъ только шагнуть, и войдетъ, и весьма-ловко войдетъ. Сейчасъ только, — выстаивая, впрочемъ, уже третій часъ на холодѣ, между шкафомъ и ширмами, между всякимъ хламомъ, дрязгомъ и рухлядью, — цитоваль онъ, въ собственное оправданіе свое, одну фразу блаженной памяти французскаго министра Виллея, что "все де-скать прійдетъ своимъ чередомъ, если выждать есть сметка". Фразу эту вычиталь господинъ Голядкинъ когда-то изъ какой-то книжки, изъ совершенно-посторонней, впрочемъ, книжки, но теперь весьма-кстати привелъ ее себѣ на память. Фраза, во-первыхъ, очень-хорошо шла къ настоящему его положенію, а во-вторыхъ, чего же не прійдетъ въ голову человѣку, выжидающему счастливой развязки обстоятельствъ своихъ почти битые три часа въ сѣняхъ, въ темнотѣ и на холодѣ? Цитовавъ, какъ уже сказано было, весьма-кстати фразу бывшаго французскаго министра Виллея, господинъ Голядкинъ тутъ же, неизвѣстно только почему, припомнилъ и о бывшемъ турецкомъ визирѣ Марцимирисѣ, равно-какъ и о прекрасной маркграфинѣ Луизѣ, исторію которыхъ читаль онъ тоже когда-то въ книжкѣ. Потомъ пришло ему на память, что іезуиты поставили даже правиломъ своимъ считать всѣ средства годящимися, лишь-бы цѣль могла быть достигнута. Обнадеживъ себя немного подобнымъ историческимъ пунктомъ, господинъ Голядкинъ сказалъ самъ-себѣ, что де-скать что іезуиты? Іезуиты всѣ до одного были величайшіе дураки, что онъ самъ ихъ всѣхъ заткнетъ за поясъ, что вотъ только бы хоть на минуту опустѣла буфетная (та комната, которой дверь выходила прямо въ

сѣни, на черную лѣстницу, и гдѣ господинъ Голядкинъ находился теперь), такъ онъ, не смотря на всѣхъ іезуитовъ, возьметъ да прямо и пройдетъ сначала изъ буфетной въ чайную, потомъ въ ту комнату, гдѣ теперь въ карты играютъ, а тамъ прямо въ залу, гдѣ теперь польку танцуютъ. И пройдетъ, непременно пройдетъ, ни на что не смотря пройдетъ, проскользнетъ да и только, и никто не замѣтитъ; а тамъ ужъ онъ самъ знаетъ, что ему дѣлать. Вотъ въ такомъ-то положеніи, господа, находимъ мы теперь героя совершенно-правдивой исторіи нашей, хотя, впрочемъ, трудно объяснить, что именно дѣлалось съ нимъ въ настоящее время. Дѣло-то въ томъ, что онъ до сѣней и до лѣстницы добратся умѣлъ, по той причинѣ, что де-скать почему жъ не добратся, что всѣ добираются; но далѣе проникнуть не смѣлъ, явно этого сдѣлать не смѣлъ... не потому, чтобъ чего-нибудь не смѣлъ, а такъ, потому-что самъ не хотель, потому-что ему лучше хотѣлось бы въ-тихомолочку. Вотъ онъ, господа, и выжидаетъ теперь тихомолочки и выжидаетъ ее ровно два часа съ половиною. Отъ-чего жъ и не выждать? И самъ Виллель выжидалъ. "Да что тутъ Виллель!" думалъ господинъ Голядкинъ: "какой тутъ Виллель? А вотъ, какъ бы мнѣ теперь того... и проникнуть, этакъ... взять да и проникнуть?.. Эхъ ты, фигурантъ ты этакой!" сказалъ господинъ Голядкинъ, ущипнувъ себя окоченѣвшею рукою за окоченѣвшую щеку: "дурашка ты этакой, Голядка ты этакой, — фамилія твоя такова!"... Впрочемъ, это ласкательство собственной особѣ своей въ настоящую минуту было лишь такъ-себѣ, мимоходомъ, безъ всякой видимой цѣли. Вотъ-было онъ сунулся и подался впередъ; минута настала; буфетная опустѣла и въ ней нѣтъ никого; господинъ Голядкинъ видѣлъ все это въ окошко; въ два шага очутился онъ у двери и уже сталъ отворять ее. "Идти, или нѣтъ? Ну, идти, или нѣтъ? Пойду... отъ-чего жъ не пойдти? Смѣлому дорога вездѣ!" Обнадеживъ себя такимъ-образомъ, герой нашъ вдругъ и совсѣмъ-неожиданно ретировался за ширмы. "Нѣтъ" думалъ онъ: "а ну какъ войдетъ кто-нибудь, а ну какъ войдетъ? Такъ и есть, вошли; чего жъ я зѣвалъ, когда народу-то не было? Этакъ бы взять да и проникнуть... да и проникнуть! Нѣтъ, ужъ что проникнуть, когда характеръ у человѣка такой! Эка вѣдь тенденція подлая! Струсилъ какъ курица. Струсить-то наше дѣло, вотъ оно что! Нагадить-то всегда наше дѣло: объ этомъ вы насъ и не спрашивайте. Вотъ и стой здѣсь теперь какъ чурбанъ, да и только! Дома бы чаю теперь выпить чашечку... право, выпить бы чашечку. Оно бы и пріятно этакъ было выпить бы чашечку. Позже прійдти, такъ Петрушка бу-

детъ, пожалуй, ворчатъ. Не пойдти ли домой? Черти бы взяли все это! Иду да и только!" Разрѣшивъ такимъ-образомъ свое положеніе, господинъ Голядкинъ быстро подался впередъ, словно пружину какую кто тронулъ въ немъ; съ двухъ шаговъ очутился въ буфетной, сбросилъ шинель, снялъ свою шляпу, поспѣшно сунулъ это все въ уголокъ, оправился и огладился; потомъ... потомъ двинулся въ чайную, изъ чайной юркнулъ еще въ другую комнату, скользнулъ почти незамѣтно между вошедшими въ азартъ игроками; потомъ... потомъ... тутъ господинъ Голядкинъ позабылъ все, что вокругъ него дѣлается, и прямо, какъ снѣгъ на голову, явился въ танцевальную залу.

Какъ нарочно въ это время не танцевали. Дамы гуляли по залѣ живописными группами. Мужчины сбивались въ кружки, или шныряли по комнатѣ ангажируя дамъ. Господинъ Голядкинъ не замѣчалъ этого ничего. Видѣлъ онъ только Клару Олсуфьевну; возлѣ нея Андрея Филипповича, потомъ Владиміра Семеновича, да еще двухъ или трехъ офицеровъ, да еще двухъ или трехъ молодыхъ людей, тоже весьма-интересныхъ, подающихъ или уже осуществившихъ, какъ можно было по первому взгляду судить, кое-какія надежды... Видѣлъ онъ и еще кой-кого. Или нѣтъ; онъ уже никого не видалъ, ни на кого не глядѣлъ... а двигаемый тою же самой пружиной, посредствомъ которой вскочилъ на чужой балъ непрошенный, подался впередъ, потомъ и еще впередъ, и еще впередъ; наткнулся мимоходомъ на какого-то совѣтника, отдалъ ему ногу; кстати уже наступилъ на платье одной почтенной старушки и немного порвалъ его, толкнулъ человѣка съ подносомъ, толкнулъ и еще кой-кого, и не замѣтивъ всего этого, или лучше сказать замѣтивъ, но ужъ такъ, заодно, не глядя ни на кого, пробираясь все далѣе и далѣе впередъ, вдругъ очутился передъ самой Кларой Олсуфьевной. Безъ всякаго сомнѣнія, глазкомъ не мигнувъ, онъ съ величайшимъ бы удовольствіемъ провалился въ эту минуту сквозь землю; но, что сдѣлано было, того не воротишь... вѣдь ужъ никакъ не воротишь. Что же было дѣлать? Не удастся держись, а удастся крѣпись. Господинъ Голядкинъ ужъ, разумѣется, былъ не интригантъ и лощить паркетъ сапогами не мастеръ... Такъ ужъ случилось. Къ-тому же, и іезуиты какъ-то тутъ подмѣшались... Но не до нихъ, впрочемъ, было господину Голядкину! Все, что ходило, шумѣло, говорило, смѣялось, вдругъ, какъ-бы по мановенію какому затихло, и мало-помалу столпилось около господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ, впрочемъ, какъ-бы ничего не слыхалъ, ничего не видалъ, онъ

не могъ смотрѣть... онъ ни за что не могъ смотрѣть; онъ опустилъ глаза въ землю, да такъ и стоялъ себѣ, давъ себѣ, впрочемъ, мимоходомъ, честное слово какимъ-нибудь образомъ застрѣлиться въ эту же ночь. Давъ себѣ такое честное слово, господинъ Голядкинъ мысленно сказалъ себѣ "была не была!" и, къ собственному своему величайшему изумленію, совсѣмъ неожиданно началъ вдругъ говорить.

Началъ господинъ Голядкинъ поздравленіями и приличными пожеланіями. Поздравленія прошли хорошо; а на пожеланьяхъ герой нашъ запнулся. Чувствовалъ онъ, что если запнется, то все сразу къ чорту пойдетъ. Такъ и вышло — запнулся и завязъ... завязъ и покраснѣлъ; покраснѣлъ и потерялся; потерялся и поднялъ глаза; поднялъ глаза и обвелъ ихъ кругомъ; обвелъ ихъ кругомъ и — и обмеръ... Все стояло, все молчало, все выжидало: немного подальше зашептало; немного поближе захохотало. Господинъ Голядкинъ бросилъ покорный, потерянный взоръ на Андрея Филипповича. Андрей Филипповичъ отвѣтилъ господину Голядкину такимъ взглядомъ, что еслибъ герой нашъ не былъ уже убитъ вполне, совершенно, то былъ бы непременно убитъ въ другой разъ, — еслибъ это было только возможно. Молчаніе длилось.

— Это болѣе относится къ домашнимъ обстоятельствамъ и къ частной жизни моей, Андрей Филипповичъ, едва-слышнымъ голосомъ проговорилъ полумертвый господинъ Голядкинъ: — это не официальное приключеніе, Андрей Филипповичъ...

— Стыдитесь, сударь, стыдитесь! проговорилъ Андрей Филипповичъ полу-шопотомъ, съ невыразимою миной негодованія, — проговорилъ, взявъ за руку Клару Олсуфьевну и отвернулся отъ господина Голядкина.

— Нечего мнѣ стыдиться, Андрей Филипповичъ, отвѣчала господинъ Голядкинъ также полушопотомъ, обводя свои несчастные взоры кругомъ, потерявшись, и стараясь по сему случаю отыскать въ недоумѣвающей толпѣ середины и соціального своего положенія.

— Ну, и ничего, ну, и ничего, господа! ну, что жъ такое? ну, и со всякимъ можетъ случиться, шепталъ господинъ Голядкинъ, сдвигаясь понемногу съ мѣста и стараясь выбраться изъ окружавшей его толпы. Ему дали дорогу. Герой нашъ кое-какъ прошелъ между двумя рядами любопытныхъ и недоумѣвающихъ наблюдателей. Рокъ увлекалъ его. Господинъ Голядкинъ самъ это чувствовалъ, что рокъ-то его увлекалъ. Конечно, онъ бы дорого далъ за

возможность находиться теперь, безъ нарушенія приличій, на прежней стоянкѣ своей въ сѣняхъ, возлѣ черной лѣстницы; но такъ-какъ это было рѣшительно невозможно, то онъ и началъ стараться улизнуть куда-нибудь въ уголокъ, да такъ и стоять себѣ тамъ — скромно, прилично, особо, никого незатрагивая, не обращая на себя исключительнаго вниманія, но вмѣстѣ съ тѣмъ снискавъ благорасположеніе гостей и хозяина. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ чувствовалъ, что его какъ-будто бы подмываетъ что-то, какъ-будто онъ колеблется, падаетъ. Наконецъ, онъ добрался до одного уголка и сталъ въ немъ какъ посторонній довольно-равнодушный наблюдатель, опершись руками на спинки двухъ стульевъ, захвативъ ихъ такимъ образомъ въ свое полное обладаніе и стараясь по возможности взглянуть бодрымъ взглядомъ на сгруппировавшихся около него гостей Олсуфья Ивановича. Ближе всѣхъ стоялъ къ нему какой-то офицеръ, высокій и красивый малой, предъ которымъ господинъ Голядкинъ почувствовалъ себя настоящей букашкой.

— Эти два стула, поручикъ, назначены одинъ для Клары Олсуфьевны, а другой для танцующей здѣсь же княжны Чевчехановой; я ихъ, поручикъ, теперь для нихъ берегу, задыхаясь проговорилъ господинъ Голядкинъ, обращая умоляющій взоръ на господина поручика. Поручикъ молча и съ убійственной улыбкой отворотился. Осѣкшись въ одномъ мѣстѣ, герой нашъ попробовалъ-было попытать счастье гдѣ-нибудь съ другой стороны, и обратился прямо къ одному важному совѣтнику, съ значительнымъ крестомъ на шеѣ. Но совѣтникъ обмѣривъ его такимъ холоднымъ взглядомъ, что господинъ Голядкинъ ясно почувствовалъ, что его вдругъ окатили цѣлымъ ушатомъ холодной воды. Господинъ Голядкинъ затихъ. Онъ рѣшился лучше смолчать, не заговаривать, показать, что онъ такъ-себѣ, что онъ тоже такъ, какъ и всѣ, и что положеніе его, сколько ему кажется по-крайней-мѣрѣ, тоже приличное. Съ этою цѣлью онъ приковалъ свой взглядъ къ обшлагамъ своего вицмундира, потомъ поднялъ глаза и остановилъ ихъ на одномъ весьма-почтенной наружности господинѣ. — На этомъ господинѣ парикъ, подумалъ господинъ Голядкинъ: — а если снять этотъ парикъ, такъ будетъ голая голова, точь-въ-точь какъ ладонь моя голая. — Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ вспомнилъ и о арабскихъ эмирахъ, у которыхъ если снять съ головы зеленую чалму, которую они носятъ въ знакъ родства своего съ пророкомъ Мухаммедомъ, то останется тоже голая, безволосая голова. Потомъ, и, вѣроятно, по особенному столкновению идей отно-

сительно Турковъ въ головѣ своей, господинъ Голядкинъ дошелъ и до туфель турецкихъ, и тутъ же кстати вспомнилъ, что Андрей Филипповичъ носитъ сапоги, похожіе больше на туфли, чѣмъ на сапоги. Замѣтно было, что господинъ Голядкинъ отчасти освоился съ своимъ положеніемъ. — Вотъ, еслибъ эта люстра, мелькнуло въ головѣ господина Голядкина: — вотъ, еслибъ эта люстра сорвалась теперь съ мѣста и упала на общество, то я бы тотчасъ бросился спасать Клару Олсуфьевну. Спасши ее, сказалъ бы ей: "не безпокойтесь, сударыня; это ничего-съ, а спаситель вашъ я". Потомъ... Тутъ господинъ Голядкинъ повернулъ глаза въ сторону, отыскивая Клару Олсуфьевну, и увидѣлъ Герасимыча, стараго камердинера Олсуфія Ивановича. Герасимычъ съ самымъ заботливымъ, съ самымъ оффиціально-торжественнымъ видомъ пробирался прямо къ нему. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и поморщился отъ какого-то безотчетнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ самага непріятнаго ощущенія. Машинально осмотрѣлся кругомъ: ему пришло-было на мысль, какъ-нибудь, этакъ подъ-рукой, бочкомъ, втихомолку улизнуть отъ грѣха, этакъ взять да и стушеваться, т. е. сдѣлать такъ, какъ-будто-бы онъ ни въ одномъ глазу; какъ-будто бы вовсе не въ немъ было дѣло. Однако, прежде, чѣмъ нашъ герой успѣлъ рѣшиться на что-нибудь, Герасимычъ уже стоялъ передъ нимъ.

— Видите ли, Герасимычъ, сказалъ нашъ герой, съ улыбочкой обращаясь къ Герасимычу: — вы, знаете ли? вы возьмите да и прикажите, — вотъ видите, свѣчка тамъ въ канделябрѣ, Герасимычъ — она сейчасъ упадетъ: такъ вы, знаете ли, прикажите поправить ее; она, право, сейчасъ упадетъ, Герасимычъ...

— Свѣчка-съ? нѣтъ-съ, свѣчка прямо стоитъ-съ; а вотъ васъ кто-то тамъ спрашиваетъ-съ.

— Кто же это тамъ меня спрашиваетъ, Герасимычъ?

— А ужъ право не знаю-съ, кто именно-съ. Человѣкъ отъ какихъ-то-съ. Здѣсь, дескать, находится Яковъ Петровичъ Голядкинъ? Такъ вызовите, говоритъ, его по весьма-нужному и спѣшному дѣлу... вотъ какъ-съ.

— Нѣтъ, Герасимычъ, вы ошибаетесь; въ этомъ вы, Герасимычъ, ошибаетесь.

— Сумнительно-съ...

— Нѣтъ, Герасимычъ, не сумнительно; тутъ, Герасимычъ, ничего нѣтъ сумнительнаго. Никто меня не спрашиваетъ, Герасимычъ, меня некому спрашивать, а я здѣсь у себя, т. е. на своемъ мѣстѣ, Герасимычъ.

Господинъ Голядкинъ перевелъ духъ и осмотрѣлся кругомъ. Такъ и есть! Все, что ни было въ залѣ, всѣ такъ и устремились на него взоромъ и слухомъ въ какомъ-то торжественномъ ожиданіи. Мужчины толпились поближе и прислушивались. Подальше тревожно перешептывались дамы. Самъ хозяинъ явился въ весьма-недальнемъ разстояніи отъ господина Голядкина, и хотя по виду его нельзя было замѣтить, что онъ тоже, въ свою очередь, принимаетъ прямое и непосредственное участіе въ обстоятельствахъ господина Голядкина, потому-что все это дѣлалось на деликатную ногу, но тѣмъ не менѣе все это дало ясно почувствовать герою повѣсти нашей, что минута для него настала рѣшительная. Господинъ Голядкинъ ясно видѣлъ, что настало время удара смѣлаго, время посрамленія враговъ его. Господинъ Голядкинъ былъ въ волненіи. Господинъ Голядкинъ почувствовалъ какое-то вдохновеніе и дрожащимъ, торжественнымъ голосомъ началъ снова, обращаясь къ ожидавшему Герасимычу:

— Нѣтъ, мой другъ, меня никто не зоветъ. Ты ошибаешься. Скажу болѣе, ты ошибался и утромъ сегодня, увѣряя меня... осмѣливаясь увѣрять меня, говорю я (господинъ Голядкинъ возвысилъ голосъ), что Олсуфій Ивановичъ, благодѣтель мой съ незапамятныхъ лѣтъ, замѣнившій мнѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ отца, закажетъ для меня дверь свою въ минуту семейной и торжественнѣйшей радости для его сердца родительскаго. (Господинъ Голядкинъ самодовольно, но съ глубокимъ чувствомъ осмотрѣлся кругомъ. На рѣсницахъ его навернулись слезы.) Повторяю, мой другъ, заключилъ нашъ герой: — ты ошибался, ты жестоко, непростительно ошибался...

Минута была торжественная. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ, что эффектъ былъ вѣрнѣйшій. Господинъ Голядкинъ стоялъ, скромно потупивъ глаза и ожидая объятій Олсуфія Ивановича. Въ гостяхъ замѣтно было волненіе и недоумѣніе; даже самъ непоколебимый и ужасный Герасимычъ заикнулся на словъ "сомнительность"... какъ вдругъ беспощадный оркестръ, ни съ того ни съ сего, грянулъ польку. Все пропало, все на вѣтеръ пошло. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ, Герасимычъ отшатнулся назадъ, все, что ни было въ залѣ, заволновалось какъ море, и Владиміръ Семеновичъ уже несся въ первой парѣ съ Кларой Олсуфьевной, а красивый поручикъ съ княжной Чевчехановой. Зрители съ любопытствомъ и восторгомъ тѣснились взглянуть на танцующихъ польку — танецъ интересный, новый, модный, кружившій всѣмъ головы. Господинъ

Голядкинъ былъ на время забыть. Но вдругъ все заволновалось, замѣшалось, засуетилось; музыка умолкла... случилось странное происшествіе. Утомленная танцемъ, Клара Олсуфьевна, едва переводя духъ отъ усталости, съ пылающими щеками и глубоко-волнующеюся грудью упала наконецъ въ изнеможеніи силъ въ кресла. Всѣ сердца устремились къ прелестной очаровательницѣ, всѣ спѣшили наперерывъ привѣтствовать ее и благодарить за оказанное удовольствіе, — вдругъ передъ нею очутился господинъ Голядкинъ. Господинъ Голядкинъ былъ блѣденъ, крайне разстроенъ; казалось, онъ тоже былъ въ какомъ-то изнеможеніи, онъ едва двигался. Онъ отъ-чего-то улыбался, онъ просительно протягивалъ руку. Клара Олсуфьевна, въ изумленіи, не успѣла отдернуть руки своей и машинально встала на приглашеніе господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ покачнулся впередъ, сперва одинъ разъ, потомъ другой, потомъ поднялъ ножку, потомъ какъ-то пришаркнулъ, потомъ какъ-то притопнулъ, потомъ споткнулся... Клара Олсуфьевна вскрикнула; всѣ бросились освобождать ея руку изъ руки господина Голядкина, и разомъ герой нашъ былъ оттѣсненъ толпою едва-ли не на десять шаговъ разстоянія. Вокругъ него сгруппировался тоже кружокъ. Послышался визгъ и крикъ двухъ старухъ, которыхъ господинъ Голядкинъ едва не опрокинулъ въ ретирадѣ. Смятеніе было ужасное; все спрашивало, все кричало, все разсуждало. Оркестръ умолкъ. Герой нашъ вертѣлся въ кружкѣ своемъ и машинально, отчасти улыбаясь, что-то бормоталъ про себя, что "де-скать отъ-чего жъ и нѣтъ, и что, де-скать, полька, сколько ему по-крайней-мѣрѣ кажется, танецъ новый, и весьма-интересный, созданный для утѣшенія дамъ... Но что если такъ дѣло пошло, то онъ, пожалуй, готовъ согласиться". Но согласія господина Голядкина, кажется, никто и не спрашивалъ. Герой нашъ почувствовалъ, что вдругъ чья-то рука упала на его руку, что другая рука немного оперлась на спину его, что его съ какою-то особенною заботливостью направляютъ въ какую-то сторону. Наконецъ онъ замѣтилъ, что идетъ прямо къ дверямъ. Господинъ Голядкинъ хотѣлъ-было что-то сказать, что-то сдѣлать... Но нѣтъ, онъ уже ничего не хотѣлъ. Онъ только машинально отсмѣивался. Наконецъ онъ почувствовалъ, что на него надѣваютъ шинель, что ему нахлобучили на глаза шляпу; что — наконецъ онъ почувствовалъ себя въ сѣняхъ, въ темнотѣ и на холодѣ, наконецъ и на лѣстницѣ. Наконецъ онъ споткнулся, ему казалось, что онъ падаетъ въ бездну; онъ хотѣлъ-было вскрикнуть — и вдругъ очутился на дворѣ. Свѣжій воздухъ пахнулъ на него,

онъ на минутку пріостановился; въ самое это мгновеніе до него долетѣли звуки вновь-грянуvшаго оркестра. Господинъ Голядкинъ вдругъ вспомнилъ все; казалось, всѣ опавшія силы его возвратились къ нему опять. Онъ сорвался съ мѣста, на которомъ доселѣ стоялъ какъ прикованный, и стремглавъ бросился вонъ, куда-нибудь, на воздухъ, на волю, куда глаза глядятъ...

ГЛАВА V.

Совершенно-необъяснимое происшествіе.

На всѣхъ петербургскихъ башняхъ, показывающихъ и бьющихъ часы, пробило ровно полночь, когда господинъ Голядкинъ внѣ себя выбѣжалъ на набережную Фонтанки, близъ самаго Измайловскаго-Моста, спасаясь отъ враговъ, отъ преслѣдованій, отъ града щелчковъ, на него занесенныхъ, отъ крика встревоженныхъ старухъ, отъ оханья и аханья женщинъ и отъ убійственныхъ взглядовъ Андрея Филипповича. Господинъ Голядкинъ былъ убитъ — убитъ вполне, въ полномъ смыслѣ слова, и если сохранилъ въ настоящую минуту способность бѣжать, то единственно по какому-то чуду, по чуду, которому онъ самъ, наконецъ, вѣрить отказывался. Ночь была ужасная, ноябрьская, — мокрая, туманная, дождливая, снѣжливая, чреватая флюсами, насморками, лихорадками, жабами, горячками всѣхъ возможныхъ родовъ и сортовъ, однимъ словомъ, всѣми дарами петербургскаго ноября. Вѣтеръ вылъ въ опустѣлыхъ улицахъ, вздымая выше колець черную воду Фонтанки, и задорно потрогивая тошіе фонари набережной, которые въ свою очередь вторили его завываніямъ тоненькимъ, пронзительнымъ скрипомъ, что составляло безконечный, пискливый, дребезжащій концертъ, весьма-знакомый каждому петербургскому жителю. Шель дождь и снѣгъ разомъ. Прорываемыя вѣтромъ струи дождевой воды прыскали чуть-чуть не горизонтально, словно изъ пожарной трубы, и кололи и сѣкли лицо несчастнаго господина Голядкина, какъ тысячи булавокъ и шпилекъ. Среди ночнаго безмолвія, прерываемаго лишь отдаленнымъ гуломъ каретъ, воемъ вѣтра и скрипомъ фонарей, уныло слышались хлестъ и журчаніе воды, стекавшей со всѣхъ крышъ, крылечекъ, жолобовъ и карнизовъ на гранитный помостъ троттуара. Ни души не было ни вблизи, ни вдали, да казалось, что и быть не могло въ такую пору и въ такую погоду. И такъ, одинъ только господинъ Голядкинъ, одинъ съ своимъ отчаяніемъ, трусилъ въ это время по троттуару Фонтанки своимъ обыкновеннымъ мелкимъ и частымъ шажкомъ, спѣша добѣжать какъ-можно-скорѣе въ свою Шестилавочную-Улицу, въ свой четвертый этажъ, къ себѣ на квартиру.

Хотя снѣгъ, дождь и все то, чему даже и имени не бываетъ, когда разыграется вьюга и хмара подъ петербургскимъ ноябрьскимъ небомъ, разомъ, вдругъ атаковали и безъ того убитаго несчастіями

господина Голядкина, не давая ему ни малѣйшей пощады и отдыха, принимая его до костей, залѣпляя глаза, продувая со всѣхъ сторонъ, сбивая съ пути и съ послѣдняго толка, хоть все это разомъ опрокинулось на господина Голядкина, какъ-бы нарочно сообщась и согласясь со всѣми врагами его отработать ему денекъ, вечерокъ и ночку на славу, — не смотря на все это, господинъ Голядкинъ остался почти нечувствителенъ къ этому послѣднему доказательству гоненія судьбы: такъ сильно потрясло и поразило его все происшедшее съ нимъ, нѣсколько минутъ назадъ, у господина статскаго совѣтника Берендѣева! Еслибъ теперь посторонній, неинтересованный какой-нибудь наблюдатель, взглянулъ бы такъ-себѣ, съ боку, на тоскливую побѣжку господина Голядкина, то и тотъ бы разомъ проникнулся всѣмъ страшнымъ ужасомъ его бѣдствій, и непременно сказалъ бы, что господинъ Голядкинъ глядитъ теперь такъ, какъ-будто самъ отъ себя куда-то спрятаться хочетъ, какъ-будто самъ отъ себя убѣжать куда-нибудь хочетъ. Да! оно было дѣйствительно такъ. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ не только желалъ теперь убѣжать отъ себя самого, но даже совсѣмъ уничтожиться, не быть, въ прахъ обратиться. Въ настоящія минуты, онъ не внималъ ничему окружающему, не понималъ ничего, что вокругъ него дѣлается, и смотрѣлъ такъ, какъ-будто-бы для него не существовало на-самомъ-дѣлѣ ни неприяностей ненастной ночи, ни долгаго пути, ни дождя, ни снѣга, ни вѣтра, ни всей крутой непогоды. Калоша, отставшая отъ сапога съ правой ноги господина Голядкина, тутъ же и осталась въ грязи и снѣгу, на троттуарѣ Фонтанки, а господинъ Голядкинъ и не подумалъ воротиться за нею, и не примѣтилъ пропажи ея. Онъ былъ такъ озадаченъ, что нѣсколько разъ, вдругъ, не смотря ни на что окружающее, проникнутый вполне идеей своего недавняго, страшнаго паденія, останавливался неподвижно, какъ столбъ, посреди троттуара; въ это мгновеніе, онъ умиралъ, исчезалъ; потомъ вдругъ срывался какъ бѣшенный съ мѣста и бѣжалъ, бѣжалъ безъ оглядки, какъ-будто спасаясь отъ чьей-то погони, отъ какого-то еще болѣе ужаснаго бѣдствія... Дѣйствительно, положеніе было ужасное!.. Наконецъ, въ истощеніи силъ, господинъ Голядкинъ остановился, оперся на перила набережной въ положеніи человѣка, у котораго вдругъ совсѣмъ-неожиданно потекла носомъ кровь, и пристально сталъ смотрѣть на мутную, черную воду Фонтанки. Неизвѣстно, сколько именно времени проведено было имъ въ этомъ занятіи. Извѣстно только, что въ это мгновеніе господинъ Голядкинъ дошелъ до такого отчаянія, такъ былъ истерзанъ, такъ былъ

го отчаянія, такъ былъ истерзанъ, такъ былъ измученъ, до того изнемогъ и опалъ и безъ того уже слабыми остатками духа, что позабылъ обо всемъ, и объ Измайловскомъ-Мостѣ, и о Шестилавочной-Улицѣ, и о настоящемъ своемъ... Что жъ въ-самомъ-дѣлѣ? вѣдь ему было все равно? дѣло сдѣлано, конечно, рѣшеніе скрѣплено и подписано; что жъ ему?.. Вдругъ... вдругъ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и невольно отскочилъ шага на два въ сторону. Съ неизъяснимымъ безпокойствомъ началъ онъ озираться кругомъ; но никого не было, ничего не случилось особеннаго, — а между-тѣмъ... между-тѣмъ ему показалось, что кто-то сейчасъ, сію минуту, стоялъ здѣсь, около него, рядомъ съ нимъ, тоже облокотясь на перила набережной, и — чудное дѣло! — даже что-то сказалъ ему, что-то скоро сказалъ, отрывисто, не совсѣмъ-понятно, но о чемъ-то весьма къ нему близкомъ, до него относящемся. "Что жъ, это мнѣ почудилось, что ли?" сказалъ господинъ Голядкинъ, еще разъ озираясь кругомъ. — "Да я-то гдѣ же стою?.. Эхъ, эхъ!" заключилъ онъ, покачавъ головою, а между-тѣмъ съ безпокойнымъ, тоскливымъ чувствомъ, даже со страхомъ сталъ вглядываться въ мутную, влажную даль, напрягая всѣми силами зрѣніе и всѣми силами стараясь пронзить близорукимъ взоромъ своимъ мокрую средину, передъ нимъ разстилавшуюся. Однакожъ, ничего не было новаго, ничего особеннаго не бросилось въ глаза господину Голядкину. Казалось, все было въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, т. е. снѣгъ валилъ еще сильнѣе, крупнѣе и гуще; на разстояніи двадцати шаговъ не было видно ни зги; фонари скрипѣли еще пронзительнѣе прежняго, и вѣтеръ, казалось, еще плачевнѣе, еще жалостнѣе затягивалъ тоскливую пѣсню свою, словно неотвязчивый нищій, вымаливающій мѣднаго гроша на свое пропитаніе. "Эхъ, эхъ! да что жъ это со мною такое?" повторилъ опять господинъ Голядкинъ, пускаясь снова въ дорогу и все слегка озираясь кругомъ. А между-тѣмъ, какое-то новое ощущеніе отозвалось во всемъ существѣ господина Голядкина: тоска не тоска, страхъ не страхъ... лихорадочный трепетъ пробѣжалъ по жиламъ его. Минута была невыносимо-непріятная! "Ну, ничего", проговорилъ онъ, чтобъ себя ободрить: "ну, ничего; можетъ-быть, это и совсѣмъ ничего и чести ничьей не мараешь. Можетъ-быть, оно такъ и надобно было", продолжалъ онъ, самъ не понимая, что говоритъ: "можетъ-быть, все это въ свое время устроится къ лучшему, и претендовать будетъ не на что и всѣхъ оправдаетъ." Такимъ-образомъ говоря, и словами себя облегчая, господинъ Голядкинъ отряхнулся немного, стряхнулъ съ себя снѣжные хлопья, навалившіе густою

корою ему на шляпу, на воротникъ, на шинель, на галстухъ, на сапоги и на все, — но страннаго чувства, странной темной тоски своей все еще не могъ оттолкнуть отъ себя, сбросить съ себя. Гдѣ-то далеко раздался пушечный выстрѣлъ. "Эка погодка", подумалъ герой нашъ: "чу! не будетъ ли наводненія? видно вода поднялась слишкомъ-сильно." Только-что сказалъ или подумалъ это господинъ Голядкинъ, какъ увидѣлъ впереди себя идущаго ему на встрѣчу прохожаго, тоже, вѣроятно, какъ и онъ, по какому-нибудь тамъ случаю запоздалаго. Дѣло бы, кажется, пустое, случайное; но неизвѣстно почему господинъ Голядкинъ смутился и даже струсилъ, потерялся немного. Не то, чтобъ онъ боялся недобраго человѣка, а такъ, можетъ-быть... да и кто его знаетъ, этого запоздалаго, промелькнуло въ головѣ господина Голядкина, можетъ-быть, и онъ то же самое, можетъ быть онъ-то тутъ и самое главное дѣло, и не даромъ идетъ, а съ цѣлью идетъ, дорогу мою переходить и меня задѣваетъ. Можетъ-быть, впрочемъ, господинъ Голядкинъ и не подумалъ именно этого, а такъ только ощутилъ мгновенно что-то подобное и весьма-непріятное. Думать-то и ощущать, впрочемъ, некогда было; прохожій уже былъ въ двухъ шагахъ. Господинъ Голядкинъ тотчасъ, по всегдашнему обыкновенію своему, поспѣшилъ принять видъ совершенно-особенный, видъ ясно выражавшій, что онъ, Голядкинъ, самъ-по-себѣ, что онъ ничего, что дорога для всѣхъ довольно-широкая, и что вѣдь онъ Голядкинъ, самъ никого не затрагиваетъ. Вдругъ онъ остановился какъ вкопанный, какъ-будто молніей пораженный, и быстро потомъ обернулся назадъ вслѣдъ прохожему, едва только его минувшему, — обернулся съ такимъ видомъ, какъ-будто что его дернуло сзади, какъ-будто вѣтеръ повернулъ его флюгеръ. Прохожій быстро исчезалъ въ снѣжной мятелицѣ. Онъ тоже шелъ торопливо, тоже, какъ и господинъ Голядкинъ, былъ одѣтъ и укутанъ съ головы до ногъ, и такъ же какъ и онъ дробилъ и сѣменилъ по троттуару Фонтанки частымъ, мелкимъ шажкомъ, немного съ притрусочкой. "Что, что это?" шепталъ господинъ Голядкинъ, недовѣрчиво улыбаясь, но однакожь дрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Морозомъ подернуло у него по спинѣ. Между-тѣмъ, прохожій исчезъ совершенно, не стало уже слышно и шаговъ его, а господинъ Голядкинъ все еще стоялъ и глядѣлъ ему въ слѣдъ. Однакожь, наконецъ, онъ мало-по-малу опомнился. "Да что жь это такое", подумалъ онъ съ досадою: "что жь это я, съ ума что ли, въ-самомъ-дѣлѣ, сошелъ?" обернулся и пошелъ своею дорогою, ускоряя и частя болѣе и болѣе шаги, и стараясь ужъ лучше вовсе ни

о чемъ не думать. Даже и глаза наконецъ закрылъ съ сею цѣлью. Вдругъ, сквозь завыванія вѣтра и шумъ непогоды, до слуха его долетѣлъ опять шумъ чьихъ-то весьма-недалекихъ шаговъ. Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Передъ нимъ опять, шагахъ въ двадцати отъ него, чернѣлся какой-то быстро-приближавшійся къ нему человѣчекъ. Человѣчекъ этотъ спѣшилъ, частилъ, торопился; разстояніе быстро уменьшалось. Господинъ Голядкинъ уже могъ даже совсѣмъ разглядѣть своего новаго запоздалаго товарища — разглядѣлъ и вскрикнулъ отъ изумленія и ужаса; ноги его подкосились. Это былъ тотъ самый знакомый ему пѣшеходъ, котораго онъ, минутъ съ десять назадъ, пропустилъ мимо себя, и который вдругъ, совсѣмъ-неожиданно, теперь опять передъ нимъ появился. Но не одно это чудо поразило господина Голядкина, — а пораженъ господинъ Голядкинъ былъ такъ, что остановился, вскрикнулъ, хотѣлъ было что-то сказать и пустился догонять незнакомца, даже закричалъ ему что-то, вѣроятно, желая остановить его поскорѣе. Незнакомецъ остановился дѣйствительно, такъ, шагахъ въ десяти отъ господина Голядкина, и такъ-что свѣтъ близъ-стоявшаго фонаря совершенно падалъ на всю фигуру его, — остановился, обернулся къ господину Голядкину и съ нетерпѣливо-озабоченнымъ видомъ ждалъ, что онъ скажетъ. "Извините, я можетъ и ошибся" дрожащимъ голосомъ проговорилъ нашъ герой. Незнакомецъ молча и съ досадою повернулся и быстро пошелъ своею дорогою, какъ-будто спѣша нагнать потерянные двѣ секунды съ господиномъ Голядкинымъ. Что же касается до господина Голядкина, то у него задрожали всѣ жилки, колѣни его подогнулись, ослабли, и онъ со стономъ присѣлъ на троттуарную тумбочку. Впрочемъ, дѣйствительно, было отъ чего прійти въ такое смущеніе. Дѣло въ томъ, что незнакомецъ этотъ показался ему теперь какъ-то знакомымъ. Это бы еще все ничего. Но онъ узналъ, почти-совсѣмъ узналъ теперь этого человѣка. Онъ его часто видывалъ, этого человѣка, когда-то видывалъ, даже недавно весьма; гдѣ же бы это? ужь не вчера ли? Впрочемъ, и опять не въ томъ было главное дѣло, что господинъ Голядкинъ его видывалъ часто; да и особеннаго-то въ этомъ человѣкѣ почти не было ничего, — особеннаго вниманія рѣшительно ничьего не возбуждалъ съ перваго взгляда этотъ человѣкъ. Такъ, человѣкъ былъ, какъ и всѣ, порядочный, разумѣется, какъ и всѣ люди порядочные, и, можетъ-быть, имѣлъ тамъ кое-какія и даже довольно-значительныя достоинства. Однимъ словомъ, былъ самъ-по-себѣ человѣкъ. Господинъ Голядкинъ не питалъ даже ни ненависти, ни вражды, ни даже

никакой самой легкой непріязни къ этому человѣку, даже напротивъ, казалось бы — а между-тѣмъ (и въ этомъ-то вотъ обстоятельствѣ была главная сила), а между-тѣмъ, ни за какія сокровища міра не желалъ бы встрѣтиться съ нимъ, и, особенно, встрѣтиться такъ, какъ теперь, на-примѣръ. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ зналъ вполнѣ этого человѣка; онъ даже зналъ, какъ зовутъ его, какъ фамилія этого человѣка; а между-тѣмъ, ни за что, и опять-таки ни за какія сокровища въ мірѣ не захотѣлъ бы назвать его, согласиться признать, что вотъ, де-скать, его такъ-то зовутъ, что онъ такъ-то по батюшкѣ, и такъ по фамиліи. Много ли, мало ли продолжалось недоразумѣніе господина Голядкина, долго ли именно онъ сидѣлъ на троттуарномъ столбу, — не могу сказать; но только, наконецъ, маленько очнувшись, онъ вдругъ пустился бѣжать безъ оглядки, что силы въ немъ было; духъ его занимался; онъ споткнулся два раза, чуть не упалъ, — и при этомъ обстоятельствѣ осиротѣлъ другой сапогъ господина Голядкина, тоже покинутый своею калошею. Наконецъ, господинъ Голядкинъ сбавилъ шагу немножко, чтобъ духъ перевести, торопливо осмотрѣлся кругомъ и увидѣлъ, что уже перебѣжалъ, не замѣчая того, весь свой путь по Фонтанкѣ, перешелъ Аничковъ-Мостъ, миновалъ часть Невскаго и теперь стоитъ на поворотѣ въ Литейную. Господинъ Голядкинъ поворотилъ въ Литейную. Положеніе его въ это мгновеніе походило на положеніе человѣка, стоящаго надъ страшной стремниной, когда земля подъ нимъ обрывается, ужъ покачнулась, ужъ двинулась, въ послѣдній разъ колышется, падаетъ, увлекаетъ его въ бездну, а между-тѣмъ у несчастнаго нѣтъ ни силы, ни твердости духа отскочить назадъ, отвести свои глаза отъ зіяющей пропасти; бездна тянетъ его, и онъ прыгаетъ наконецъ въ нее самъ, самъ ускоряя минуту своей же гибели. Господинъ Голядкинъ зналъ, чувствовалъ, и былъ совершенно-увѣренъ, что съ нимъ непременно совершится дорогой еще что-то недоброе, что разразится надъ нимъ еще какая-нибудь непріятность, что, на-примѣръ, онъ встрѣтитъ опять своего незнакомца; но — странное дѣло, онъ даже желалъ этой встрѣчи, считалъ ее неизбѣжною, и просилъ только, чтобъ поскорѣе все это кончилось, чтобъ положеніе-то его разрѣшилось хоть какъ-нибудь, но только бѣ скорѣе. А между-тѣмъ, онъ все бѣжалъ да бѣжалъ, и словно двигаемый какою-то постороннею силою; ибо во всемъ существѣ своемъ чувствовалъ какое-то ослабленіе и онѣмѣніе; думать ни о чемъ онъ не могъ, хотя идеи его цѣплялись за все, какъ терновникъ. Онъ понялъ наконецъ, что

теряется совершенно, что падаетъ въ бездну. Какая-то затерянная собачонка, вся мокрая и издрогшая, увязалась за господиномъ Голядкинымъ и тоже бѣжала около него бочкомъ, торопливо, поджавъ хвостъ и уши, по-временамъ робко и понятливо на него поглядывая. Какая-то далекая, давно ужъ забытая идея, — воспоминаніе о какомъ-то давно-случившемся обстоятельстве — пришла теперь ему въ голову, стучала словно молоточкомъ въ его головѣ, досаждала ему, не отвязывалась прочь отъ него. "Эхъ, эта скверная собачонка!" шепталъ господинъ Голядкинъ, самъ не понимая себя. Наконецъ онъ увидѣлъ своего незнакомца на поворотѣ въ Итальянскую-Улицу. Только теперь незнакомецъ уже шелъ не на встрѣчу ему, а въ ту же самую сторону, какъ и онъ, и тоже бѣжалъ, нѣсколько шаговъ впереди. Наконецъ, вошли въ Шестилавочную. У господина Голядкина духъ захватило. Незнакомецъ остановился прямо передъ тѣмъ домомъ, въ которомъ квартировалъ господинъ Голядкинъ. Послышался звонъ колокольчика, и почти въ то же самое время скрипъ желѣзной задвижки. Калитка отворилась, незнакомецъ нагнулся, мелькнулъ и исчезъ. Почти въ то же самое мгновеніе поспѣлъ и господинъ Голядкинъ, и какъ стрѣлка влетѣлъ подъ ворота. Не слушая заворчавшаго дворника, запыхавшись вбѣжалъ онъ на дворъ и тотчасъ же увидалъ своего интереснаго спутника, на минуту потеряннаго. Незнакомецъ мелькнулъ при входѣ на ту лѣстницу, которая вела въ квартиру господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ бросился вслѣдъ за нимъ. Лѣстница была темная, сырая и грязная. На всѣхъ поворотахъ нагромождена была бездна всякаго жилецкаго хлама, такъ-что чужой, небывалый человѣкъ, попавши на эту лѣстницу въ темное время, принуждаемъ былъ по ней съ полчаса путешествовать, рискуя сломать себѣ ноги, и проклиная вмѣстѣ съ лѣстницей и знакомыхъ своихъ, неудобно такъ поселившихся. Но спутникъ господина Голядкина былъ словно знакомый, словно домашній; взбѣгалъ легко, безъ затрудненій и съ совершеннымъ знаніемъ мѣстности. Господинъ Голядкинъ почти совѣмъ нагонялъ его; даже раза два или три подолъ шинели незнакомца ударилъ его по носу. Сердце въ немъ замирало. Таинственный человѣкъ остановился прямо противъ дверей квартиры господина Голядкина, стукнулъ, и (что, впрочемъ, удивило бы въ другое время господина Голядкина) Петрушка словно ждалъ, и спать не ложился, тотчасъ отворилъ дверь и пошелъ за вошедшимъ человѣкомъ со свѣчою въ рукахъ. Внѣ себя вбѣжалъ въ жилище свое герой нашей повѣсти; не снимая шинели и шляпы, прошелъ

онъ корридорчикъ и, словно громомъ пораженный, остановился на порогѣ своей комнаты. Всѣ предчувствія господина Голядкина сбылись совершенно. Все, чего опасался онъ и что предугадывалъ, совершилось теперь на-яву. Дыханіе его порвалось, голова закружилась. Незнакомецъ сидѣлъ передъ нимъ, тоже въ шинели и въ шляпѣ, на его же постели, слегка улыбаясь и, прищурясь немного, дружески кивалъ ему головою. Господинъ Голядкинъ хотѣлъ закричать, но не могъ, — протестовать какимъ-нибудь образомъ, но силъ не хватило. Волосы встали на головѣ его дыбомъ, и онъ присѣлъ безъ чувствъ на мѣстѣ отъ ужаса. Да и было отъ-чего, впрочемъ. Господинъ Голядкинъ совершенно узналъ наконецъ своего ночнаго пріятеля. Ночной пріятель его былъ не кто иной, какъ онъ-самъ, — самъ господинъ Голядкинъ, другой господинъ Голядкинъ, но совершенно такой же, какъ и онъ самъ — однимъ словомъ, что называется двойникъ его во всѣхъ отношеніяхъ. . . . .
. . . . .

ГЛАВА VI.

О томъ, какъ господинъ Голядкинъ силится объяснить необъяснимое происшествіе, и какъ наконецъ отчасти объясняетъ его. Рѣшеніе г. Голядкина. Нѣчто о сіамскихъ близнецахъ. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ почти примиряется съ сіамскими близнецами и соглашается между-прочимъ, что Крыловъ баснописецъ великій. Встрѣча и затруднительное положеніе г. Голядкина.

На другой день, ровно въ восемь часовъ, господинъ Голядкинъ очнулся на своей постели. Тотчасъ же всѣ необыкновенныя вещи вчерашняго дня и вся невѣроятная дикая ночь съ ея почти невозможными приключеніями разомъ, вдругъ во всей ужасающей полнотѣ явились его воображенію и памяти. Такая ожесточенная, адская злоба враговъ его и особенно послѣднее доказательство этой злобы, оледенили сердце господина Голядкина. Но и вмѣстѣ съ тѣмъ все это было такъ странно, непонятно, дико, казалось такъ невозможнымъ, что дѣйствительно трудно было вѣру дать всему этому дѣлу; господинъ Голядкинъ даже самъ готовъ былъ признать все это несбыточнымъ бредомъ, мгновеннымъ разстройствомъ воображенія, отемнѣніемъ ума, еслибъ, къ-счастію своему, не зналъ по горькому житейскому опыту, до чего иногда злоба можетъ довести человѣка, — до чего можетъ иногда дойти ожесточенность врага, мстящаго за честь и амбицію. Къ-тому же, разбитые члены господина Голядкина, чадная голова, изломанная поясница и злокачественный насморкъ сильно свидѣтельствовали и отстаивали всю вѣроятность вчерашней ночной прогулки, а частію и всего прочаго, приключившагося во время этой прогулки. Да и наконецъ господинъ Голядкинъ уже давнымъ-давно зналъ, что у нихъ тамъ что-то готовится, что-то недоброе стряпается, что у нихъ тамъ есть кто-то другой. Ясное и несомнѣнное дѣло, что все это было не сонъ и не бредъ. Но однакожь что же? Хорошенько раздумавъ, господинъ Голядкинъ рѣшился смолчать, покориться и не протеставать по этому дѣлу до времени. Съ своей стороны, онъ твердо увѣренъ былъ во всей несомнѣнности дѣла; онъ только не зналъ, съ чьей именно стороны шелъ ударъ. "Да и Богъ-знаетъ", думалъ онъ: "вѣдь если такъ разобрать, такъ кто ихъ тамъ знаетъ? Можетъ-быть, это и совсѣмъ ничего; такъ, можетъ-быть, только попугать меня вздумали, а какъ увидятъ, что я ничего, не протестую и совершенно смиряюсь, съ смиреніемъ переносу и стыдъ свой и горе,

такъ и отступятся, сами отступятся, да еще первые отступятся. Они, можетъ-быть, кто ихъ знаетъ, можетъ-быть и добра мнѣ желаютъ. Пройдетъ! авось на добрыхъ людей нападу!" Такимъ-образомъ раздумывалъ господинъ Голядкинъ о своемъ положеніи, и во всякомъ случаѣ рѣшился ожидать смиренно послѣдствій, и со-временемъ, потомъ, когда, на-примѣръ, уже слишкомъ будетъ угрожать опасность, такъ только тогда развѣ идти къ его превосходительству.

Такъ вотъ такія-то мысли были въ головѣ господина Голядкина, когда онъ, потягиваясь въ постели своей и расправляя разбитые члены, ждалъ этотъ разъ обычнаго появленія Петрушки въ своей комнатѣ. Ждалъ онъ уже съ четверть часа; слышалъ, какъ лѣннивецъ Петрушка возится за перегородкой съ самоваромъ, а между-тѣмъ никакъ не рѣшался позвать его. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ даже немного боялся теперь очной ставки съ Петрушкою. "Вѣдь Богъ-знаетъ", думалъ онъ: "вѣдь Богъ-знаетъ, какъ теперь смотреть на все это дѣло этотъ мошенникъ, какъ онъ тамъ судить объ этомъ дѣлѣ по-своему. Онъ тамъ молчитъ-молчитъ, а самъ себѣ-на-умѣ". У господина Голядкина даже явилось какое-то тайное, отдаленное подозрѣніе, что, де-скасть, не съ этой ли стороны нужно искать ключа, разрѣшенія загадки. Наконецъ, дверь заскрипѣла, и явился Петрушка съ подносомъ въ рукахъ. Господинъ Голядкинъ робко на него покосился, съ нетерпѣніемъ ожидая, что будетъ, ожидая, не скажетъ ли онъ наконецъ чего-нибудь на счетъ извѣстнаго обстоятельства. Но Петрушка ничего не сказалъ, а напротивъ былъ какъ-то молчаливѣе, суровѣе и сердитѣе обыкновеннаго, косился на все изъ-подлобья; вообще видно было, что онъ чѣмъ-то крайне-недоволенъ; даже ни разу не взглянулъ на своего барина, что, мимоходомъ сказать, немного кольнуло господина Голядкина; поставилъ на столъ все, что принесъ съ собой, повернулся и ушелъ молча за свою перегородку. "Знаетъ, знаетъ, все знаетъ, бездѣльникъ!" ворчалъ господинъ Голядкинъ, принимаясь за чай. "Его бы нужно поразспросить хорошенько, повывѣдать кое-что отъ него, этакъ отдаленно начать, тонкимъ образомъ, проговориться заставить его. Онъ, шельма, упрямъ... да вѣдь ласковымъ образомъ. Этакъ сначала польстить ему, вотъ какъ, и ужъ послѣ приступить къ разспросамъ". Однакожь, герой нашъ ровно ничего не разспросилъ у своего человѣка, хотя Петрушка нѣсколько разъ потомъ входилъ въ его комнату за разными надобностями. Въ самомъ тревожномъ положеніи духа былъ господинъ Голядкинъ. "Только бы скорѣе разрѣшилось-то все" думалъ онъ: "ужъ какъ бы тамъ ни бы-

ло, а только бы пускай разрѣшилась-то вся эта кутерьма поскорѣе." Жутко было еще идти въ департаментъ. Сильное предчувствіе было, что вотъ именно тамъ-то что-нибудь да не такъ. "Вѣдь вотъ пойдешь" думалъ онъ: "да какъ наткнешься на что-нибудь. Не лучше ли теперь потерпѣть? Не лучше ли теперь подождать? Они тамъ пускай-себѣ какъ хотятъ; а я бы сегодня здѣсь подождалъ, собрался бы съ силами, оправился бы, размыслилъ получше обо всемъ этомъ дѣлѣ, да потомъ уллучилъ бы минутку, да всѣмъ имъ какъ снѣгъ на голову, а самъ ни въ одномъ глазу." Раздумывая такимъ-образомъ, господинъ Голядкинъ выкуривалъ трубку за трубкой; время летѣло; было уже почти половина десятаго. "Вѣдь вотъ уже половина десятаго" думалъ господинъ Голядкинъ: "и являются-то поздно. Да къ тому же я боленъ, разумѣется боленъ, непременно боленъ; кто же скажетъ, что нѣтъ? Что мнѣ! А пусть пришлютъ свидѣтельствовать, а пусть прійдетъ экзекуторъ; да и что же мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ? У меня вотъ спина болитъ, кашель, насморкъ; да и наконецъ и нельзя мнѣ идти, никакъ нельзя по этой погодѣ; я могу заболѣть, а потомъ и умереть, пожалуй; нынче особенно смертность такая..." Такими резонами господинъ Голядкинъ успокоилъ наконецъ вполнѣ свою совѣсть и заранѣе оправдался самъ передъ собою въ нагоняѣ, ожидаемомъ отъ Андрея Филипповича за нерадѣніе по службѣ. Вообще, во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ крайне любилъ нашъ герой оправдывать себя въ собственныхъ глазахъ своихъ разными неотразимыми резонами и успокоивать такимъ-образомъ вполнѣ свою совѣсть. И такъ, успокоивъ теперь вполнѣ свою совѣсть, взялся онъ за трубку, набилъ ее и только-что началъ порядочно раскуривать, быстро вскочилъ съ дивана, трубку отбросилъ, живо умылся, обрился, пригладился, натянулъ на себя виц-мундиръ и все прочее, захватилъ кое-какія бумаги и полетѣлъ въ департаментъ.

Вошелъ господинъ Голядкинъ въ свое отдѣленіе робко; съ трепещущимъ ожиданіемъ чего-то весьма-нехорошаго, — ожиданіемъ хотя безсознательнымъ, темнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма непріятнымъ; робко присѣлъ онъ на свое всегдашнее мѣсто возлѣ столоначальника Антона Антоновича Сѣточкина. Ни на что не глядя, не развлекаясь ничѣмъ, вникнулъ онъ въ содержаніе лежавшихъ передъ нимъ бумагъ. Рѣшился онъ и далъ себѣ слово какъ можно сторониться отъ всего вызывающаго, отъ всего могущаго сильно его компрометтировать, какъ-то: отъ нескромныхъ вопросовъ, отъ чьихъ-нибудь шуточекъ и неприличныхъ намековъ на-счетъ всѣхъ обстоятельствъ вчерашняго вечера; рѣшился даже отстраниться отъ

обычныхъ учтивостей съ сослуживцами, то-есть вопросовъ о здоровьѣ и проч. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ зналъ, и ясно понималъ, что обстоятельства его плохо идутъ, и что дѣло проиграно. Вотъ почему какое-то внутреннее, глубокое безпокойство ни на минуту не оставляло его, но все глубже-и-глубже пускало ядовитые корни въ душѣ его, и все болѣе-и-болѣе разрасталось, такъ-что онъ, какъ ни бился, никакъ не могъ войти въ свою обычную, служебную форму, то-есть, отложивъ попеченіе о всемъ постороннемъ и согнувшись, какъ слѣдуетъ, не отрывая головы отъ стола, безмятежно, часовъ пять и болѣе, водить перомъ по бумагѣ. Очевидно, что такъ оставаться было нельзя, невозможно. Безпокойство и невѣдѣніе о чемъ-нибудь близко его задѣвающимъ, всегда его мучило болѣе, нежели самое задѣвающее. И вотъ почему, не смотря на данное себѣ слово не входить ни во что, что бы ни дѣлалось, и сторониться отъ всего, что бы ни было, господинъ Голядкинъ изрѣдка, украдкой, тихонько-тихонько приподымалъ голову, и исподтишка поглядывалъ на стороны, направо, налево, заглядывалъ въ фізіономіи своихъ сослуживцевъ, и по нимъ уже старался заключить, нѣтъ ли чего новаго и особеннаго, до него относящагося и отъ него съ какими-нибудь неблагоприятными цѣлями скрываемаго. Предполагалъ онъ непремѣнную связь всего своего вчерашняго обстоятельства со всѣмъ теперь его окружающимъ, мысленно старался распутать всѣ узлы сомнѣній своихъ, проникнуть, раскусить всю интригу, и всѣ эти разныя заковычки его окружавшія. Наконецъ, въ тоскѣ своей, онъ началъ желать, чтобъ хоть Богъ-знаетъ-какъ, да только разрѣшилось бы все поскорѣе; хоть и бѣдой какой-нибудь — нужды нѣтъ! а только бы поскорѣе. Какъ-тутъ судьба поймала господина Голядкина: не успѣлъ онъ пожелать, какъ сомнѣнія его вдругъ разрѣшились, но за то самымъ страннымъ и самымъ неожиданнымъ образомъ.

Дверь изъ другой комнаты вдругъ скрипнула тихо и робко, какъ-бы рекомендуя тѣмъ, что входящее лицо весьма-незначительно, и чья-то фигура, Впрочемъ весьма-знакомая господину Голядкину, застѣнчиво явилась передъ самымъ тѣмъ столомъ, за которымъ помѣщался герой нашъ. Герой нашъ не подымалъ головы, — нѣтъ, онъ наглядѣлъ эту фигуру лишь вскользь, самымъ маленькимъ взглядомъ, но уже все узналъ, понялъ все до малѣйшихъ подробностей. Онъ сгорѣлъ отъ стыда и уткнулъ въ бумагу свою побѣдную голову, совершенно съ тою же самою цѣлью, съ которою страусъ, преслѣдуемый охотникомъ, прячетъ свою въ горячій пе-

сокъ. Новоприбывшій поклонился Андрею Филипповичу и вслѣдъ за тѣмъ послышался голосъ форменно-ласковый, такой, какимъ говорятъ начальники во всѣхъ служебныхъ мѣстахъ съ новопоступившими подчиненными. — Сядьте вотъ здѣсь, проговорилъ Андрей Филипповичъ, указывая новичку на столъ Антона Антоновича: — вотъ здѣсь, напротивъ господина Голядкина, а дѣломъ мы васъ тотчасъ займемъ. Андрей Филипповичъ заключилъ тѣмъ, что сдѣлалъ новоприбывшему скорый прилично-увѣщательный жестъ, а потомъ немедленно углубился въ сущность разныхъ бумагъ, которыхъ передъ нимъ была цѣлая куча.

Господинъ Голядкинъ поднялъ, наконецъ, глаза, и если не упалъ въ обморокъ, то единственно отъ-того, что уже сперва все дѣло предчувствовалъ, что уже сперва былъ обо всемъ предувѣдомленъ, угадавъ пришельца въ душѣ. Первымъ движеніемъ господина Голядкина было быстро осмотрѣться кругомъ, — нѣтъ ли тамъ какого шушуканья, не отливается ли на этотъ счетъ какая-нибудь острота канцелярская, не искривилось ли чье лицо удивленіемъ, не упалъ ли наконецъ ктонибудь подъ столъ отъ испуга. Но къ величайшему удивленію господина Голядкина, ни въ комъ не обнаружилось ничего подобнаго. Поведеніе господъ товарищей и сослуживцевъ господина Голядкина поразило его. Оно казалось внѣ здраваго смысла. Господинъ Голядкинъ даже испугался такого необыкновеннаго молчанія. Существенность за себя говорила; дѣло было странное, безобразное, дикое. Было отъ чего шевельнуться. Все это, разумѣется, только мелькнуло въ головѣ господина Голядкина. Самъ же онъ горѣлъ на мелкомъ огнѣ. Да и было отъ чего, впрочемъ. Все, что ни ощущалъ господинъ Голядкинъ, вполне оправдывалось обстоятельствами настоящей минуты. Тотъ, кто сидѣлъ теперь напротивъ господина Голядкина, былъ — ужасъ господина Голядкина, былъ — стыдъ господина Голядкина, былъ — вчерашній кошмаръ господина Голядкина, однимъ словомъ, былъ самъ господинъ Голядкинъ, — не тотъ господинъ Голядкинъ, который сидѣлъ теперь на стулѣ съ разинутымъ ртомъ и съ застывшимъ перомъ въ рукѣ; не тотъ, который служилъ въ качествѣ помощника своего столоначальника; не тотъ, который любитъ ступать и зарываться въ толпѣ; не тотъ, наконецъ, чья походка ясно выговариваетъ: "не троньте меня, и я васъ трогать не буду", или: "не троньте меня, вѣдь я васъ не затрогиваю", — нѣтъ, это былъ другой господинъ Голядкинъ, совершенно-другой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно-похожій на перваго, — такого же роста, такого

же склада, такъ же одѣтый, съ такой же лысиной — однимъ словомъ, ничего, рѣшительно ничего не было забыто для совершеннаго сходства, такъ-что елибъ взять, да поставить ихъ рядомъ, то никто, рѣшительно никто не взялъ бы на себя опредѣлить, который именно настоящій Голядкинъ, а который поддѣльный, кто старенькій и кто новенькій, кто оригиналь и кто копія.

Герой нашъ, если возможно сравненіе, былъ теперь въ положеніи человѣка, надъ которымъ забавляется проказникъ какой-нибудь, для шутки наводя на него исподтишка зажигательное стекло. "Что жъ это, сонъ или нѣтъ", думалъ господинъ Голядкинъ: "настоящее или продолженіе вчерашняго. Да какъ же? по какому же праву все это дѣлается? кто разрѣшилъ такого чиновника, кто далъ право на это? Сплю ли я, грежу ли я?" Господинъ Голядкинъ попробовалъ ущипнуть самого-себя, даже попробовалъ вознамѣрится ущипнуть другаго кого-нибудь... Нѣтъ, не сонъ да и только; онъ, онъ самъ сидѣлъ предъ собою, какъ-будто передъ нимъ поставили зеркало. Господинъ Голядкинъ почувствовалъ, что потъ съ него градомъ льется, что сбывается съ нимъ небывалое и доселѣ невиданное, и потому самому, къ довершенію несчастія, неприличное, ибо господинъ Голядкинъ понималъ и ощущалъ всю невыгоду быть въ такомъ пасквильномъ дѣлѣ первымъ примѣромъ. Онъ даже сталъ наконецъ сомнѣваться въ собственномъ существованіи своемъ, и хотя заранѣе былъ ко всему приготовленъ, и самъ желалъ, чтобъ хоть какимъ-нибудь образомъ разрѣшились его сомнѣнія, но самая-то сущность обстоятельства ужъ конечно стояли неожиданности. Тоска его давила и мучила. Порой онъ совершенно лишался и смысла и памяти. Очнувшись послѣ такого мгновенія, онъ замѣчалъ, что машинально и безсознательно водить перомъ по бумагѣ. Недовѣряя себѣ, онъ начиналъ повѣрять все написанное — и не понималъ ничего. Наконецъ, другой господинъ Голядкинъ, сидѣвшій до-сихъ-поръ чинно и смирно, всталъ и исчезъ въ дверяхъ другаго отдѣленія за какимъ-то дѣломъ. Господинъ Голядкинъ оглянулся кругомъ, — ничего, все тихо; слышенъ лишь скрипъ перьевъ, шумъ переворачиваемыхъ листовъ и говоръ въ уголкахъ поотдаленнѣе отъ сѣдалища Андрея Филипповича. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на Антона Антоновича, и такъ-какъ, по всей вѣроятности, фізіономія нашего героя вполнѣ отзывалась его настоящимъ и гармонировала со всѣмъ смысломъ дѣла, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ отношеніи была весьма-замѣчательна, то добрый Антонъ Антоновичъ, отложивъ перо въ

сторону, съ какимъ-то необыкновеннымъ участіемъ освѣдомился о здоровьѣ господина Голядкина.

— Я, Антонъ Антоновичъ, слава Богу, заикаясь проговорилъ господинъ Голядкинъ. — Я, Антонъ Антоновичъ, совершенно здоровъ; я, Антонъ Антоновичъ, теперь ничего, прибавилъ онъ нерѣшительно, не совсѣмъ еще довѣряя часто-поминаемому имъ Антону Антоновичу.

— А! А мнѣ показалось, что вы нездоровы; впрочемъ, не мудрено; чего добраго! Нынче же особенно все такія повѣтрія. Знаете ли...

— Да, Антонъ Антоновичъ, я знаю, что существуютъ такія повѣтрія... Я, Антонъ Антоновичъ, не отъ того, продолжалъ господинъ Голядкинъ, пристально вглядываясь въ Антона Антоновича: — я, видите ли, Антонъ Антоновичъ, даже не знаю какъ вамъ, то есть, я хочу сказать, съ которой стороны за это дѣло приняться, Антонъ Антоновичъ...

— Что-съ? Я васъ... знаете ли... я, признаюсь вамъ, не такъ-то хорошо понимаю; вы... знаете, вы объяснитесь подробнѣе, въ какомъ именно отношеніи вы здѣсь затрудняетесь, сказалъ Антонъ Антоновичъ, самъ затрудняясь немножко, видя, что у господина Голядкина даже слезы на глазахъ выступили.

— Я, право... здѣсь, Антонъ Антоновичъ... тутъ — чиновникъ, Антонъ Антоновичъ...

— Ну-съ! Все еще не понимаю.

— Я хочу сказать, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь есть новопоступившій чиновникъ.

— Да-съ, есть-съ; однофамилецъ вашъ.

— Какъ? вскрикнулъ господинъ Голядкинъ.

— Я говорю: вашъ однофамилецъ; тоже Голядкинъ. Не братецъ ли вашъ?

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ, я...

— Гм! скажите пожалуйста, а мнѣ показалось, что должно быть близкій вашъ родственникъ. Знаете ли, есть такое фамильное въ нѣкоторомъ родѣ сходство.

Господинъ Голядкинъ остолбенѣлъ отъ изумленія, и на время у него языкъ отнялся. Такъ легко трактовать такую безобразную, невиданную вещь, вещь дѣйствительно рѣдкую въ своемъ родѣ, вещь, которая поразила бы даже самаго неинтересованнаго наблюдателя. Говорить о фамильномъ сходствѣ тогда, какъ тутъ видно, какъ въ зеркалѣ!

— Я знаете ли, что посоветую вамъ, Яковъ Петровичъ, продолжалъ Антонъ Антоновичъ. — Вы сходите-ка къ доктору, да посоветуйтесь съ нимъ. Знаете ли, вы какъ-то *выглядите* совѣмъ нездорово. У васъ глаза особенно... знаете, особенное какое-то выраженіе есть.

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ, я, конечно, чувствую... то-есть, я хочу все спросить, какъ же этотъ чиновникъ?

— Ну-съ?

— То-есть, вы не замѣчали ли, Антонъ Антоновичъ, чего-нибудь въ немъ особеннаго... слишкомъ чего-нибудь выразительнаго?

— То-есть?

— То-есть я хочу сказать, Антонъ Антоновичъ, поразительнаго сходства такого съ кѣмъ-нибудь, на-примѣръ, то-есть со мной, на-примѣръ. Вы вотъ сейчасъ, Антонъ Антоновичъ, сказали про фамильное сходство, замѣтили этакъ, замѣчаніе вскользь сдѣлали... Знаете ли, этакъ иногда близнецы бываютъ, то-есть совершенно какъ двѣ капли воды, такъ-что и отличить нельзя? Ну, вотъ, я про это-съ.

— Да-съ, сказалъ Антонъ Антоновичъ, немного подумавъ и какъ-будто въ первый разъ пораженный такимъ обстоятельствомъ: — да-съ! справедливо-съ. Сходство въ-самомъ-дѣлѣ разительное, и вы безошибочно разсудили, такъ-что и дѣйствительно можно принять одного за другаго, продолжалъ онъ, болѣе и болѣе открывая глаза. — И знаете ли, Яковъ Петровичъ, это даже чудесное сходство, фантастическое, какъ иногда говорится, то-есть совершенно, какъ вы... Вы замѣтили ли, Яковъ Петровичъ? Я даже самъ хотѣлъ просить у васъ объясненія, да, признаюсь, не обратилъ должнаго вниманія сначала. Чудо, дѣйствительно чудо! А знаете ли, Яковъ Петровичъ, вы вѣдь не здѣшній родомъ, я говорю?

— Нѣтъ-съ.

— Онъ также вѣдь не изъ здѣшнихъ. Можетъ-быть, изъ однихъ съ вами мѣстъ. Ваша матушка, смѣю спросить, гдѣ большею частію проживала?

— Вы сказали... вы сказали, Антонъ Антоновичъ, что онъ не изъ здѣшнихъ?

— Да-съ, не изъ здѣшнихъ мѣстъ. А, и въ-самомъ-дѣлѣ, какъ же это чудно, — продолжалъ словоохотливый Антонъ Антоновичъ, которому поболтать о чемъ-нибудь было истиннымъ праздникомъ: — дѣйствительно способно завлечь любопытство; и вѣдь какъ часто

мимо пройдешь, задѣнешь, толкнешь его, а не замѣтишь, слона-то, какъ говорится, и не замѣтишь, Яковъ Петровичъ. Впрочемъ, вы не смущайтесь, этимъ-то обстоятельствомъ особеннымъ вы не смущайтесь. Это бываетъ. Это, знаете ли — вотъ я вамъ расскажу, то же самое случилось съ моей тетушкой съ матерней стороны; она тоже предъ смертію себя вдвойнѣ видѣла...

— Нѣтъ-съ, я, — извините, что прерываю васъ, Антонъ Антоновичъ, — я, Антонъ Антоновичъ, хотѣлъ бы узнать, какъ же этотъ чиновникъ, т. е. на какомъ онъ здѣсь основаніи?

— А на мѣсто Семена Ивановича покойника, на вакантное мѣсто; вакансія открылась, такъ вотъ и замѣстили теперь. Вѣдь вотъ, право, сердечный этотъ Семенъ-то Ивановичъ покойникъ, троихъ дѣтей, говорятъ, оставилъ малъ-мала меньше. Вдова падала къ ногамъ его превосходительства. Говорятъ, впрочемъ, она таитъ: у ней есть деньжонки, да она ихъ таитъ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ, я вотъ все о томъ обстоятельстве.

— То-есть? Ну, да! да что же вы-то такъ интересуетесь этимъ? Говорю вамъ: вы не смущайтесь. Это все временное отчасти. Что жъ? вѣдь вы сторона; это ужъ такъ самъ Господь-Богъ устроилъ, это ужъ Его воля была, и роптать на это грѣшно. На этомъ Его премудрость видна. А вы же тутъ, Яковъ Петровичъ, сколько я понимаю, невиноваты нисколько. Мало ли чудесъ есть на свѣтѣ! Мать-природа щедра; а съ васъ за это отвѣта не спросятъ, отвѣчать за это не будете. Вѣдь вотъ, для примѣра, кстати сказать, слышали, надѣюсь, какъ ихъ, какъ-бишь ихъ тамъ, да, сіамскіе близнецы, срослись-себѣ спинами, такъ и живутъ и ѣдятъ и спятъ вмѣстѣ; деньги, говорятъ, большія берутъ.

— Позвольте, Антонъ Антоновичъ...

— Понимаю васъ, понимаю! Да! ну да, что жъ? — ничего! Я говорю по крайнему моему разумѣнію, что смущаться тутъ нечего. Что жъ? онъ чиновникъ какъ чиновникъ, кажется, что дѣловой человѣкъ. Говоритъ, что Голядкинъ; не изъ здѣшнихъ мѣстъ, говоритъ. Титулярный совѣтникъ. Лично съ его превосходительствомъ объяснялся.

— А ну, какъ же-съ?

— Ничего-съ; говорятъ, что достаточно объяснился, резоны представилъ; говоритъ, что вотъ-дескать такъ и такъ, ваше превосходительство, и что нѣтъ состоянія, а желаю служить и особенно подъ вашимъ лестнымъ начальствомъ... ну и тамъ все, что

слѣдуетъ, знаете ли, ловко все выразилъ. Умный человѣкъ, должно быть. Ну, разумѣется, явился съ рекомендаціей; безъ нея вѣдь нельзя...

— Ну-съ, отъ кого же-съ... т. е. я хочу сказать, кто тутъ именно въ это срамное дѣло руку свою замѣшалъ?

— Да-съ. Хорошая, говорятъ, рекомендація; его превосходительство, говорятъ, посмѣялись съ Андреемъ Филипповичемъ.

— Посмѣялись съ Андреемъ Филипповичемъ?

— Да-съ; только такъ улыгнулись и сказали, что хорошо и пожалуй, и что они съ ихъ стороны не прочь, только бы вѣрно слу-жилъ...

— Ну-съ, дальше-съ. Вы меня оживляете отчасти, Антонъ Антоновичъ; умоляю васъ дальше-съ.

— Позвольте, я опять что-то васъ... Ну-съ, да-съ; ну, и ничего-съ; обстоятельство немудреное; вы, я вамъ говорю, не смущайтесь, и сумнительнаго въ этомъ нечего находить...

— Нѣтъ-съ. Я, т. е., хочу спросить васъ, Антонъ Антоновичъ, что его превосходительство ничего больше не прибавили... на счетъ меня, на примѣръ?

— Т. е. Какъ же-съ? Да-съ? Ну, нѣтъ, ничего; можете быть совершенно-спокойны. Знаете, оно, конечно, разумѣется, обстоятельство довольно-разительное и сначала... да вотъ я, на примѣръ, сначала я и не замѣтилъ почти. Не знаю, право, отъ-чего не замѣтилъ до-тѣхъ-поръ, покамѣстъ вы не напомнили. Но, впрочемъ, можете быть совершенно-спокойны. Ничего особеннаго, ровно ничего не сказали, прибавилъ добренькій Антонъ Антоновичъ, вставая со стула.

— Такъ вотъ-съ я, Антонъ Антоновичъ...

— Ахъ, вы меня извините-съ. Я и такъ о пустякахъ проболталъ, а вотъ дѣло есть важное, спѣшное. Нужно вотъ справиться.

— Антонъ Антоновичъ! раздался учтиво-призывный голосъ Андрея Филипповича: — его превосходительство спрашивалъ...

— Сейчасъ, сейчасъ, Андрей Филипповичъ, сейчасъ иду-съ. И Антонъ Антоновичъ, взявъ въ руки кучку бумагъ, полетѣлъ сначала къ Андрею Филипповичу, а потомъ въ кабинетъ его превосходительства.

— Такъ какъ же это? думалъ про себя господинъ Голядкинъ: — такъ вотъ у насъ игра какова! Такъ вотъ у насъ какой вѣтерокъ теперь подуваетъ... Это не дурно; это, стало-быть, наипрїятнѣйшій оборотъ дѣла приняли. Молодцомъ да и только! говорилъ про себя

герой нашъ, потирая руки и не слыша подъ собою стула отъ радости. Такъ вотъ оно какъ! Такъ дѣло-то наше обыкновенное дѣло. Такъ все пустячками кончается, ничѣмъ разрѣшается. Въ-самомъ-дѣлѣ, никто ничего, и не пикнуть, разбойники, сидятъ и дѣлами занимаются; славно, славно! я добраго человѣка люблю, любилъ и всегда готовъ уважать... Впрочемъ, вѣдь оно и того, какъ подумать, этотъ Антонъ-отъ Антоновичъ... довѣряться-то страшно: сѣдъ черезъ-чуръ и отъ старости покачнулся порядкомъ. Самое, впрочемъ, славное и громадное дѣло то, что его превосходительство ничего не сказали и такъ пропустили; оно хорошо! одобряю! Только Андрей-то Филипповичъ чего жъ тутъ съ своими смѣшками мѣшается? Ему-то тутъ что? Старая петля! всегда на пути моемъ, всегда черной кошкой норовитъ перебѣжать человѣку дорогу, всегда-то поперегъ да въ пику человѣку; человѣку-то въ пику да поперегъ...

Господинъ Голядкинъ опять оглянулся кругомъ и опять ожилъ надеждой. Чувствовалъ онъ, впрочемъ, что его все-таки смущаетъ одна отдаленная мысль, какая-то недобрая мысль. Ему даже пришло-было въ голову самому какъ-нибудь подбитися къ чиновникамъ, забѣжать впередъ зайцемъ, даже (тамъ какъ-нибудь при выходѣ изъ должности, или подойдя какъ будто-бы за дѣлами) между разговоромъ и намекнуть — что вотъ-де скать, господа, такъ и такъ, вотъ такое-то сходство разительное, обстоятельство странное, комедія пашквильная, — т. е. подтрунить самому надъ всѣмъ этимъ, да и сондировать такимъ-образомъ глубину опасности. "А то вѣдь въ тихомъ-то омутѣ черти водятся!" мысленно заключилъ нашъ герой. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ это только подумалъ; за то одумался во-время. Понялъ онъ, что это значитъ махнуть далеко. "Натура-то твоя такова!" сказалъ онъ про себя, щелкнувъ себя легонько по лбу рукою: "сейчасъ заиграешь, обрадовался! душа ты правдивая! Нѣтъ, ужъ лучше мы съ тобой, потерпимъ, Яковъ Петровичъ, подождемъ, да потерпимъ!" — Тѣмъ не менѣе и какъ мы уже упомянули, господинъ Голядкинъ возродился полной надеждой, точно изъ мертвыхъ воскресъ. "Ничего" думалъ онъ: "словно пятьсотъ пудовъ съ груди сорвалось! Вѣдь вотъ обстоятельство! А ларчикъ-то просто вѣдь открывался. Крыловъ-то и правъ, Крыловъ-то и правъ... дока, петля этотъ Крыловъ, и баснописецъ великій! А что до того, такъ пусть его служить, пусть его служить-себѣ на здоровье, лишь бы никому не мѣшалъ и никого не затрогивалъ; пусть его служить, — согласенъ и аппробую!"

А между-тѣмъ, часы проходили, летѣли, и незамѣтно стукнуло четыре часа. Присутствіе закрылось; Андрей Филипповичъ взялся за шляпу, и, какъ водится, всѣ послѣдовали его примѣру. Господинъ Голядкинъ помедлилъ немножко, нужное время, и вышелъ нарочно позже всѣхъ, самымъ послѣднимъ, когда уже всѣ разбрелись по разнымъ дорогамъ. Вышедъ на улицу, онъ почувствовалъ себя точно въ раю, такъ-что даже ощутилъ желаніе хотъ и крюку дать, а пройтись по Невскому. "Вѣдь вотъ судьба!" говорилъ нашъ герой: "неожиданный переворотъ всего дѣла. И погода-то разгулялась, и морозецъ, и саночки. А морозъ-то годится русскому человѣку, славно уживается съ морозомъ русскій человѣкъ! Я люблю русскаго человѣка. И снѣжочикъ и первая пороша, какъ сказалъ бы охотникъ; вотъ бы тутъ зайца по первой порошѣ! Эхма! да ну, ничего!"

Такъ-то выражался восторгъ господина Голядкина, а между-тѣмъ что-то все еще щекотало у него въ головѣ, тоска не тоска — а порой такъ сердце насасывало, что господинъ Голядкинъ не зналъ чѣмъ утѣшить себя. "Впрочемъ, подождемъ-ка мы дня, и тогда будемъ радоваться. А Впрочемъ, вѣдь что же такое? Ну, разсудимъ, посмотримъ. Ну, давай разсуждать, молодой другъ мой, ну, давай разсуждать. Ну, такой же какъ и ты человѣкъ, во-первыхъ, совершенно такой же. Ну, да что жъ тутъ такого? Коли такой человѣкъ, такъ мнѣ и плакать? Мнѣ-то что? Я въ сторонѣ; свищу себѣ, да и только! На то пошелъ, да и только! Пусть его служить! Ну, чудо и странность, тамъ говорятъ, что сіамскіе близнецы... Ну, да зачѣмъ ихъ сіамскихъ-то? положимъ они близнецы; но вѣдь и великіе люди подчасъ чудаками смотрѣли. Даже изъ исторіи извѣстно, что знаменитый Суворовъ пѣлъ пѣтухомъ... Ну, да онъ тамъ это все изъ политики; и великіе полководцы... да, Впрочемъ, что жъ полководцы? А вотъ я самъ-по-себѣ да и только, и знать никого не хочу, и въ невинности моей врага презираю. Не интригантъ и этимъ горжусь. Чистъ, прямодушенъ, опрятенъ, пріятенъ, незлобивъ..."

Вдругъ господинъ Голядкинъ умолкъ, осѣкся, и какъ листъ задрожалъ, даже закрылъ глаза на мгновеніе. Надѣясь, Впрочемъ, что предметъ его страха просто иллюзія, открылъ онъ наконецъ глаза и робко покосился на право. Нѣтъ, не иллюзія!... Рядомъ съ нимъ семенилъ утренній знакомецъ его, улыбался, заглядывалъ ему въ лицо и, казалось, ждалъ случая начать разговоръ. Разговоръ, Впрочемъ, не начинался. Оба они прошли шаговъ пятьдесятъ такимъ-образомъ. Все стараніе господина Голядкина было какъ-можно плотнѣе закутаться, зарыться въ шинель и нахлобучить на

глаза шляпу до послѣдней возможности. Къ довершенію обиды, да же и шинель и шляпа его пріятеля были точно такія же, какъ-будто сейчасъ съ плеча господина Голядкина.

— Милостивый государь, произнесъ наконецъ нашъ герой, стараясь говорить почти шопотомъ и не глядя на своего пріятеля: — мы, кажется, идемъ по разнымъ дорогамъ... Я даже увѣренъ въ этомъ, сказалъ онъ, помолчавъ немножко. — Наконецъ, я увѣренъ, что вы меня поняли совершенно, довольно-строга прибавилъ онъ въ заключеніе.

— Я бы желалъ, проговорилъ наконецъ пріятель господина Голядкина: — я бы желалъ... вы, вѣроятно, великодушно извините меня... я не знаю, къ кому обратиться здѣсь... мои обстоятельства — я надѣюсь, что вы извините мнѣ мою дерзость — мнѣ даже показало, что вы, движимые состраданіемъ, принимали во мнѣ сегодня утромъ участіе. Съ своей стороны, я съ перваго взгляда почувствовалъ къ вамъ влеченіе, я... Тутъ господинъ Голядкинъ мысленно пожелалъ своему новому сослуживцу провалиться сквозь землю.

— Если бы я смѣлъ надѣяться, что вы, Яковъ Петровичъ, меня снисходительно изволите выслушать...

— Мы — мы здѣсь — мы... лучше пойдете ко мнѣ, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ: — мы теперь перейдемъ на ту сторону Невскаго, тамъ намъ будетъ удобнѣе съ вами, а потомъ переулочкомъ... мы лучше возьмемъ переулочкомъ. Переулочкомъ ближе...

— Хорошо-съ. Пожалуй, возьмемъ переулочкомъ-съ, робко сказалъ смиренный спутникъ господина Голядкина, какъ-будто намекая тономъ отвѣта, что гдѣ ему разбирать, и что, въ его положеніи, онъ и переулочкомъ готовъ удовольствоваться. Что же касается до господина Голядкина, то онъ совершенно не понималъ, что съ нимъ дѣлалось. Онъ не вѣрилъ себѣ. Онъ еще не опомнился отъ своего изумленія.

ГЛАВА VII.

Оба господина Голядкина. О томъ, какъ они трактовали о разныхъ матеріяхъ. О томъ, какъ одинъ господинъ Голядкинъ плакалъ, а другой сочинялъ стихи. Господинъ Голядкинъ находитъ себя совершенно — счастливымъ и даетъ себѣ слово вести себя впередъ хорошо. Мнѣніе господина Голядкина-младшаго о дружескомъ кровѣ. Господинъ Голядкинъ-старшій протестуетъ и возстановляетъ нѣсколько-замаранную репутацію пророка Мухаммеда. Неприличное поведеніе Петрушки. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ-старшій отходитъ наконецъ ко сну.

Опомнился онъ немного на лѣстницѣ, при входѣ въ квартиру свою. "Ахъ я баранъ-голова!" ругнулъ онъ себя мысленно: "ну, куда жь я веду его? Что же скажетъ онъ мнѣ? самъ я голову въ петлю кладу. Что же подумаетъ Петрушка, увидя насъ вмѣстѣ? Что этотъ мерзавецъ теперь подумаетъ осмѣлится? а онъ подозрителенъ..." — Но уже поздно было раскаяваться; господинъ Голядкинъ постучался, дверь отворилась и Петрушка началъ снимать шинели съ гостя и барина. Господинъ Голядкинъ посмотрѣлъ вскользь, такъ только бросилъ мелькомъ взглядъ на Петрушку, стараясь проникнуть въ его фізіономію и разгадать его мысли. Но къ величайшему своему удивленію увидѣлъ онъ, что служитель его и не думаетъ удивляться, и даже, напротивъ, словно ждалъ чего-то подобнаго. Конечно, онъ и теперь смотрѣлъ волкомъ, косилъ на сторону, и какъ-будто кого-то съѣсть собирался. "Шутка-то шутка", думалъ герой нашъ: "ужь не околдовалъ ли ихъ кто всѣхъ сегодня, — бѣсъ какой-нибудь обѣжалъ! Непремѣнно что-нибудь особенное должно быть во всемъ этомъ народѣ сегодня. Да только прикидывается бестія, просто прикидывается. Знаетъ, все знаетъ! Чортъ возьми, экая мука какая!" Вотъ все-то такимъ-образомъ думая и раздумывая, господинъ Голядкинъ ввелъ своего гостя къ себѣ въ комнату и пригласилъ покорно садиться. Гость былъ въ крайнемъ, повидимому, замѣшательствѣ, очень робѣлъ, покорно слѣдилъ за всѣми движеніями своего хозяина, ловилъ его взгляды, и по нимъ, казалось, старался угадать его мысли. Что-то униженное, забитое и запуганное выражалось во всѣхъ жестахъ его, такъ-что онъ, если позволятъ сравненіе, довольно походилъ въ эту минуту на того чловѣка, который, за неимѣніемъ своего платья, одѣлся въ чужое: рукава лѣзутъ на верхъ, талія почти на затылкѣ, а онъ то поминутно оправляетъ на себѣ короткій жилетишка, то виляетъ бочкомъ и

сторонится, то норовить куда-нибудь спрятаться, то заглядываетъ въ глаза и прислушивается, не говорятъ ли чего люди о его обстоятельствахъ, не смѣются ли надъ нимъ, не стыдятся ли его, — и краснѣетъ человѣкъ, и теряется человѣкъ, и страдаетъ амбиція... Господинъ Голядкинъ поставилъ свою шляпу на окно; отъ неосторожнаго движенія шляпа его слетѣла на полъ. Гость тотчасъ же бросился ее поднимать, счистилъ всю пыль, бережно поставилъ на прежнее мѣсто, а свою на полу, возлѣ стула, на краюшкѣ котораго смиренно самъ помѣстился. Это маленькое обстоятельство открыло отчасти глаза господину Голядкину; понялъ онъ, что нужда въ немъ великая, и потому не сталъ болѣе затрудняться, какъ начать съ своимъ гостемъ, предоставивъ это все, какъ и слѣдовало, ему-самому. Гость же, съ своей стороны, тоже не начиналъ ничего, робѣлъ ли, стыдился ли немножко, или, изъ учтивости, ждалъ начала хозяйскаго — неизвѣстно, — разобрать было трудно. Въ это время вошелъ Петрушка, остановился въ дверяхъ и уставился глазами въ сторону, совершенно-противоположную той, въ которой помѣщались и гость, и баринъ его.

— Обѣда двѣ порціи прикажете брать? проговорилъ онъ небрежно и сиповатымъ голосомъ.

— Я, я не знаю... вы — да, возьми, братъ, двѣ порціи.

Петрушка ушелъ. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на своего гостя. Гость его покраснѣлъ до ушей. Господинъ Голядкинъ былъ добрый человѣкъ, и потому, по добротѣ души своей, тотчасъ же составилъ теорію:

— Бѣдный человѣкъ, думалъ онъ, да и на мѣстѣ-то всего одинъ день; въ свое время пострадалъ, вѣроятно; можетъ-быть, только и добра-то, что приличное платьишко, а самому и пообѣдать-то нечѣмъ. Экъ его, какой онъ забытый! Ну, ничего; это отчасти и лучше... Извините меня, что я, — началъ господинъ Голядкинъ: — впрочемъ, позвольте узнать, какъ мнѣ звать васъ?

— Я... я... Яковъ Петровичемъ, почти прошепталъ гость его, словно совѣстясь и стыдясь, словно прощенія прося въ томъ, что и его зовутъ тоже Яковъ Петровичемъ.

— Яковъ Петровичъ! повторилъ нашъ герой, не въ силахъ будучи скрыть своего смущенія.

— Да-съ, точно-такъ-съ... Тезка вамъ-съ, отвѣчалъ смиренный гость господина Голядкина, осмѣливаясь улыбнуться и сказать что-нибудь пошутливѣе. Но тутъ же и осѣлся назадъ, принявъ видъ

самый серьезный и немного впрочем смущенный, замѣчая, что хозяину его теперь не до шуточекъ.

— Вы... позвольте же васъ спросить, по какому случаю имѣю я честь...

— Зная ваше великодушіе и добродѣтели ваши, — быстро, но робкимъ голосомъ прервалъ его гость, немного приподымаясь со стула: — зная добродѣтели ваши, осмѣлился я обратиться къ вамъ и просить вашего... знакомства и покровительства... заключилъ его гость, очевидно затрудняясь въ своихъ выраженіяхъ, и выбирая слова не слишкомъ-льстивыя и унижительныя, чтобъ не окомпрометтировать себя въ-отношеніи амбиціи, но и не слишкомъ смѣлая, отзывающіяся неприличнымъ равенствомъ. Вообще можно сказать, что гость господина Голядкина велъ себя какъ благородный нищій въ заштопанномъ фракѣ, и съ благороднымъ паспортомъ въ карманѣ, ненапрактиковавшійся еще какъ слѣдуетъ протягивать руку.

— Вы смущаете меня, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, оглядывая себя, свои стѣны и гостя: — чѣмъ же я могъ бы... я, то-есть, хочу сказать, въ какомъ именно отношеніи могу я вамъ услужить въ чемъ-нибудь?

— Я, Яковъ Петровичъ, почувствовалъ къ вамъ влеченіе съ перваго взгляда, и, простите меня великодушно, на васъ понадѣялся — осмѣлился понадѣяться, Яковъ Петровичъ. Я... я человекъ здѣсь затерянный, Яковъ Петровичъ, бѣдный, пострадалъ весьма-много, Яковъ Петровичъ, и здѣсь еще вновѣ. Узнавъ, что вы, при обыкновенныхъ, врожденныхъ вамъ качествахъ вашей прекрасной души, однофамилецъ мой...

Господинъ Голядкинъ поморщился.

— Однофамилецъ мой, и родомъ изъ однихъ со мной мѣстъ, рѣшился я обратиться къ вамъ, и изложить вамъ затруднительное мое положеніе.

— Хорошо-съ, хорошо-съ; право, я не знаю, что вамъ сказать, отвѣчалъ смущеннымъ голосомъ господинъ Голядкинъ: — вотъ, послѣ обѣда мы потолкуемъ...

Гость поклонился; обѣдъ принесли. Петрушка собралъ на столъ и гость, вмѣстѣ съ хозяиномъ, принялись насыщать себя. Обѣдъ продолжался недолго; оба они торопились, — хозяинъ, потому-что былъ не въ обыкновенной тарелкѣ своей, да къ-тому же и совѣстился, что обѣдъ былъ дурной, — совѣстился же отчасти отъ-того, что хотѣлось гостя хорошо покормить, а частію отъ-того, что

хотѣлось показать, что онъ не какъ нищій живетъ. Съ своей стороны, гость былъ въ крайнемъ смущеніи и крайне конфузился. Взявъ одинъ разъ хлѣба и съѣвъ свой ломоть, онъ уже боялся протягивать руку къ другому ломтю, совѣстился брать кусочки по-лучше и по-минутно увѣрялъ, что онъ вовсе не голоденъ, что обѣдъ былъ прекрасный, и что онъ, съ своей стороны, совершенно-доволенъ и по гробъ будетъ чувствовать. Когда ѣда кончилась, господинъ Голядкинъ закурилъ свою трубочку, предложилъ другую, заведенную для пріятеля, гостю, оба усѣлись другъ противъ друга, и гость началъ рассказывать свои приключенія.

Рассказъ господина Голядкина-младшаго продолжался часа три или четыре. Исторія приключеній его была, впрочемъ, составлена изъ самыхъ пустѣйшихъ, изъ самыхъ мизернѣйшихъ, если можно сказать, обстоятельствъ. Дѣло шло о службѣ гдѣ-то въ палатѣ въ губерніи, о прокурорахъ и предсѣдателяхъ, о кое-какихъ канцелярскихъ интригахъ, о развратѣ души одного изъ повытчиковъ, о ревизорѣ, о внезапной перемѣнѣ начальства, о томъ, какъ господинъ Голядкинъ-второй пострадалъ совершенно-безвинно; о престарѣлой тетускѣ его, Пелагеѣ Семеновнѣ; о томъ, какъ онъ, по разнымъ интригамъ враговъ своихъ, мѣста лишился и пѣшкомъ пришелъ въ Петербургъ; о томъ, какъ онъ маялся и горе мыкалъ здѣсь въ Петербургѣ, какъ бесплодно долгое время мѣста искалъ, прожилъ, исхарчился, жилъ чуть не на улицѣ, ѣлъ черствый хлѣбъ и запивалъ его слезами своими, спалъ на голомъ полу, и, наконецъ, какъ кто-то изъ добрыхъ людей взялся хлопотать о немъ, рекомендовалъ и великодушно къ новому мѣсту пристроилъ. Гость господина Голядкина плакалъ рассказывая и утиралъ слезы синимъ клѣтчатымъ платкомъ, весьма походившимъ на клеенку. Заключилъ же онъ тѣмъ, что открылся вполне господину Голядкину и признался, что ему не только нечѣмъ покаместъ жить и прилично устроиться, но и обмундироваться-то какъ слѣдуетъ не на что; что вотъ, включилъ онъ, даже на сапожишки не могъ сколотиться, и что виц-мундиръ взять имъ у кого-то на подержаніе на малое время.

Господинъ Голядкинъ былъ въ умиленіи, былъ истинно тронутъ. Впрочемъ, и даже не смотря на то, что исторія его гостя была самая пустая исторія, всѣ слова этой исторіи ложились на сердце его словно манна небесная. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ забывалъ послѣднія сомнѣнія свои, разрѣшилъ свое сердце на свободу и радость и, наконецъ, мысленно самъ себя пожаловалъ въ дураки. Все было такъ натурально! И было отъ чего сокрушаться,

бить такую тревогу! Ну, есть, дѣйствительно есть одно щекотливое обстоятельство, — да вѣдь оно не бѣда: оно не можетъ замарать человѣка, амбицію его запятнать и карьеру его загубить, когда невиноватъ человѣкъ, когда сама природа сюда замѣшалась. Къ-тому же, гость просилъ покровительства, гость плакалъ, гость судьбу обвинялъ, казался такимъ незатѣйливымъ, безъ злобы и хитростей, жалкимъ, ничтожнымъ, и, кажется, самъ теперь совѣстился, хотя, можетъ-быть, и въ другомъ отношеніи, страннымъ сходствомъ лица своего съ хозяйскимъ лицомъ. Вель онъ себя до-нельзя благонадежно, такъ и смотрѣлъ угодить своему хозяину, и смотрѣлъ такъ, какъ смотреть человѣкъ, который терзается угрызеніями совѣсти и чувствуетъ, что виноватъ передъ другимъ человѣкомъ. Заходила ли, на-примѣръ, рѣчь о какомъ-нибудь сомнительномъ пунктѣ, гость тотчасъ же соглашался съ мнѣніемъ господина Голядкина. Если же какъ-нибудь, по ошибкѣ, заходилъ мнѣніемъ своимъ въ контру господину Голядкину и потомъ замѣчалъ, что сбился съ дороги, то тотчасъ же поправлялъ свою рѣчь, объяснялся и давалъ немедленно знать, что онъ все разумѣетъ точно такимъ же образомъ, какъ хозяинъ его, мыслить такъ же, какъ онъ, и смотреть на все совершенно-такими же глазами, какъ и онъ. Однимъ словомъ, гость употреблялъ всевозможныя усилія найти въ господинѣ Голядкинѣ, такъ-что господинъ Голядкинъ рѣшилъ наконецъ, что гость его долженъ быть весьма-любезный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Между-прочимъ, подали чай; часъ былъ девятый. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ себя въ прекрасномъ расположеніи духа, развеселился, разъигрался, расходился понемножку и пустился наконецъ въ самый живой и занимательный разговоръ съ своимъ гостемъ. Господинъ Голядкинъ подъ веселую руку любилъ иногда рассказать что-нибудь интересное. Такъ и теперь: рассказалъ гостю много о столицѣ, объ увеселеніяхъ и красотахъ ея, о театрѣ, о клубахъ, о картинѣ Брюлова; о томъ, какъ два Англичанина пріѣхали нарочно изъ Англіи въ Петербургъ, чтобъ посмотрѣть на рѣшетку Лѣтняго-Сада, и тотчасъ уѣхали; о службѣ, объ Олсуфѣ Ивановичѣ и объ Андреѣ Филипповичѣ; о томъ, что Россія съ-часу-на-часъ идетъ къ совершенству, и что "туть

Словесныя науки днесъ цвѣтуть";

объ анекдотцѣ, прочитанномъ недавно въ "Сѣверной Пчелѣ", и что въ Индіи есть змѣя удавъ необыкновенной силы; наконецъ, о баронѣ Брамбеусѣ, и т. д., и т. д. Словомъ, господинъ Голядкинъ

вполнѣ былъ доволенъ, во-первыхъ, потому-что былъ совершенно-спокоенъ, во-вторыхъ, что не только не боялся враговъ своихъ, но даже готовъ былъ теперь всѣхъ ихъ вызвать на самый рѣшительный бой; въ-третьихъ — что самъ своею особою оказывалъ покровительство и, наконецъ, дѣлалъ доброе дѣло. Сознавался онъ, впрочемъ, въ душѣ своей, что еще не совсѣмъ-счастливъ въ эту минуту, что сидитъ въ немъ еще одинъ червячокъ, самый маленькій впрочемъ, и точитъ даже и теперь его сердце. Мучило крайне его воспоминаніе о вчерашнемъ вечерѣ у Олсуфья Ивановича. Много бы далъ онъ теперь, еслибъ не было кой-чего изъ того, что было вчера. "Впрочемъ, вѣдь оно ничего!" заключилъ наконецъ нашъ герой и рѣшился твердо въ душѣ вести себя впередъ хорошо и не впадать въ подобные промахи. Такъ-какъ господинъ Голядкинъ теперь расходился вполнѣ и сталъ вдругъ почти совершенно-счастливъ, то вздумалось ему даже и пожуировать жизнію. Принесенъ былъ Петрушкою ромъ, и составился пуншъ. Гость и хозяинъ осушили по стакану и по два. Гость оказался еще любезнѣе прежняго, и съ своей стороны показалъ не одно доказательство прямодушія и счастливаго характера своего, сильно входилъ въ удовольствіе господина Голядкина, казалось, радовался только одною его радостью и смотрѣлъ на него какъ на истиннаго и единственнаго своего благодѣтеля. Взявъ перо и листочекъ бумажки, онъ попросилъ господина Голядкина не смотрѣть на то, что онъ будетъ писать, и потомъ, когда кончилъ, самъ показалъ хозяину своему все написанное. Оказалось, что это было четверостишіе, написанное довольно-чувствительно, впрочемъ прекраснымъ слогомъ и почеркомъ, и, какъ видно, сочиненіе самого любезнаго гостя. Стишки были слѣдующіе:

Если ты меня забудешь,
Не забуду я тебя;
Въ жизни можетъ все случиться,
Не забудь и ты меня!

Со слезами на глазахъ обнялъ своего гостя господинъ Голядкинъ, и, расчувствовавшись наконецъ вполнѣ, самъ посвятилъ своего гостя въ нѣкоторые секреты и тайны свои, причемъ рѣчь сильно напиралась на Андрея Филипповича и на Клару Олсуфьевну. "Ну, да вѣдь мы съ тобой, Яковъ Петровичъ, сойдемся" говорилъ нашъ герой своему гостю: "мы съ тобой, Яковъ Петровичъ, сойдемся; будемъ жить какъ рыба съ водой, какъ братья родные; мы, дружище, будемъ хитрить, за-одно хитрить будемъ; съ своей стороны будемъ

интригу вести въ пику имъ... въ пику-то имъ интригу вести. Мы съ тобой теперь за-одно, а имъ-то ты никому не ввѣряйся. Вѣдь я тебя знаю, Яковъ Петровичъ, и характеръ твой понимаю; вѣдь ты какъ-разъ все расскажешь, душа ты правдивая! Ты, братъ, сторонись отъ нихъ всѣхъ." Гость вполне соглашался, благодарилъ господина Голядкина и тоже наконецъ прослезился. "Ты знаешь ли, Яша" продолжалъ господинъ Голядкинъ дрожащимъ, разслабленнымъ голосомъ: "ты, Яша, поселись у меня на время, или навсегда поселись. Мы сойдемся. Что, братъ, тебѣ, а? А ты не смущайся и не ропщи на то, что вотъ между нами такое странное теперь обстоятельство: роптать, братъ, грѣшно; покорись и смирись; это природа! А мать-природа щедра, вотъ что, братъ Яша! Любя тебя, братски любя тебя, говорю. А мы съ тобой, Яша, будемъ хитрить и съ своей стороны подкопы вести, и носы имъ утремъ." Пуншъ наконецъ дошелъ до третьихъ и четвертыхъ стакановъ на брата, и тогда господинъ Голядкинъ сталъ испытывать два ощущенія: одно то, что необыкновенно-счастливъ, а другое — что уже не можетъ стоять на ногахъ и качается. Гость, разумѣется, былъ приглашенъ ночевать. Кровать была кое-какъ составлена изъ двухъ рядовъ стульевъ. Господинъ Голядкинъ-младшій объявилъ, что подъ дружескимъ кровомъ мягко спать и на голомъ полу, что съ своей стороны онъ заснетъ, гдѣ прійдется, съ покорностью и признательностью; что теперь онъ въ раю, и что, наконецъ, онъ много перенесъ на своемъ вѣку несчастій и горя, на все посмотрѣлъ, всего перетерпѣлъ, и — кто знаетъ будущность? — можетъ-быть, еще перетерпитъ. Господинъ Голядкинъ-старшій протестовалъ противъ этого и началъ доказывать, что нужно возложить всю надежду на Бога. Гость вполне соглашался и говорилъ, что, разумѣется, никто таковъ, какъ Богъ. Тутъ господинъ Голядкинъ-старшій замѣтилъ, что Турки правы въ нѣкоторомъ отношеніи, призывая даже во снѣ имя Божіе. Потомъ, не соглашаясь, впрочемъ, съ иными учеными въ иныхъ клеветахъ, взводимыхъ на турецкаго пророка Мухаммеда, и признавая его въ своемъ родѣ великимъ политикомъ, господинъ Голядкинъ перешелъ къ весьма-интересному описанію алжирской цирюльни, о которой читалъ въ какой-то книжкѣ, въ смѣси. Гость и хозяинъ много смѣялись надъ простодушіемъ Турковъ; впрочемъ, не могли не отдать должной дани удивленія ихъ фанатизму, возбуждаемому опиумомъ... Гость сталъ наконецъ раздѣваться, а господинъ Голядкинъ вышелъ за перегородку, частію по добротѣ души, что, можетъ-быть, де-скалъ у него и рубашки-то порядочной нѣтъ, такъ чтобъ не

сконфузить и безъ того уже пострадавшаго человѣка, а частію для того, чтобъ увѣриться по-возможности въ Петрушкѣ, испытать его, развеселить, если можно, и приласкать человѣка, чтобъ ужъ такъ, чтобъ ужъ всѣ были счастливы, и чтобъ не оставалось на столѣ просыпанной соли. Нужно замѣтить, что Петрушка все еще немного смущалъ господина Голядкина.

— Ты, Петръ, ложись теперь спать, кротко сказалъ господинъ Голядкинъ, входя въ отдѣленіе своего служителя: — ты теперь ложись спать, а завтра въ восемь часовъ ты меня и разбуди. Понимаешь, Петруша?

Господинъ Голядкинъ говорилъ необыкновенно-мягко и ласково. Но Петрушка молчалъ. Онъ въ это время возился около своей кровати и даже не обернулся къ своему барину, что бы долженъ былъ сдѣлать, впрочемъ, изъ одного къ нему уваженія.

— Ты, Петръ, меня слышалъ? продолжалъ господинъ Голядкинъ. — Ты вотъ теперь ложись спать, а завтра, Петруша, ты и разбуди меня въ восемь часовъ; понимаешь?

— Да ужъ помню, ужъ что тутъ! проворчалъ себѣ подъ носъ Петрушка.

— Ну то-то, Петруша; я это только такъ говорю, чтобъ и ты былъ спокоенъ и счастливъ. Вотъ мы теперь всѣ счастливы, такъ чтобъ и ты былъ спокоенъ и счастливъ. А теперь спокойной ночи желаю тебѣ. Усни, Петруша, усни; мы всѣ трудиться должны... Ты, братъ, знаешь, не думай чего-нибудь...

Господинъ Голядкинъ началъ-было, да и остановился. "Не слишкомъ ли будетъ" подумалъ онъ: "не далеко ли я замахнулъ? Такъ-то всегда; всегда-то я пересыплю." Герой нашъ вышелъ отъ Петрушки весьма-недовольный собою. Къ-тому же, грубостью и неподатливостью Петрушки онъ немного обидѣлся. "Съ шельмецомъ заигрываютъ, шельмецу баринъ честь дѣлаетъ, а онъ не чувствуетъ", подумалъ господинъ Голядкинъ. "Впрочемъ, такая ужъ тенденція подлая у всего этого рода!" Отчасти покачиваясь, воротился онъ въ комнату, и видя, что гость его улегся совсѣмъ, присѣлъ на минутку къ нему на постель. "А вѣдь признайся, Яша, началъ онъ шопотомъ и курныкая головой: "вѣдь ты, подлець, предо мной виноватъ? вѣдь ты, тезка, знаешь, того..." продолжалъ онъ, довольно-фамиллярно заигрывая съ своимъ гостемъ. Наконецъ, распростившись съ нимъ дружески, господинъ Голядкинъ отправился спать. Гость между-тѣмъ захрапѣлъ. Господинъ Голядкинъ въ свою очередь началъ ложиться въ постель, а между-тѣмъ

посмѣиваясь шепталъ про себя: "Вѣдь ты пьянъ сегодня, голубчикъ мой, Яковъ Петровичъ, подлець ты такой, Голядка ты этакой — фамилья твоя такова!! Ну, чему ты обрадовался? Вѣдь завтра расплачешься, нюня ты этакая; что мнѣ дѣлать съ тобой!" Тутъ довольно-странное ощущеніе отозвалось во всемъ существѣ господина Голядкина, что-то похожее на сомнѣніе или раскаяніе. "Расходился жь я" думалъ онъ: "вѣдь вотъ теперь шумить въ головѣ и я пьянъ; и не удержался, дурачина ты этакая! и вздору съ три короба намолоть, да еще хитрить, подлець, собирался. Конечно, прощеніе и забвеніе обидъ есть первѣйшая добродѣтель, но все жь оно плохо! вотъ оно какъ!" Тутъ господинъ Голядкинъ привсталъ, взялъ свѣчу, и на ципочкахъ еще разъ пошелъ взглянуть на спящаго своего гостя. Долго стоялъ онъ надъ нимъ въ глубокомъ раздумьи. "Картина непріятная! пасквиль, чистѣйшій пасквиль, да и дѣло съ концомъ!"

Наконецъ господинъ Голядкинъ улегся совсѣмъ. — Въ головѣ у него шумѣло, трещало, звонило. Онъ сталъ забываться — забываться... силился-было о чемъ-то думать, вспомнить что-то такое весьма-интересное, разрѣшить что-то такое весьма-важное, какое-то щекотливое дѣло, — но не могъ. Сонъ налетѣлъ на его побѣдную голову, и онъ заснулъ такъ, какъ обыкновенно спятъ люди, съ непривычки употребившіе вдругъ пять стакановъ пунша на какой-нибудь дружеской вечеринкѣ.

ГЛАВА VIII.

О томъ, что случилось съ господиномъ Голядкинымъ по пробужденіи. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ струсилъ отчасти. Встрѣча обоихъ Голядкиныхъ. Какъ одинъ господинъ Голядкинъ пускаетъ пыль въ глаза другому господину Голядкину. Адская измѣна господина Голядкина-младшаго. Неприличіе и необразованность господина Голядкина-младшаго. Безобразіе господина Голядкина-младшаго. Мнѣніе господина Голядкина-старшаго о ветошкахъ, амбиціяхъ и репутаціяхъ. О томъ, какимъ-образомъ эта глава кончается.

Какъ обыкновенно, на другой день господинъ Голядкинъ проснулся въ восемь часовъ; проснувшись же, тотчасъ припомнилъ все происшествія вчерашняго вечера, — припомнилъ и поморщился. "Экъ я разыгрался вчера такимъ дуракомъ!" подумалъ онъ, приподымаясь съ постели и взглянувъ на постель своего гостя. Но каково же было его удивленіе, когда не только гостя, но даже и постели, на которой спалъ гость, не было въ комнатѣ! "Что жъ это такое?" чуть не вскрикнулъ господинъ Голядкинъ: "что жъ бы это было такое? Что же означаетъ теперь это новое обстоятельство?" Покамѣсть господинъ Голядкинъ, недоумѣвая, съ раскрытымъ ртомъ смотрѣлъ на опустѣлое мѣсто, скрипнула дверь, и Петрушка вошелъ съ чайнымъ подносомъ. "Гдѣ же, гдѣ же?" проговорилъ чуть слышнымъ голосомъ нашъ герой, указывая пальцемъ на вчерашнее мѣсто, отведенное гостю. Петрушка сначала не отвѣчалъ ничего, даже не посмотрѣлъ на своего барина, а поворотилъ свои глаза въ уголъ направо, такъ-что господинъ Голядкинъ самъ принужденъ былъ взглянуть въ уголъ направо. Впрочемъ, послѣ нѣкотораго молчанія Петрушка сиповатымъ и грубымъ голосомъ отвѣтилъ — "что барина, дескать, дома нѣтъ".

— Дуракъ ты; да вѣдь я твой баринъ, Петрушка, проговорилъ господинъ Голядкинъ прерывистымъ голосомъ, и во все глаза смотря на своего служителя.

Петрушка ничего не отвѣчалъ, но посмотрѣлъ такъ на господина Голядкина, что тотъ покраснѣлъ до ушей, — посмотрѣлъ съ какою-то оскорбительною укоризною, похожею на чистую брань. Господинъ Голядкинъ и руки опустилъ, какъ говорится. Наконецъ, Петрушка объявилъ, что *другой* ужъ часа съ полтора какъ ушелъ, что онъ не хотѣлъ дожидаться, и что обѣщалъ своевременно увидѣться, поговорить и объясниться рѣшительно. Конечно, отвѣтъ

былъ вѣроятенъ и правдоподобенъ; видно было, что Петрушка не блгалъ, что оскорбительный взглядъ его и слово *другой*, употребленное имъ, тоже оскорбительное для чести героя нашего, были лишь слѣдствіемъ всего извѣстнаго гнуснаго обстоятельства, что наконецъ Петрушка нѣкоторымъ образомъ былъ въ своемъ правѣ, говоря и поступая такимъ образомъ, и что претендовать на него, или распекать его за это нельзя; слѣдовательно, на этотъ счетъ господинъ Голядкинъ могъ повидимому оставаться совершенно-спокойнымъ, — но все-таки онъ понималъ хоть и смутно, что тутъ что-нибудь да не такъ, и что судьба готовитъ ему еще какой-то гостинецъ, не совсѣмъ-то пріятный. "Хорошо, мы посмотримъ", думалъ онъ про себя: "мы увидимъ, мы своевременно раскусимъ все это... Ахъ, ты Господи Боже мой!" простоналъ онъ въ заключеніе уже совсѣмъ-другимъ голосомъ: "и зачѣмъ я это приглашалъ его, на какой конецъ я все это дѣлалъ? вѣдь истинно самъ голову сую въ петлю ихъ воровскую, самъ эту петлю свиваю. Ахъ, ты голова, голова! вѣдь и утерпѣть-то не можешь ты, чтобъ не провратъся какъ мальчишка какой-нибудь, канцеляристъ какой-нибудь, какъ безчиновная дрянъ какая-нибудь, тряпка, ветошка гнилая какая-нибудь, сплетникъ ты этакой, баба ты этакая!... Святые вы мои! И стишки шельмецъ написалъ, и въ любви ко мнѣ изъяснился! Какъ бы такъ того... Какъ бы ему, шельмецу, приличнѣе на дверь указать, коли воротится? Разумѣется, много есть разныхъ оборотовъ и способовъ. Такъ и такъ, дескать, при моемъ ограниченномъ жалованьѣ... Или тамъ, припугнуть его какъ-нибудь, что, дескать, взявъ въ соображеніе вотъ то-то и то-то, принужденъ изъясниться... дескать, нужно въ половинѣ платить за квартиру и столъ, и деньги впередъ отдавать. Гм! нѣтъ, чортъ возьми, нѣтъ! Это меня замараешь. Оно не совсѣмъ — деликатно! Развѣ какъ-нибудь тамъ, вотъ такъ бы сдѣлать: взять бы, да и надоумить Петрушку, чтобъ Петрушка ему насолилъ какъ-нибудь, неглижировалъ бы съ нимъ какъ-нибудь, подъ-часъ бы сгрубилъ ему, да и выжить его такимъ-образомъ? Стравить бы ихъ такъ вмѣстѣ... Нѣтъ, чортъ возьми, нѣтъ! Это опасно, да и опять, если съ этакой точки зрѣнья смотрѣть — ну, да, вовсе нехорошо! Совсѣмъ-нехорошо! А ну, если онъ не прійдетъ? что тогда будетъ? проврался я ему вчера вечеромъ!.. Эхъ, плохо, плохо! Эхъ, дѣло-то наше какъ плоховато! Ахъ, я голова, голова окаянная! взубрить-то ты чего слѣдуетъ не можешь себѣ, резону-то вгвоздить туда не можешь себѣ! Ну, какъ онъ не прійдетъ и откажется? А дай-то Господи, еслибъ пришелъ! весьма былъ бы радъ я,

еслибъ пришелъ онъ; много бы далъ я, еслибъ пришелъ..." Такъ разсуждалъ господинъ Голядкинъ, глотая свой чай и безпрестанно поглядывая на стѣнные часы. "Безъ четверти девять теперь; вѣдь, вотъ ужъ пора идти. А что-то будетъ такое, что-то тутъ будетъ? Желалъ бы я знать, что здѣсь именно особеннаго такого скрывается, — этакъ цѣль, направленіе и разныя тамъ закавыки. Хорошо бы узнать, на что именно метятъ всѣ эти народы, и каковъ-то будетъ ихъ первый шагъ..." Господинъ Голядкинъ не могъ долѣе вытерпѣть, бросилъ недокуренную трубку, одѣлся и пустился на службу, желая накрыть, если можно, опасность и во всемъ удостовѣриться своимъ личнымъ присутствіемъ. А опасность была: это ужъ онъ самъ зналъ, что опасность была. "А вотъ мы ее... и раскусимъ" говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шинель и калоши въ передней: "вотъ мы и проникнемъ сейчасъ во всѣ эти дѣла." Рѣшившись такимъ-образомъ дѣйствовать, герой нашъ оправился, принялъ видъ приличный и форменный, и только-что хотѣлъ-было проникнуть въ сосѣднюю комнату, какъ вдругъ въ самыхъ дверяхъ столкнулся съ нимъ вчерашній знакомецъ, другъ и пріятель его. Господинъ Голядкинъ-младшій, кажется, не замѣчалъ господина Голядкина-старшаго, хотя и сошелся съ нимъ почти носомъ къ носу. Господинъ Голядкинъ-младшій былъ, кажется, занятъ, куда-то спѣшилъ, запыхался; видъ имѣлъ такой официальный, такой дѣловой, что, казалось, всякій могъ прямо прочесть на лицѣ его — "командированъ по особому порученію"...

— Ахъ, это вы, Яковъ Петровичъ! сказалъ нашъ герой, хватая своего вчерашняго гостя за руку.

— Послѣ, послѣ, извините меня, расскажете послѣ, закричалъ господинъ Голядкинъ-младшій, порываясь впередъ...

— Однако, позвольте; вы, кажется, хотѣли, Яковъ Петровичъ, того-съ...

— Что-съ? Объясните скорѣе-съ. — Тутъ вчерашній гость господина Голядкина остановился какъ-бы черезъ силу и нехотя, и подставилъ ухо свое прямо къ носу господина Голядкина.

— Я вамъ скажу, Яковъ Петровичъ, что я удивляюсь пріему... пріему, какого вовсе, по-видимому, не могъ бы я ожидать.

— На все есть извѣстная форма-съ. Явитесь къ секретарю его превосходительства и потомъ отнесите, какъ слѣдуетъ, къ господину правителю канцеляріи. Просьба есть?...

— Вы, я не знаю, Яковъ Петровичъ! вы меня просто изумляете, Яковъ Петровичъ! вы вѣрно не узнаете меня, или шутите, по врожденной веселости характера вашего.

— А, это вы! сказалъ господинъ Голядкинъ-младшій, какъ будто только-что сейчасъ разглядѣлъ господина Голядкина-старшаго: — такъ это вы? Ну, очень радъ, что это вы! Ну, что жъ, хорошо ли вы почивали? Тутъ господинъ Голядкинъ-младшій, улыбнувшись немного, оффиціально и форменно улыбнувшись, хотя вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало (потому-что, вѣдь во всякомъ случаѣ онъ одолженъ же былъ благодарностью господину Голядкину-старшему), и такъ улыбнувшись оффиціально и форменно, прибавилъ, что онъ съ своей стороны весьма-радъ, что господинъ Голядкинъ хорошо почивалъ; потомъ наклонился немного, посеменялъ немного на мѣстѣ, поглядѣлъ направо, налѣво, потомъ опустилъ глаза въ землю, нацѣлился въ боковую дверь, и, прошептавъ скороговоркой, что онъ по особому порученію, юркнулъ въ сосѣдную комнату. Только и видѣлъ его нашъ герой.

— Вотъ-те и штука!.. прошепталъ нашъ герой, остолбенѣвъ на мгновение: — вотъ-те и штука! Такъ вотъ такое-то здѣсь обстоятельство!... Тутъ господинъ Голядкинъ почувствовалъ, что у него отъ чего-то заходили мурашки по тѣлу. — Впрочемъ, продолжалъ онъ про себя, пробираясь въ свое отдѣленіе: — впрочемъ, вѣдь я уже давно говорилъ о такомъ обстоятельствѣ; я уже давно предчувствовалъ, что онъ по особому порученію, — именно, вотъ вчера говорилъ, что непременно по чьему-нибудь особому порученію употребленъ человѣкъ... Однакожъ, какъ же все это?.. Если такъ разсудить, оно выходитъ и не совсѣмъ-такое необыкновенное дѣло. Здѣсь, во-первыхъ, вѣроятно, есть недоразумѣніе какое-нибудь, а во-вторыхъ, вѣдь то же самое и со всѣми случается; оно, можетъ-быть, то же самое и со всѣми случится...

— Окончили вы, Яковъ Петровичъ, вчерашнюю вашу бумагу? спросилъ Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ усѣвшася подлѣ него господина Голядкина: — у васъ здѣсь она?

— Здѣсь, прошепталъ господинъ Голядкинъ, смотря на своего столоначальника отчасти съ потерявшимся видомъ.

— То-то-съ. Я къ тому говорю, что Андрей Филипповичъ уже два раза спрашивалъ. Того-и-гляди, что его превосходительство потребуетъ...

— Нѣтъ-съ, она кончена-съ...

— Ну-съ, хорошо-съ.

— Я, Антонъ Антоновичъ, всегда, кажется, исполнялъ свою должность какъ слѣдуетъ и радѣю о порученныхъ мнѣ начальствомъ дѣлахъ-съ, занимаюсь ими рачительно.

— Да-съ. Ну-съ, что же вы хотите этимъ сказать-съ?

— Я ничего-съ, Антонъ Антоновичъ. Я только, Антонъ Антоновичъ, хочу объяснить, что я... т. е. я хотѣлъ выразить, что иногда неблагонамѣренность и зависть не щадятъ никакого лица, ища своей повседневной отвратительной пищи-съ...

— Извините, я васъ не совсѣмъ-то понимаю. То-есть, на какое лицо вы теперь оборотомъ смысла вашихъ рѣчей нарицаніе дѣлаете?

— То-есть, я хотѣлъ только сказать, Антонъ Антоновичъ, что я иду прямымъ путемъ, а окольнымъ путемъ ходить презираю, что я не интригантъ, и что симъ, если позволено только будетъ мнѣ выразиться, могу весьма-справедливо гордиться...

— Да-съ. Это все такъ-съ, и по крайнему моему разумѣнію отдаю полную справедливость разсужденію вашему; но позвольте же и мнѣ вамъ, Яковъ Петровичъ, замѣтить, что личности въ хорошемъ обществѣ не совсѣмъ позволительны-съ; что за глаза, я, на-примѣръ, готовъ снести, — потому-что за глаза и кого жь не брать! — но въ глаза, воля ваша, а я сударь мой, на-примѣръ, себѣ дерзостей говорить не позволю. Я, сударь мой, посѣдѣлъ на госуда-ревой службѣ, и дерзостей на старости лѣтъ говорить себѣ не позволю-съ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ-съ, вы видите ли, Антонъ Антоновичъ, вы, кажется, Антонъ Антоновичъ, меня не совсѣмъ-то въ смыслѣ рѣчей моихъ уразумѣли-съ. А я, помилуйте, Антонъ Антоновичъ, я съ своей стороны могу только за честь поставить-съ...

— Да ужь и насъ тоже прошу извинить-съ. Учены мы по старинному-съ. А по вашему, по новому учиться намъ поздно. На службѣ отечеству разумѣнія доселѣ намъ, кажется, доставало. У меня, сударь мой, какъ вы сами знаете, есть знакъ за двадцатипятилѣтнюю безпорочную службу-съ...

— Я чувствую, Антонъ Антоновичъ, я съ моей стороны совершенно все это чувствую-съ. Но я не про то-съ, я про маску говорилъ, Антонъ Антоновичъ-съ...

— Про маску-съ?

— То-есть, вы опять... я опасаясь, что вы и тутъ пріймете въ другую сторону смыслъ, т. е. смыслъ рѣчей моихъ, какъ вы сами говорите, Антонъ Антоновичъ. Я только тѣмъ развиваю, т. е. пропус-

каю идею, Антонъ Антоновичъ, что люди, носящіе маску, стали не рѣдки-съ, и что теперь трудно подѣ маской узнать человѣка-съ...

— Ну-съ, знаете ли-съ, оно не совсѣмъ-то и трудно-съ. Иногда и довольно легко-съ, иногда и искать недалеко нужно ходить-съ.

— Нѣтъ-съ, знаете ли-съ, я, Антонъ Антоновичъ, говорю-съ, про себя говорю, что я, на-примѣръ, маску надѣваю лишь когда нужда въ ней бываетъ, т. е. единственно для карнавала и веселыхъ собраній, говоря въ прямомъ смыслѣ, но что не маскируюсь передъ людьми каждодневно, говоря въ другомъ, болѣе-скрытномъ смыслѣ-съ. Вотъ что я хотѣлъ сказать, Антонъ Антоновичъ-съ.

— Ну, да мы, покамѣстъ, оставимъ все это; да мнѣ же и некогда-съ, сказалъ Антонъ Антоновичъ-съ, привставъ съ своего мѣста и собирая кой-какія бумаги для доклада его превосходительству. — Дѣло же ваше, какъ я полагаю, не замедлитъ своевременно объясниться. Сами же увидите вы, на кого вамъ пенять, и кого обвинять, а за тѣмъ прошу васъ покорнѣйше уволить меня отъ дальнѣйшихъ, частныхъ и вредящихъ службѣ объясненій и толковъ-съ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ, началъ поблѣднѣвшій немного господинъ Голядкинъ вслѣдъ удаляющемуся Антону Антоновичу: — я, Антонъ Антоновичъ, того-съ, и не думалъ-съ. — Что же это такое? продолжалъ уже про себя нашъ герой, оставшись одинъ: — что же это за вѣтры такіе здѣсь подуваютъ, и что означаетъ этотъ новый крючокъ? Господи, Боже мой! да не сплю ли ужъ я?.. — Въ то самое время, какъ потерянный и полу-убитый герой нашъ готовился-было разрѣшить этотъ новый и довольно-интересный вопросъ, въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ, обнаружилось какое-то дѣловое движеніе, дверь отворилась, и Андрей Филипповичъ, только-что передъ тѣмъ отлучившійся по дѣламъ въ кабинетъ его превосходительства, запыхавшись, появился въ дверяхъ и кликнулъ господина Голядкина. Зная въ чемъ дѣло и не желая заставить ждать Андрея Филипповича, господинъ Голядкинъ вскочилъ съ своего мѣста и, какъ слѣдуетъ, немедленно засуетился на чемъ свѣтъ стоитъ, обготовляя и обхаливая окончательно требуемую тетрадку, да и самъ приготовляясь отправиться, вслѣдъ за тетрадкой и Андреемъ Филипповичемъ, въ кабинетъ его превосходительства. Вдругъ и почти изъ-подъ руки Андрея Филипповича, стоявшаго въ то время въ самыхъ дверяхъ, юркнулъ въ комнату господинъ Голядкинъ-младшій, суетясь, запыхавшись, загонявшись на службѣ, съ важнымъ рѣшительно-форменнымъ видомъ и прямо

подкатился къ господину Голядкину-старшему, менѣ всего ожидавшему подобнаго нападенія...

— Бумаги, Яковъ Петровичъ, бумаги... его превосходительство изволили спрашивать, готовы ль у васъ? защебеталъ вполголоса и скороговоркой пріятель господина Голядкина-старшаго: — Андрей Филипповичъ васъ ожидаетъ...

— Знаю и безъ васъ, что ожидаютъ, проговорилъ господинъ Голядкинъ-старшій тоже скороговоркой и шопотомъ.

— Нѣтъ, я, Яковъ Петровичъ, не то; я, Яковъ Петровичъ, совсѣмъ не то; я сочувствую, Яковъ Петровичъ, и подвигнуть душевнымъ участіемъ.

— Отъ котораго нижайше прошу васъ избавить меня. Позвольте, позвольте-съ...

— Вы, разумѣется, ихъ обернете оберточкой, Яковъ Петровичъ, а третью-то страничку вы заложите закладкой, позвольте, Яковъ Петровичъ...

— Да позвольте же вы, наконецъ...

— Но вѣдь здѣсь чернильное пятнышко, Яковъ Петровичъ, чернильное пятнышко; вы замѣтили ль чернильное пятнышко?..

Тутъ Андрей Филипповичъ второй разъ кликнулъ господина Голядкина.

— Сейчасъ, Андрей Филипповичъ; я вотъ только немножко, вотъ здѣсь... Милостивый государь, понимаете ли вы русскій языкъ?

— Лучше всего будетъ ножичкомъ снять, Яковъ Петровичъ; вы лучше на меня положитесь; вы лучше не трогайте сами, Яковъ Петровичъ, а на меня положитесь, и я же отчасти тутъ ножичкомъ...

Андрей Филипповичъ третій разъ кликнулъ господина Голядкина.

— Да помилуйте, гдѣ же тутъ пятнышко? Вѣдь, кажется, во все нѣту здѣсь пятнышка?

— И огромное пятнышко, вотъ оно! вотъ, позвольте, я здѣсь его видѣлъ; вотъ, позвольте... вы только позвольте мнѣ, Яковъ Петровичъ, вы только позвольте, я отчасти здѣсь ножичкомъ, я изъ участія, Яковъ Петровичъ, и ножичкомъ отъ чистаго сердца... вы только позвольте; вотъ такъ, вотъ и дѣло съ концомъ...

Тутъ, и совсѣмъ-неожиданно, господинъ Голядкинъ-младшій, вдругъ, ни съ того ни съ сего, осиливъ господина Голядкина-старшаго въ мгновенной борьбѣ, между ними возникшей, и во всякомъ случаѣ совершенно противъ воли его, овладѣлъ требуемой на-

чальствомъ бумагой, и, вмѣсто того, чтобъ поскоблить ее ножичкомъ отъ чистаго сердца, какъ вѣроломно увѣрялъ онъ господина Голядкина-старшаго, быстро свернулъ ее, сунулъ подъ мышку, въ два скачка очутился возлѣ Андрея Филипповича, незамѣтившаго ни одной изъ продѣлокъ его, и полетѣлъ съ нимъ въ директорскій кабинетъ. Господинъ Голядкинъ-старшій остался какъ-бы прикованнымъ къ мѣсту, держа въ рукахъ ножичекъ и какъ-будто приготовляясь что-то скоблить имъ...

Герой нашъ еще не совсѣмъ понималъ свое новое обстоятельство. Онъ еще не опомнился. Онъ почувствовалъ ударъ, но думалъ, что это что-нибудь такъ, а между-тѣмъ шепталъ про себя: "сейчасъ, Андрей Филипповичъ; я сейчасъ; я вотъ тотчасъ же буду готовъ..." Однако, черезъ мгновеніе онъ понялъ, хотя какъ-то смутно понялъ, хотя все еще думалъ, что это что-нибудь такъ, ничего... Въ страшной, неописанной тоскѣ сорвался онъ наконецъ съ мѣста и бросился прямо въ директорскій кабинетъ, моля, впрочемъ, небо дорогою, чтобъ это устроилось все какъ-нибудь къ лучшему и было бы такъ, ничего... Въ послѣдней комнатѣ передъ директорскимъ кабинетомъ, сбѣжался онъ прямо, носъ-съ-носомъ съ Андреемъ Филипповичемъ и съ однофамильцемъ своимъ. Оба они уже возвращались: господинъ Голядкинъ посторонился. Андрей Филипповичъ говорилъ улыбаясь и весело. Однофамилецъ господина Голядкина-старшаго тоже улыбался, юлилъ, семенялъ въ почтительномъ разстояніи отъ Андрея Филипповича, и что-то съ восхищеннымъ видомъ нашептывалъ ему на ушко, на что Андрей Филипповичъ самымъ благосклоннымъ образомъ кивалъ головою. Разомъ понялъ герой нашъ все положеніе дѣлъ. Дѣло въ томъ, что работа его (какъ онъ послѣ узналъ) почти превзошла ожиданія его превосходительства и поспѣла дѣйствительно къ сроку и во-время. Его превосходительство были крайне-довольны. Говорили даже, что его превосходительство сказали спасибо господину Голядкину-младшему, крѣпкое спасибо, сказали, что вспомнятъ при случаѣ и никакъ не забудутъ... Разумѣется, что первымъ дѣломъ господина Голядкина было протестовать, протестовать всѣми силами, до послѣдней возможности. Почти не помня себя и блѣдный, какъ смерть, бросился онъ къ Андрею Филипповичу. Но Андрей Филипповичъ, услышавъ, что дѣло господина Голядкина было частное дѣло, отказался слушать рѣшительно, замѣчая, что у него нѣтъ ни минуты свободной и для собственныхъ надобностей.

Сухость тона и рѣзкость отказа поразили господина Голядкина. "Это ничего, это кажется ничего", подумалъ онъ: "а вотъ лучше я какъ-нибудь съ другой стороны... вотъ я лучше къ Антону Антоновичу. Къ несчастію господина Голядкина, и Антона Антоновича не оказалось въ наличности: онъ тоже гдѣ-то былъ чѣмъ-то занятъ. "А вѣдь не безъ намѣренія просилъ уволить себя отъ объясненій и толковъ!" подумалъ герой нашъ. "Вотъ куда метилъ онъ — старая петля! Впрочемъ, и это также вѣдь все ничего. Въ такомъ случаѣ я просто дерзну умолять его превосходительство."

Все еще блѣдный и чувствуя въ совершенномъ разбродѣ всю свою голову, крѣпко недоумѣвая, на что именно нужно рѣшиться, присѣлъ господинъ Голядкинъ на стулъ. Существенность дѣла въ конецъ убивала господина Голядкина. "Гораздо было бы лучше, елибъ все это было лишь такъ только" думалъ онъ про себя. "Дѣйствительно, подобное темное дѣло было даже невѣроятно совсѣмъ. Это, во-первыхъ, и вздоръ, а во-вторыхъ, и случиться не можетъ. Это, вѣроятно, какъ-нибудь тамъ померещилось, или вышло что-нибудь другое, а не то, что дѣйствительно было; или вѣрно это я самъ ходилъ... и себя какъ-нибудь тамъ принялъ совсѣмъ за другаго... однимъ словомъ, это совершенно-невозможное дѣло."

Только-что господинъ Голядкинъ рѣшилъ, что это совсѣмъ-невозможное дѣло, какъ вдругъ въ комнату влетѣлъ господинъ Голядкинъ-младшій съ бумагами въ обѣихъ рукахъ и подъ мышкой. Сказавъ мимоходомъ какія-то нужныя два слова Андрею Филипповичу, перемолвивъ и еще кое-съ-къмъ, полюбезничавъ кое-съ-къмъ, пофамиллярничавъ кое-съ-къмъ, господинъ Голядкинъ-младшій, по-видимому неимѣвшій лишняго времени на бесполезную трату, собирался уже, кажется, выйти изъ комнаты, но, къ счастію господина Голядкина-старшаго, остановился въ самыхъ дверяхъ и заговорилъ мимоходомъ съ двумя или тремя случившимися тутъ же молодыми чиновниками. Господинъ Голядкинъ-старшій бросился прямо къ нему. Только-что увидѣлъ господинъ Голядкинъ-младшій маневръ господина Голядкина-старшаго, тотчасъ же началъ съ большимъ беспокойствомъ осматриваться, куда бы ему поскорѣй улизнуть. Но герой нашъ уже держался за рукава своего вчерашняго гостя. Чиновники, окружавшіе двухъ титулярныхъ совѣтниковъ, разступились и съ любопытствомъ ожидали, что будетъ. Старый титулярный совѣтникъ понималъ хорошо, что доброе мнѣніе теперь не на его сторонѣ, понималъ хорошо, что подъ него интригуютъ: тѣмъ

болѣе нужно было теперь поддержать себя. Минута была рѣшительная.

— Ну-съ? проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, довольно-дерзко смотря на господина Голядкина-старшаго.

Господинъ Голядкинъ-старшій едва дышалъ. — Я не знаю, милостивый государь, началъ онъ: — какимъ-образомъ вамъ теперь объяснить странность вашего поведенія со мною.

— Ну-съ. Продолжайте-съ. — Тутъ господинъ Голядкинъ-младшій оглянулся кругомъ и мигнулъ глазомъ окружавшимъ ихъ чиновникамъ, какъ-бы давая знать, что вотъ именно сейчасъ и начнется комедія.

— Дерзость и безстыдство вашихъ пріемовъ, милостивый государь мой, со мною, въ настоящемъ случаѣ, еще болѣе васъ обличаютъ... чѣмъ всѣ слова мои. Не надѣйтесь на вашу игру: она плоховата...

— Ну, Яковъ Петровичъ, теперь скажите-ка мнѣ, каково-то вы почивали? отвѣчалъ господинъ Голядкинъ-младшій, прямо смотря въ глаза господину Голядкину-старшему.

— Вы, милостивый государь, забываетесь, сказалъ совершенно-потерявшійся титулярный совѣтникъ, едва слыша полъ подъ собою: — я надѣюсь, что вы перемѣните тонъ...

— Душка моя!! проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, скорчивъ довольно-неблагопрстойную гримасу господину Голядкину-старшему и вдругъ совсѣмъ-неожиданно, подъ видомъ ласкательства, ухватилъ его двумя пальцами за довольно-пухлую правую щеку. Герой нашъ вспыхнулъ, какъ огонь... Только-что пріятель господина Голядкина-старшаго примѣтилъ, что противникъ его, трясясь всѣми членами, нѣмой отъ изступленія, красный, какъ ракъ, и наконецъ доведенный до послѣднихъ границъ, можетъ даже рѣшиться на формальное нападеніе, то немедленно и самымъ безстыднымъ образомъ предупредилъ его въ свою очередь. Потрепавъ его еще раза два по щекѣ, пощекотавъ его еще раза два, поигравъ съ нимъ, неподвижнымъ и обезумѣвшимъ отъ бѣшенства, еще нѣсколько секундъ такимъ-образомъ, къ немалой утѣхѣ окружающей ихъ молодежи, господинъ Голядкинъ-младшій съ возмущающимъ душу безстыдствомъ щелкнулъ окончательно господина Голядкина-старшаго по крутому брюшку и съ самой ядовитой и далеко-намекающей улыбкой проговорилъ ему: "дескать, шалишь, братецъ, Яковъ Петровичъ; шалишь! хитрить мы будемъ съ тобой, Яковъ Петровичъ, хитрить". Потомъ, и прежде, чѣмъ герой нашъ

успѣлъ мало-мальски прійдти въ себя отъ послѣдней атаки, господинъ Голядкинъ-младшій вдругъ (предварительно отпустивъ только улыбочку окружавшимъ ихъ зрителямъ) вдругъ принялъ на себя видъ самый занятой, самый дѣловой, самый форменный, опустилъ глаза въ землю, съежился, сжался, и быстро проговоривъ "по особому порученію", лягнулъ своей коротенькой ножкой и шмыгнулъ въ сосѣдную комнату. Герой нашъ не вѣрилъ глазамъ и все еще былъ не въ состояніи опомниться...

Наконецъ онъ опомнился. Сознавъ въ одинъ мигъ, что погибъ, уничтожился въ нѣкоторомъ смыслѣ, что замаралъ себя и запачкалъ свою репутацію, что осмѣянъ и оплеванъ въ присутствіи постороннихъ лицъ, что предательски поруганъ тѣмъ, кого еще вчера считалъ первѣйшимъ и надежнѣйшимъ другомъ своимъ, что срѣзлся наконецъ на-чемъ-свѣтъ-стоитъ, господинъ Голядкинъ бросился въ погоню за своимъ непріателемъ. Въ настоящее мгновеніе онъ уже и думать не хотѣлъ о свидѣтеляхъ своего поруганія. "Это все въ стачкѣ другъ съ другомъ", говорилъ онъ самъ про себя: "одинъ за другаго стоитъ и одинъ другаго на меня натравляетъ." Однакожь, сдѣлавъ десять шаговъ, герой нашъ ясно увидѣлъ, что всѣ преслѣдованія остались пустыми и тщетными, и потому воротился. "Не уйдешь", думалъ онъ: "попадешь подъ сюркупъ своевременно, отольются волку овечьи слезы." Съ яростнымъ хладнокровіемъ и съ самою энергическою рѣшимостью дошелъ господинъ Голядкинъ до своего стула и усѣлся на немъ. "Не уйдешь!" сказалъ онъ опять. Теперъ дѣло шло не о пассивной оборонѣ какой-нибудь: пахнуло рѣшительнымъ, наступательнымъ, и кто видѣлъ господина Голядкина въ ту минуту, какъ онъ, краснѣя и едва сдерживая волненіе свое, кольнулъ перомъ въ чернильницу, и съ какой яростью принялся строчить на бумагѣ, тотъ могъ уже заранѣе рѣшить, что дѣло такъ не пройдетъ, и простымъ, какимъ-нибудь бабьимъ образомъ не можетъ окончиться. Въ глубинѣ души своей сложилъ онъ одно рѣшеніе и въ глубинѣ сердца своего поклялся исполнить его. По правдѣ-то, онъ еще не совсѣмъ-хорошо зналъ, какъ ему поступить, т. е. лучше сказать, вовсе не зналъ; но все равно, ничего! "А самозванствомъ и безстыдствомъ, милостивый государь, въ нашъ вѣкъ не берутъ. Самозванство и безстыдство, милостивый мой государь, не къ добру приводятъ, а до петли доводятъ. Гришка Отрепьевъ только одинъ, сударь вы мой, взялъ самозванствомъ, обманувъ слѣпой народъ, да и то не надолго". Не смотря на это послѣднее обстоятельство, господинъ Голядкинъ положилъ

ждать до-тѣхъ-поръ, пока мѣсть маска спадетъ съ нѣкоторыхъ лицъ и кое-что обнажится. Для сего нужно было, во-первыхъ, чтобъ кончились какъ-можно-скорѣе часы присутствія, а до-тѣхъ-поръ герой нашъ положилъ не предпринимать ничего. Потомъ же, когда кончатся часы присутствія, онъ прійметъ мѣру одну. Тогда же онъ знаетъ, какъ ему поступить, принявъ эту мѣру, какъ расположить весь планъ своихъ дѣйствій, чтобъ сокрушить рогъ гордыни и раздавить змѣю, грызущую прахъ въ презрѣннѣи безсилія. Позволить же затереть себя, какъ ветошку, объ которую грязные сапоги обтираютъ, господинъ Голядкинъ не могъ. Согласиться на это не могъ онъ, и особенно въ настоящемъ случаѣ. Не будь послѣдняго посрамленія, герой нашъ, можетъ-быть, и рѣшился бы скрѣпить свое сердце, можетъ-быть онъ и рѣшился бы смолчать, покориться и не протестовать слишкомъ-упорно; такъ, поспорилъ бы, попретендовалъ бы немножко, доказалъ бы, что онъ въ своемъ правѣ, потомъ бы уступилъ немножко, потомъ, можетъ-быть, и еще немножко бы уступилъ, потомъ согласился бы совсѣмъ, потомъ, и особенно тогда, когда противная сторона признала бы торжественно, что онъ въ своемъ правѣ, потомъ, можетъ-быть, и помирился бы даже, даже умилился бы немножко, даже, — кто бы могъ знать, — можетъ-быть возродилась бы новая дружба, крѣпкая, жаркая дружба, еще болѣе широкая, чѣмъ вчерашняя дружба, такъ-что эта дружба совершенно могла бы затмить наконецъ непріятность довольно-неблагопристойнаго сходства двухъ лицъ, та, что оба титулярные совѣтника были бы крайне-какъ рады, и прожили бы наконецъ до ста лѣтъ, и т. д. Скажемъ все, наконецъ: господинъ Голядкинъ даже начиналъ немного раскаяваться, даже сильно раскаяваться, что вступился за себя и за право свое, и тутъ же получилъ за то непріятность. "Покорись онъ", думалъ господинъ Голядкинъ: "скажи, что пошутилъ, простилъ бы ему, даже болѣе простилъ бы ему, только бы въ этомъ громко признался. Но какъ ветошку себя затирать я не дамъ. И не такимъ людямъ не давалъ я себя затереть, тѣмъ болѣе не позволю покуситься на это человѣку развращенному. Я не ветошка; я, сударь мой, не ветошка!" Однимъ словомъ, герой нашъ рѣшился. "Сами вы, сударь вы мой, виноваты!" Рѣшился же онъ протестовать, и протестовать всѣми силами до послѣдней возможности. Такой ужъ былъ человѣкъ! Позволить обидѣть себя онъ никакъ не могъ согласиться, а тѣмъ болѣе дозволить себя затереть какъ ветошку, и наконецъ дозволить это совсѣмъ-развращенному человѣку. Не споримъ, впрочемъ, не споримъ. Можетъ-быть, еслибъ

кто захотѣлъ, еслибъ ужъ кому, напимѣръ, вотъ такъ, непремѣнно захотѣлось обратить въ ветошку господина Голядкина, то и обратилъ бы, обратилъ бы безъ сопротивленія и безнаказанно (господинъ Голядкинъ, самъ въ иной разъ это чувствовалъ), и вышла бы ветошка, а не Голядкинъ, — такъ, подлая, грязная бы вышла ветошка, но ветошка-то эта была бы не простая, ветошка эта была бы съ амбиціей, ветошка-то эта была бы съ одушевленіемъ и чувствами, хотя бы и съ безотвѣтной амбиціей и съ безотвѣтными чувствами и далеко въ грязныхъ складкахъ этой ветошки скрытыми, но все-таки съ чувствами...

Часы длились невѣроятно-долго; наконецъ пробило четыре. Спустия немного, всѣ встали, и вслѣдъ за начальствомъ двинулись къ себѣ, по домамъ. Господинъ Голядкинъ вмѣшался въ толпу; глазъ его не дремалъ и не упускалъ, кого нужно, изъ виду. Наконецъ нашъ герой увидалъ, что пріятель его подбѣжалъ къ канцелярскимъ сторожамъ, раздававшимъ шинели, и, по подлому обыкновенію своему, юлитъ около нихъ въ ожиданіи своей. Минута была рѣшительная. Кое-какъ протѣснился господинъ Голядкинъ сквозь толпу и, не желая отставать, тоже захопоталъ о шинели. Но шинель подалась сперва пріятелю и другу господина Голядкина, за тѣмъ, что и здѣсь успѣлъ онъ по-своему подбитися, приласкаться, нашептать и наподличать.

Накинувъ шинель, господинъ Голядкинъ-младшій, иронически взглянувъ на господина Голядкина-старшаго, дѣйствуя такимъ образомъ открыто и дерзко ему въ пику, потомъ съ свойственною ему наглостью осмотрѣлся кругомъ, посеменялъ окончательно, вѣроятно, чтобъ оставить выгодное по себѣ впечатлѣніе, около чиновниковъ, сказалъ словцо одному, пошептался о чемъ-то съ другимъ, почтительно полизался съ третьимъ, адресовалъ улыбку четвертому, далъ руку пятому, и весело юркнулъ внизъ по лѣстницѣ. Господинъ Голядкинъ-старшій за нимъ, и, къ неопisanному своему удовольствію, таки нагналъ его на послѣдней ступенькѣ, и схватилъ за воротникъ его шинели. Казалось, что господинъ Голядкинъ-младшій немного оторопѣлъ и посмотрѣлъ кругомъ съ потеряннымъ видомъ.

— Какъ понимать мнѣ васъ? прошепталъ онъ наконецъ слабымъ голосомъ господину Голядкину.

— Милостивый государь, если вы только благородный человѣкъ, то надѣюсь, что вспомните про вчерашнія дружескія наши сношенія, проговорилъ нашъ герой.

— А, да. Ну, что жь? хорошо ли вы почивали-сь?

Бѣшенство отняло на минуту языкъ у господина Голядкина-старшаго.

— Я-то почивалъ хорошо-сь... Но позвольте же и вамъ сказать, милостивый мой государь, что игра ваша крайне запутана...

— Кто это говоритъ? Это враги мои говорятъ, отвѣчалъ отрывисто тотъ, кто называлъ себя господиномъ Голядкинымъ, и вмѣстѣ съ словомъ этимъ неожиданно освободился изъ слабыхъ рукъ настоящаго господина Голядкина. Освободившись, онъ бросился съ лѣстницы, оглянулся кругомъ, увидѣвъ извощика, подбѣжалъ къ нему, сѣлъ на дрожки и въ одно мгновеніе скрылся изъ глазъ господина Голядкина-старшаго. Отчаянный и покинутый всѣми титулярный совѣтникъ оглянулся кругомъ, но не было другаго извощика. Попробовалъ-было онъ бѣжать, да ноги подламывались. Съ опрокинутой фізіономіей, съ разинутымъ ртомъ, уничтожившись, съездившись, въ безсиліи прислонился онъ къ фонарному столбу и остался нѣсколько минутъ такимъ-образомъ посреди троттуара. Казалось, что все разомъ опрокинулось на господина Голядкина; казалось, что все погибло для господина Голядкина...

ГЛАВА IX.

Рѣшеніе господина Голядкина. Разныя разсужденія господина Голядкина, преимущественно же о близнецахъ и о разныхъ на свѣтѣ существующихъ подлецахъ. Какимъ-образомъ господинъ Голядкинъ съѣдаетъ одиннадцать пирожковъ-растегайчиковъ и не находитъ въ этомъ обстоятельстве ничего оскорбительнаго для своей репутаціи. Письмо господина Голядкина къ извѣстному своимъ безобразіемъ и пасквильностію своего направленія человеку. О томъ, какъ потомъ господинъ Голядкинъ бѣгалъ, усталъ и легъ спать. Какъ проснулся потомъ и доказалъ Петрушкѣ, что онъ плутъ въ благородномъ значеніи этого слова. Переписка и окончательное рѣшеніе господина Голядкина.

Все, по-видимому, и даже природа сама вооружилась противъ господина Голядкина; но онъ еще былъ на ногахъ и не побѣжденъ; онъ это чувствовалъ, что не побѣжденъ. Онъ готовъ былъ бороться. Онъ съ такимъ чувствомъ и съ такою энергіей потерялъ себѣ руки, когда очнулся послѣ перваго изумленія, что уже по одному виду господина Голядкина заключить можно было, что онъ не уступитъ, что онъ никакъ не уступитъ, что "если дескать, сударь мой, не хотите на деликатную ногу, то мы и за крутыя мѣры возьмемся. Что, дескать, вотъ какъ-съ, что, дескать, вотъ оно какъ-съ, милостивый мой государь!" Господинъ Голядкинъ чувствовалъ даже, что обязанность его была возстать всѣми силами противъ угрожавшаго бѣдствія, сломить рогъ гордыни, и посрамить неблагопристойную злонамѣренность. Впрочемъ, опасность была на носу, была очевидна; господинъ Голядкинъ и это чувствовалъ; да какъ за нее взяться, за эту опасность-то? вотъ вопросъ. Даже на мгновеніе мелькнула мысль въ головѣ господина Голядкина, "что, дескать, не оставитъ ли все это такъ, не отступится ли запросто? Ну, что жь? ну, и ничего. Я буду особо, какъ-будто не я" думалъ г. Голядкинъ: "пропускаю все мимо; не я да и только; онъ тоже особо, авось и отступится; поюлитъ, шельмецъ, поюлитъ, повертится, да и отступится. Вотъ оно какъ! Я смиреніемъ возьму. Да и гдѣ же опасность? ну, какая опасность? Желалъ бы я, чтобъ кто-нибудь указалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ опасность? Плевое дѣло! обыкновенное дѣло!.." Здѣсь господинъ Голядкинъ осѣкся. Слова у него на языкѣ замерли; онъ даже ругнулъ себя за эту мысль; даже тутъ же и уличилъ себя въ низости, въ трусости за эту мысль; однако, дѣло его все-таки не двинулось съ мѣста. Чувствовалъ онъ, что рѣшиться на что-нибудь въ

настоящую минуту было для него сущою необходимостью; даже чувствовалъ, что много бы далъ тому, кто сказалъ бы ему, на что именно нужно рѣшиться. Ну, да вѣдь какъ угадать? Впрочемъ, и некогда было угадывать. Зналъ онъ только, что такъ оставаться нельзя, никакъ нельзя, непременно нельзя, никакимъ образомъ невозможно, что непременно нужно что-нибудь сдѣлать. На всякій случай, чтобъ времени не терять, чтобъ дорогаго-то времени своего не терять, нанялъ онъ извозчика и полетѣлъ домой. "Нѣтъ, братъ" подумалъ онъ самъ въ себѣ: "теперь, братъ, не цвѣточки, а ягоды. Что? каково-то ты теперь себя чувствуешь? Каково-то вы себя теперь изволите чувствовать, Яковъ Петровичъ? Что-то ты сдѣлаешь? что-то сдѣлаешь ты теперь, подлець ты такой, шельмецъ ты такой! Довелъ себя до послѣдняго, да и плачешь теперь, да и хнычешь теперь!" Такъ поддразнивалъ себя господинъ Голядкинъ, подпрыгивая на тряскомъ экипажѣ своего ваньки. Поддразнивать себя и растравлять такимъ-образомъ свои раны, въ настоящую минуту, было какимъ-то глубокимъ наслажденіемъ для господина Голядкина, даже чуть-ли не сладострастіемъ. "Ну, еслибъ тамъ, теперь" думалъ онъ: "волшебникъ какой бы пришелъ, или оффиціальнымъ образомъ какъ-нибудь этакъ пришлось, да сказали бы: дай, Голядкинъ, палець съ правой руки и квиты съ тобой; не будетъ другаго Голядкина, и ты будешь счастливъ, Голядкинъ, только пальца не будетъ, — такъ отдалъ бы палець, непременно бы отдалъ, не поморщась бы отдалъ. Черти бы взяли все это!" вскрикнулъ наконецъ отчаянный титулярный совѣтникъ: "ну, зачѣмъ все это? ну, надобно было всему этому быть; вотъ непременно этому, вотъ именно этому, какъ-будто нельзя было другому чему! И все было хорошо сначала, всѣ были довольны и счастливы; такъ вотъ нѣтъ же, надобно было! Впрочемъ, вѣдь словами ничего не возьмешь. Нужно дѣйствовать" заключилъ онъ, подымаясь на лѣстницу своей квартиры: "нужно дѣйствовать, и, чтобъ все сказать наконецъ, нужно сильнѣе, беспощаднѣе дѣйствовать этакъ прямымъ, открытымъ, благороднымъ путемъ..."

Итакъ, почти рѣшившись на что-то, господинъ Голядкинъ, войдя въ свою квартиру, нимало немедля схватился за трубку и насасывая ее изъ всѣхъ силъ, раскидывая клочья дыма на право и на лѣво, началъ въ чрезвычайномъ волненіи бѣгать назадъ и впередъ по комнатѣ. Между-тѣмъ, Петрушка сталъ собирать на столъ. Наконецъ, господинъ Голядкинъ рѣшился совсѣмъ, вдругъ бросилъ трубку, накинулъ на себя шинель, сказалъ, что дома обѣдать не бу-

детъ, и выбѣжалъ вонъ изъ квартиры. На лѣстницѣ нагналъ его запыхавшись Петрушка, держа въ рукахъ забытую имъ шляпу. Господинъ Голядкинъ взялъ шляпу, хотѣлъ-было мимоходомъ маленько оправдаться въ глазахъ Петрушки, чтобъ не подумалъ чего Петрушка особеннаго, — что вотъ, дескать, такое-то обстоятельство, что вотъ шляпу позабылъ и т. д., — но такъ-какъ Петрушка и глядѣтъ не хотѣлъ, и тотчасъ ушелъ, то и господинъ Голядкинъ безъ дальнѣйшихъ объясненій надѣлъ свою шляпу, сбѣжалъ съ лѣстницы, и, приговаривая, что все, можетъ-быть, къ лучшему будетъ, и что дѣло устроится какъ-нибудь, хотя чувствовалъ, между прочимъ, даже у себя въ пяткахъ ознобъ, вышелъ на улицу, нанялъ извозчика и полетѣлъ къ Андрею Филипповичу. "Впрочемъ, не лучше-ли завтра?" думалъ господинъ Голядкинъ, хватаясь за снурокъ колокольчика у дверей квартиры Андрея Филипповича: "не лучше-ли завтра? Да и что же я скажу особеннаго? Особеннаго-то здѣсь нѣтъ ничего. Дѣло-то такое мизерное, да оно, наконецъ, и дѣйствительно, мизерное, плевое, т. е. почти-плевое дѣло... вѣдь вотъ оно какъ это все, обстоятельство-то..." Вдругъ господинъ Голядкинъ дернулъ за колокольчикъ, колокольчикъ зазвенѣлъ, изнутри слышались чьи-то шаги... Тутъ господинъ Голядкинъ даже проклялъ себя отчасти за свою поспѣшность и дерзость. Недавнія непріятности, о которыхъ господинъ Голядкинъ едва не позабылъ за дѣлами, и контра съ Андреемъ Филипповичемъ — тутъ же пришли ему на память. Но уже бѣжать было поздно: дверь отворилась. Къ счастью господина Голядкина, отвѣтили ему, что Андрей Филипповичъ и домой не пріезжалъ изъ должности и не обѣдаетъ дома. "Знаю, гдѣ онъ обѣдаетъ: онъ у Измайловскаго-Моста обѣдаетъ" подумалъ герой нашъ и страхъ-какъ обрадовался. На вопросъ слуги, какъ объ васъ доложить, сказалъ, что-дескать я, мой другъ, хорошо, что, дескать, я, мой другъ, послѣ, и даже съ нѣкоторою бодростью сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. Выйдя на улицу, онъ рѣшился отпустить экипажъ и расплатился съ извозникомъ. Когда же извозникъ попросилъ о прибавкѣ, — дескать, ждалъ, сударь, долго, и рысачка для вашей милости не жалѣлъ, — то далъ и прибавочки пяточокъ, и даже съ большою охотою; самъ же пѣшкомъ пошелъ.

— Дѣло-то оно, правда, такое, думалъ господинъ Голядкинъ: — что вѣдь такъ оставить нельзя, никакъ нельзя, — рѣшено, что нельзя, и говорить объ этомъ болѣе нечего, но, однакожь, если такъ разсудить, этакъ здраво разсудить, такъ изъ чего же по настоящему

здѣсь хлопотать? Ну, нѣтъ, однакожь, я буду все про то говорить, изъ чего же мнѣ хлопотать? изъ чего мнѣ маяться, биться, мучиться, себя убивать? Во-первыхъ, дѣло сдѣлано, и его не воротишь... вѣдь не воротишь! Разсудимъ такъ: является человѣкъ — является человѣкъ съ достаточной рекомендаціей, дескать способный чиновникъ, хорошаго поведенія, только бѣденъ, и потерпѣлъ разныя непріятности, — передразги тамъ этакіе, — ну, да вѣдь бѣдность не порокъ; стало-быть, я въ сторонѣ. Ну, въ-самомъ-дѣлѣ, что жъ за вздоръ такой? Ну, пришелся, устроился, самой природой устроился такъ человѣкъ, что двѣ капли воды похожъ на другаго человѣка, что совершенная копія съ другаго человѣка: такъ ужъ его за это и не принимать въ департаментъ?! Коли ужъ судьба, коли одна судьба, коли одна слѣпая фортуна тутъ виновата, — такъ ужъ его и затереть какъ ветошку, такъ ужъ и служить ему не давать... да гдѣ же тутъ, послѣ этого, справедливость-то будетъ? Что жъ я-то вру дуракъ-дуракомъ! Изъ чего же я бьюсь, чего же я-то хочу? Человѣкъ же онъ бѣдный, затерянный, запуганный; тутъ сердце болитъ, тутъ состраданіе его призрѣть велить! Да! нечего сказать, хороши бы были начальники, еслибъ такъ разсуждали, какъ я, забубенная голова! Эка вѣдь башка у меня! На десятерыхъ подь-часъ глупости хватить! Нѣтъ, нѣтъ! и сдѣлали хорошо, и спасибо имъ, что призрѣли бѣднаго горемыку... Ну, да, положимъ, на-примѣръ, что мы близнецы, что вотъ ужъ мы такъ уродились, что братья-близнецы да и только — вотъ оно какъ! Ну, что же такое? Ну, и ничего! Можно всѣхъ чиновниковъ пріучить... а посторонній кто, войдя въ наше вѣдомство, ужъ вѣрно не нашель бы ничего неприличнаго и оскорбительнаго въ такомъ обстоятельствѣ. Оно даже, тутъ есть кое-что умиленное; что вотъ, дескать, мысль-то какая: что, дескать, промыслъ Божій создалъ двухъ совершенно-подобныхъ, а начальство благодѣтельное, видя промыслъ Божій, пріютило двухъ близнецовъ. Оно, конечно, — продолжалъ господинъ Голядкинъ, переводя духъ и немного понизивъ голосъ: — оно, конечно... оно, конечно, лучше бы было, кабы не было ничего этого, кабы все такъ и оставалось по-прежнему, и не было бы ничего умиленного, и близнецовъ никакихъ тоже бы не было... Чортъ бы побралъ все это! И на что это нужно было? И что за надобность тутъ была такая особенная, и никакого отлагательства нетерпящая?! Господи Богъ мой! Впрочемъ, вѣдь, однакожь, не предосудительно? вѣдь не предосудительно? чести вѣдь ничьей не мараешь? Ну, такъ и ничего; ну, такъ и все хорошо; ну, такъ и все тутъ по-прежнему, и всѣ тутъ

молчать должны... и тѣмъ удовольствоваться... и ничего не должны говорить... и никакъ не должны прекословить... Экъ-вѣдь черти заварили кашу какую! Вотъ, вѣдь, однакожь, у него и характеръ такой, нрава онъ такого игриваго, сквернаго, — подлець онъ такой, вертлявый такой, лизунъ, лизоблюдь, Голядкинъ онъ этакой! Пожалуй, еще дурно себя поведетъ, да фамилью мою замараеть, мерзавецъ. Вотъ теперъ и смотри за нимъ, и ухаживай! Экъ вѣдь наказаніе какое! Впрочемъ, что жъ? ну, и нужды нѣтъ! Ну, онъ подлець, — ну, пусть онъ подлець, а другой зато честный. Ну, вотъ онъ подлець будетъ, а я буду честный, — и скажутъ, что вотъ этотъ Голядкинъ подлець, на него не смотрите, и его съ другимъ не мѣшайте; а этотъ вотъ честный, добродѣтельный, кроткій, незлобивый, весьма-надежный по службѣ, и къ повышенію чиномъ достойный; вотъ оно какъ! Ну, хорошо... а какъ того... А какъ они тамъ того... да и перемѣшаютъ! Отъ него вѣдь все станется! Ахъ, ты Господи Боже мой!.. И подмѣнить человѣка, подмѣнить, подлець онъ такой, — какъ ветошку человѣка подмѣнить, и не разсудить, что человѣкъ не ветошка. Ахъ, ты Господи Боже мой! Эко несчастье какое!..

Вотъ такимъ-то образомъ разсуждая и сѣтуя, бѣжалъ господинъ Голядкинъ не разбирая дороги, и самъ почти не зная куда. Очнулся онъ на Невскомъ-Проспектѣ, и то по тому только случаю, что столкнулся съ какимъ-то прохожимъ такъ ловко и плотно, что только искры посыпались. Господинъ Голядкинъ, не поднимая головы, пробормоталъ извиненіе, и только тогда, когда прохожій, проворчавъ что-то не слишкомъ-лестное, отошелъ уже на разстояніе значительное, поднялъ носъ кверху и осмотрѣлся, гдѣ онъ и какъ. Осмотрѣвшись и замѣтивъ, что находится именно возлѣ того ресторана, у котораго отдыхалъ, приготавлиаясь къ званому обѣду у Олсуфія Ивановича, герой нашъ почувствовалъ вдругъ щипки и щелчки по желудку, вспомнилъ, что не обѣдалъ, званаго же обѣда не предстояло нигдѣ, и потому, дорогаго своего времени не теряя, вбѣжалъ онъ вверхъ по лѣстницѣ къ ресторану, перехватить что-нибудь поскорѣе, и какъ-можно торопясь не замѣшкать. И хотя у ресторана было все дорогонько, но это маленькое обстоятельство не остановило на этотъ разъ господина Голядкина; да и останавливаться-то теперъ на подобныхъ бездѣлицахъ некогда было. Въ ярко-освѣщенной комнатѣ, у прилавка, на которомъ лежала разнообразная груда всего того, что потребляется на закуску людьми порядочными, стояла довольно-густая толпа посѣтителей. Кон-

торщикъ едва успѣвалъ наливать, отпускать, сдавать и принимать деньги. Господинъ Голядкинъ подождалъ своей очереди и, выждавъ, скромно протянулъ свою руку къ пирожку-растегайчику. Отойдя въ уголокъ, оборотясь спиною къ присутствующимъ, и закусивъ съ аппетитомъ, онъ воротился къ конторщику, поставилъ на столъ блюдечко, зная цѣну, вынулъ 10 коп. сереб. и положилъ на прилавокъ монетку, ловя взгляда конторщика, чтобъ указать ему: "что вотъ, дескать, монетка лежитъ; одинъ растегайчикъ" и т. д.

— Съ васъ рубль десять копеекъ, процѣдилъ сквозь зубы конторщикъ.

Господинъ Голядкинъ порядочно изумился.

— Вы мнѣ говорите?.. Я... я, кажется, взялъ одинъ пирожокъ.

— Одиннадцать взяли, съ увѣренностью возразилъ конторщикъ.

— Вы... сколько мнѣ кажется... вы, кажется, ошибаетесь... Я, право, кажется, взялъ одинъ пирожокъ.

— Я считалъ; вы взяли одиннадцать штукъ. Когда взяли, такъ нужно платить; у насъ даромъ ничего не даютъ.

Господинъ Голядкинъ былъ ошеломленъ. — Что жъ это, колдовство что ль какое надо мной совершается? подумалъ онъ. — Что жъ это значить такое?.. Между-тѣмъ, конторщикъ ожидалъ рѣшенія господина Голядкина; господина Голядкина обступили; господинъ Голядкинъ уже полѣзъ-было въ карманъ, чтобъ вынуть рубль серебромъ, чтобъ расплатиться немедленно, чтобъ отъ грѣхато подальше быть. "Ну, одиннадцать, такъ одиннадцать", думалъ онъ, краснѣя какъ ракъ: "ну, что же такого тутъ, что съѣдено одиннадцать пирожковъ? ну, голоденъ человѣкъ, такъ и съѣлъ одиннадцать пирожковъ; ну, и пусть ѣсть-себѣ на здоровье; ну, и дивиться тутъ нечему, и смѣяться тутъ нечему..." Вдругъ, какъ-будто что-то кольнуло господина Голядкина; онъ поднялъ глаза и — разомъ понялъ загадку, понялъ все колдовство; разомъ разрѣшились всѣ затрудненія... Въ дверяхъ въ сосѣдную комнату, почти прямо за спиною конторщика и лицомъ къ господину Голядкину, въ дверяхъ, которыя, между прочимъ, герой нашъ принималъ доселѣ за зеркало, стоялъ одинъ человѣчекъ, — стоялъ онъ, стоялъ самъ господинъ Голядкинъ, — не старый господинъ Голядкинъ, не герой нашей повѣсти, а другой господинъ Голядкинъ, новый господинъ Голядкинъ. Другой господинъ Голядкинъ находился, повидимому, въ превосходномъ расположеніи духа. Онъ улыбался господину Голядкину-первому, кивалъ ему головою, подмигивалъ глаз-

ками, семенилъ немного ногами, и глядѣлъ такъ, что чуть что, — такъ онъ и стушуется, такъ онъ и въ сосѣдную комнату, а тамъ, пожалуй, заднимъ ходомъ, да и того... и всѣ преслѣдованія останутся тщетными, — дескать, отложи-ка попеченіе, сударь мой, да и только. Въ рукахъ его былъ послѣдній кусокъ десятаго растегая, который онъ, въ глазахъ же господина Голядкина, отправилъ въ свой ротъ, чмокнувъ отъ удовольствія, и чуть не проговаривая, что, дескать, хороши на чужой счетъ растегайчики! "Подмѣнилъ, подлецъ!" подумалъ господинъ Голядкинъ, вспыхнувъ, какъ огонь, отъ стыда: "не постыдился публичности! Видятъ ли его? Кажется, не замѣчаетъ никто..." Господинъ Голядкинъ бросилъ рубль серебромъ такъ, какъ-будто бы объ него всѣ пальцы обжегъ, и, не замѣчая значительно-наглой улыбки конторщика, улыбки торжества и спокойнаго могущества, выдрался изъ толпы и бросился вонъ безъ оглядки. "Спасибо за то, что хоть не компрометтировалъ окончательно человѣка!" подумалъ старшій господинъ Голядкинъ. "Спасибо разбойнику, и ему и судьбѣ, что еще хорошо все уладилось. Нагрубилъ лишь конторщикъ. Да что жъ, вѣдь онъ былъ въ своемъ правѣ! Рубль десять слѣдовало, такъ и былъ въ своемъ правѣ. А то бы можно было его и того... Дескать, безъ денегъ у насъ никому не даютъ! Хоть бы былъ поучтивѣй, бездѣльникъ!..."

Все это говорилъ господинъ Голядкинъ, сходя съ лѣстницы на крыльцо. Однакоже, на послѣдней ступенькѣ онъ остановился какъ вкопанный и вдругъ покраснѣлъ такъ, что даже слезы выступили у него на глазахъ отъ припадка страданія амбиціи. Простоявъ съ полминуты столбомъ, онъ вдругъ рѣшительно топнулъ ногою, въ одинъ прыжокъ соскочилъ съ крыльца на улицу, и, безъ оглядки, задыхаясь, не слыша усталости, пустился къ себѣ, домой, въ Шестилавочную-Улицу. Дома, не снявъ даже съ себя верхняго платья, вопреки привычкѣ своей быть у себя по-домашнему, не взявъ даже предварительно трубки, усѣлся онъ немедленно на диванѣ, придвинулъ чернильницу, взялъ перо, досталъ листъ почтовой бумаги и принялся строчить дрожащею отъ внутренняго волненія рукой слѣдующее посланіе:

"Милостивый государь мой,
Яковъ Петровичъ!

Никакъ бы не взялъ я пера, если бы обстоятельства мои, и вы сами, милостивый государь мой, меня къ тому не принудили. Вѣрьте, что необходимость одна понудила меня вступить съ вами въ

подобное объяснение, и потому прежде всего прошу считать эту мѣру мою не какъ умышленнымъ намѣреніемъ къ вашему, милостивый государь мой, оскорбленію, но какъ необходимымъ слѣдствіемъ связующихъ насъ теперь обстоятельствъ."

— Кажется, хорошо, прилично, вѣжливо, хотя не безъ силы и твердости?.. Обижаться ему тутъ, кажется, нечѣмъ. Къ тому же, я въ своемъ правѣ — подумалъ господинъ Голядкинъ, перечитывая написанное.

"Неожиданное и странное появленіе ваше, милостивый государь мой, въ бурную ночь, послѣ грубаго и неприличнаго со мною поступка враговъ моихъ, коихъ имя умалчиваю изъ презрѣнія къ нимъ, было зародышемъ всѣхъ недоразумѣній, въ настоящее время между нами существующихъ. Упорное же ваше, милостивый государь, желаніе стоять на своемъ и насильственно войти въ кругъ моего бытія и всѣхъ отношеній моихъ въ практической жизни, выступаетъ даже за предѣлы, требуемые одною лишь вѣжливостью и простымъ общежитіемъ. Я думаю, нечего упоминать здѣсь о похищеніи вами, милостивый государь мой, бумаги моей и собственнаго моего честнаго имени, для пріобрѣтенія ласки начальства, — ласки, незаслуженной вами. Нечего упоминать здѣсь и объ умышленныхъ и обидныхъ уклоненіяхъ вашихъ отъ необходимыхъ по сему случаю объясненій. Наконецъ, чтобы все сказать, не упоминаю здѣсь и о послѣднемъ странномъ, можно сказать, непонятномъ поступкѣ вашемъ со мною въ кофейномъ домѣ. Далекъ отъ того, чтобъ сѣтовать о бесполезной для меня утратѣ рубля серебромъ; но не могу не выказать всего негодованія моего при воспоминаніи о явномъ посягательствѣ вашемъ, милостивый мой государь, въ ущербъ моей чести, и, въ добавокъ, въ присутствіи нѣсколькихъ персонъ, хотя незнакомыхъ мнѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма хорошаго тона..."

— Не далеко ли я захожу? подумалъ господинъ Голядкинъ. Не много ли будетъ; не слишкомъ ли это обидчиво — этотъ намекъ на хорошій тонъ, на примѣръ?.. Ну, да ничего! Нужно показать ему твердость характера. Впрочемъ, ему можно, для смягченія, этакъ, польстить и подмаслить въ концѣ. А вотъ мы посмотримъ:

"Но не сталъ бы я, милостивый государь мой, утомлять васъ письмомъ моимъ, если бы не былъ твердо увѣренъ, что благородство сердечныхъ чувствъ и открытый, прямодушный характеръ вашъ укажутъ вамъ самому средства поправить всѣ упущенія и возстановить все по-прежнему.

Въ полной надеждѣ я смѣю оставаться увѣреннымъ, что вы не пріймете письма моего въ обидную для васъ сторону, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не откажетесь объясниться нарочито по этому случаю письменно, черезъ посредство моего человѣка.

Въ ожиданіи, честь имѣю пребыть, милостивый государь,
покорнѣйшимъ вашимъ слугою

Я. Голядкинымъ."

— Ну, вотъ и все хорошо. Дѣло сдѣлано; дошло и до письменнаго. Но кто жъ виновать? Онъ самъ виновать: самъ доводитъ человѣка до необходимости требовать письменныхъ документовъ. А я въ своемъ правѣ...

Перечитавъ послѣдній разъ письмо, господинъ Голядкинъ сложилъ его, запечаталъ и позвалъ Петрушку. Петрушка явился, по обыкновенію своему, съ заспанными глазами и на что-то крайне-сердитый.

— Ты, братецъ, вотъ возьмешь это письмо... понимаешь?

Петрушка молчалъ.

— Возьмешь его и отнесешь въ департаментъ; тамъ отъищешь дежурнаго, губернскаго секретаря Вахрамѣева. Вахрамѣевъ сегодня дежурный. Понимаешь ты это?

— Понимаю.

— Понимаю! не можешь сказать: понимаю-сь. Спросишь чиновника Вахрамѣева и скажешь ему, что, дескать, вотъ такъ и такъ, дескать; баринъ приказалъ вамъ кланяться и покорнѣйше попросить васъ справиться въ адресной нашего вѣдомства книгѣ — гдѣ, дескать, живетъ титулярный совѣтникъ Голядкинъ?

Петрушка промолчалъ, и, какъ показалось господину Голядкину, улыбнулся.

— Ну, такъ вотъ ты, Петръ, спросишь у нихъ адресъ, и узнаешь, гдѣ, дескать, живетъ новопоступившій чиновникъ Голядкинъ?

— Слушаю.

— Спросишь адресъ и отнесешь по этому адресу это письмо; понимаешь?

— Понимаю.

— Если тамъ... вотъ куда ты письмо отнесешь, — тотъ господинъ, кому письмо это дашь, Голядкинъ-то... Чего ты смѣешься, болванъ?

— Да чего мнѣ смѣяться-то? Что мнѣ! Я ничего-сь. Нечего нашему брату смѣяться...

— Ну, такъ вотъ... если тотъ господинъ будетъ спрашивать, дескать, какъ же твой баринъ, какъ же онъ тамъ; что, де-скасть, онъ того... ну, тамъ, что-нибудь будетъ выпрашивать, — такъ ты молчи, и отвѣчай, дескать, баринъ мой ничего, а просятъ, дескать, отвѣта отъ васъ своеручнаго. Понимаешь?

— Понимаю-съ.

— Ну, такъ вотъ, дескать, баринъ мой, дескать, говори, ничего, дескать, и здоровъ, и въ гости, дескать, сейчасъ собирается; а отъ васъ, дескать, они отвѣта просятъ письменнаго. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, ступай.

— Вѣдь вотъ еще съ этимъ болваномъ работа! смѣется себѣ, да и кончено. Чему жъ онъ смѣется? Дожилъ я до бѣды, дожилъ я вотъ такимъ-то образомъ до бѣды! Впрочемъ, можетъ-быть, оно обратится все къ лучшему... Этотъ мошенникъ вѣрно часа два будетъ таскаться теперь, пропадетъ еще гдѣ-нибудь. Послать нельзя никуда. Эка бѣда вѣдь какая!.. эка вѣдь бѣда одолѣла какая!..

Чувствуя такимъ образомъ вполнѣ бѣду свою, герой нашъ рѣшился на пассивную двухчасовую роль въ ожиданіи Петрушки. Съ часъ времени ходилъ онъ по комнатѣ, курилъ, потомъ бросилъ трубку и сѣлъ за какую-то книжку, потомъ прилегъ на диванъ, потомъ опять взялся за трубку, потомъ опять началъ бѣгать по комнатѣ. Хотѣлъ-было заняться чѣмъ-нибудь, да нечѣмъ было заняться. Хотѣлъ-было онъ разсуждать, но разсуждать не могъ рѣшительно ни о чемъ. Наконецъ, агонія пассивнаго состоянія его возрасла до послѣдняго градуса, и господинъ Голядкинъ рѣшился принять одну мѣру. "Петрушка прійдетъ еще черезъ часъ" думалъ онъ: "можно ключъ отдать дворнику, а самъ я покажѣсть и того... изслѣдую дѣло, по своей части изслѣдую дѣло." — Не теряя времени и спѣша изслѣдовать дѣло, господинъ Голядкинъ взялъ свою шляпу, вышелъ изъ комнаты, заперъ квартиру, зашелъ къ дворнику, вручилъ ему ключъ вмѣстѣ съ гривенникомъ, — господинъ Голядкинъ сталъ какъ-то необыкновенно-щедръ, — и пустился, куда ему слѣдовало. Господинъ Голядкинъ пустился пѣшкомъ, сперва къ Измайловскому-Мосту. Въ ходѣбѣ прошло съ полчаса. Дойдя до цѣли своего путешествія, онъ вошелъ прямо во дворъ своего знакомаго дома и взглянулъ на окна квартиры статскаго совѣтника Берендѣева. Кромѣ трехъ завѣшенныхъ красными гардинами оконъ, остальные всѣ были темны. "У Олсуфья Ивановича сегодня вѣрно нѣтъ гостей" подумалъ господинъ Голядкинъ: "они вѣрно всѣ

одни теперь дома сидятъ." Постоявъ нѣсколько времени на дворѣ, герой нашъ хотѣлъ-было уже на что-то рѣшиться. Но рѣшенію не суждено было состояться по-видимому. Господинъ Голядкинъ отдумалъ, махнулъ рукой и воротился на улицу. "Нѣтъ, не сюда мнѣ нужно было идти. Что же я буду здѣсь дѣлать?... Спрашивается, что же я буду здѣсь дѣлать? А вотъ я лучше теперь того... и собственно-лично изслѣдую дѣло." Принявъ такое рѣшеніе, господинъ Голядкинъ пустился въ свой департаментъ. Путь былъ не близокъ, въ добавокъ была страшная грязь, и мокрый снѣгъ валилъ самыми густыми хлопьями. Но для героя нашего въ настоящее время затрудненій, кажется, не было. Измокъ-то онъ измокъ, правда, да и загрязнился не мало, "да ужъ такъ, за одно, за то цѣль достигнута". И дѣйствительно, господинъ Голядкинъ уже подходилъ къ своей цѣли. Темная масса огромнаго казеннаго строенія уже зачернѣла вдали передъ нимъ. "Стой!" подумалъ онъ: "куда жъ я иду, и что я буду здѣсь дѣлать? Положимъ, узнаю гдѣ онъ живетъ; а между-тѣмъ Петрушка уже вѣрно вернулся и отвѣтъ мнѣ принесъ. Время-то я мое дорогое только даромъ теряю, время-то я мое только такъ потерялъ. Ну, ничего; еще все это можно исправить. Однако, и въ-самомъ-дѣлѣ, не зайти ль къ Вахрамѣеву? Ну, да нѣтъ! я ужъ послѣ... Экъ! выходить-то было вовсе ненужно. Да нѣтъ, ужъ характеръ такой! Сноровка такая, что нужда ли, нѣтъ ли, вѣчно наровлю какъ-нибудь впередъ забѣжать. Гм... который-то часъ? ужъ вѣрно есть девять. Петрушка можетъ прійти и не найдетъ меня дома. Сдѣлалъ я чистую глупость, что вышелъ... Эхъ, право, комиссія!"

Искренно сознавшись такимъ-образомъ, что сдѣлалъ чистую глупость, герой нашъ побѣжалъ обратно къ себѣ въ Шестилавочную. Добѣжалъ онъ усталый, измученный. Еще отъ дворника узналъ онъ, что Петрушка и не думалъ являться. "Ну, такъ! ужъ я предчувствовалъ это" подумалъ герой нашъ: "а между-тѣмъ, уже девять часовъ. Экъ вѣдь негодяй онъ какой! Ужъ вѣчно гдѣ-нибудь пьянствуетъ! Господи, Богъ мой! Экой вѣдь денекъ выдался на долю мою горемычную!" Такимъ-то образомъ размышляя и сѣтуя, господинъ Голядкинъ отперъ квартиру свою, досталъ огня, раздѣлся совсѣмъ, выкурилъ трубку, и истощенный, усталый, разбитый, голодный прилежъ на диванъ, въ ожиданіи Петрушки. Свѣча нагорала тускло, свѣтъ трепеталъ на стѣнахъ... Господинъ Голядкинъ глядѣлъ-глядѣлъ, думалъ-думалъ, да и заснулъ наконецъ какъ убитый.

Проснулся онъ уже поздно. Свѣча совсѣмъ почти догорѣла, дымилась и готова была тотчасъ совершенно потухнуть. Господинъ Голядкинъ вскочилъ, встрепенулся и вспомнилъ все, рѣшительно все. За перегородкой раздавался густой храпъ Петрушки. Господинъ Голядкинъ бросился къ окну — нигдѣ ни огонька. Отворилъ форточку — тихо; городъ словно вымеръ, спитъ. Стало-быть, часа два или три; такъ и есть: часы за перегородкой понатужились и пробили два. Господинъ Голядкинъ бросился за перегородку.

Кое-какъ, впрочемъ, послѣ долгихъ усилій, растолкалъ онъ Петрушку и успѣлъ посадить его на постель. Въ это время свѣчка совершенно потухла. Минуть съ десять прошло, покамѣстъ господинъ Голядкинъ успѣлъ найти другую свѣчу и зажечь ее. Въ это время Петрушка успѣлъ заснуть съизнова. "Мерзавецъ ты этакой, негодяй ты такой!" проговорилъ господинъ Голядкинъ, снова его расталкивая: "встанешь ли ты, проснешься ли ты? Послѣ получасовыхъ усилій, господинъ Голядкинъ успѣлъ однако же расшевелить совершенно своего служителя и вытащить его изъ-за перегородки. Тутъ только увидѣлъ герой нашъ, что Петрушка былъ, какъ говорится, мертвецки-пьянъ и едва на ногахъ держался.

— Бездѣльникъ ты этакой! закричалъ господинъ Голядкинъ: — разбойникъ ты этакой! голову ты срѣзалъ съ меня! Господи, куда же это онъ письмо-то сбылъ съ рукъ? Ахти, Создатель мой, ну, какъ оно... И зачѣмъ я его написалъ? и нужно было мнѣ его написать! Разскакался, дуралей, я съ амбиціей! Туда же полѣзъ за амбиціей! Вотъ тебѣ и амбиція, подлець ты этакой, вотъ и амбиція!.. Ну, ты! куда же ты письмо-то дѣлъ, разбойникъ ты этакой? Кому же ты отдалъ его?..

— Никому я не отдавалъ никакого письма; и не было у меня никакого письма... вотъ-какъ!

Господинъ Голядкинъ ломалъ руки съ отчаянія.

— Слушай ты, Петръ... ты послушай, ты слушай меня...

— Слушаю...

— Ты куда ходилъ? — отвѣчай...

— Куда ходилъ... къ добрымъ людямъ ходилъ! что мнѣ!

— Ахъ, ты Господи Боже мой! Куда сначала ходилъ? былъ въ департаментѣ?.. Ты, послушай, Петръ; ты, можетъ-быть, пьянъ?

— Я пьянъ? Вотъ, хоть сейчасъ съ мѣста не сойдти, мак-маковой — вотъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, это ничего, что ты пьянъ... Я только такъ спросилъ; это хорошо, что ты пьянъ; я ничего, Петруша, я ничего...

Ты, можетъ-быть, только такъ позабылъ, а все помнишь. Ну-ка, вспомни-ка, былъ ты у Вахрамѣева чиновника, — былъ, или нѣтъ?

— И не былъ, и чиновника такого не бывало. Вотъ хоть сейчасъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Петръ! нѣтъ, Петруша, вѣдь я ничего. Вѣдь ты видишь, что я ничего... Ну, что жъ такое! Ну, на дворѣ холодно, сыро, ну, выпилъ человѣкъ маленько, ну и ничего. Я не сержусь. Я самъ, братъ, выпилъ сегодня... Ты признайся, вспомни-ка, братъ: былъ ты у чиновника Вахрамѣева?

— Ну, какъ теперь, вотъ этакъ пошло, такъ право-слово — вотъ былъ же, вотъ хоть сейчасъ...

— Ну, хорошо, Петруша, хорошо, что былъ. Ты видишь, я не сержусь... Ну, ну, продолжалъ нашъ герой, еще болѣе задабривая своего служителя, трепля его по плечу и улыбаясь ему: — ну, клюкнулъ, мерзавецъ, маленько... на гривенникъ что-ли клюкнулъ, плутяга ты этакой? Ну и ничего; ну, ты видишь, что я не сержусь... я не сержусь, братецъ, я не сержусь...

— Нѣтъ, я не плутъ, какъ хотите-сь... Къ добрымъ людямъ только зашелъ, а не плутъ и плутомъ никогда не бывалъ...

— Да, нѣтъ же, нѣтъ, Петруша! ты послушай, Петръ: вѣдь я ничего, вѣдь я тебя не ругаю, что плутомъ называю. Вѣдь это я въ утѣшеніе тебѣ говорю, въ благородномъ смыслѣ про это говорю. Вѣдь это значитъ, Петруша, польстить иному человѣку, какъ сказать ему, что онъ петля этакая, продувной малой, что онъ малой не промахъ и никому надуть себя не позволить. Это любить иной человѣкъ. Это льстить ему. Это я въ благородномъ отношеніи тебя плутомъ называю... Ну, ну, ничего! ну, скажи же ты мнѣ, скажи же ты мнѣ, Петруша, теперь, безъ утайки, откровенно, какъ другу... ну, былъ ты у чиновника Вахрамѣева, и адресъ онъ далъ тебѣ?

— И адресъ далъ, тоже и адресъ далъ. Хорошій чиновникъ! И баринъ твой, говоритъ, хорошій человѣкъ, очень-хорошій, говоритъ, человѣкъ; я дескать, скажи, говоритъ, — кланяйся, говоритъ, своему барину, благодари и скажи, что я дескать люблю, — вотъ дескать какъ уважаю твоего барина! за то, что, говоритъ, ты, баринъ твой, говоритъ, Петруша, хорошій человѣкъ, говоритъ, и ты, говоритъ, тоже хорошій человѣкъ, Петруша, — вотъ...

— Ахъ, ты Господи Боже мой! А адресъ-то, адресъ-то, Иуда ты этакой? — Послѣднія слова господинъ Голядкинъ проговорилъ почти шопотомъ.

— И адресъ... и адресъ далъ; тоже и адресъ далъ.

— Даль? Ну, гдѣ же живетъ онъ, Голядкинъ, чиновникъ Голядкинъ, титулярный совѣтникъ?

— А Голядкинъ будетъ тебѣ, говоритъ, въ Шестилавочной-Улицѣ. Вотъ какъ пойдешь, говоритъ, въ Шестилавочную, такъ направо, на лѣстницу, въ четвертый этажъ. Вотъ тутъ тебѣ, говоритъ, и будетъ Голядкинъ...

— Мошенникъ ты этакой! закричалъ наконецъ вышедшій изъ терпѣнія герой нашъ: — разбойникъ ты этакой! да это вѣдь я; вѣдь это ты про меня говоришь. А то другой есть Голядкинъ; я про другаго говорю, мошенникъ ты этакой!

— Ну, какъ хотите! что мнѣ! Вы какъ хотите — вотъ!..

— А письмо-то, письмо...

— Какое письмо? и не было никакого письма, и не видалъ я никакого письма.

— Да куда же ты дѣлъ его, — шельмецъ ты такой!?

— Отдалъ его, отдалъ письмо. Кланяйся, говоритъ, благодари; хорошій твой, говоритъ, баринъ. Кланяйся, говоритъ, твоему барину...

— Да кто же это сказалъ? это Голядкинъ сказалъ? — Петрушка помолчалъ немного, и усмѣхнулся во весь ротъ, глядя прямо въ глаза своему барину.

— Слушай ты, разбойникъ ты этакой! — началъ господинъ Голядкинъ задыхаясь, теряясь отъ бѣшенства: — что ты сдѣлалъ со мной! Говори ты мнѣ, что ты сдѣлалъ со мной! Срѣзалъ ты меня, злодѣй ты такой! Голову съ плечъ моихъ снялъ, Иуда ты этакой!

— Ну, теперь какъ хотите! что мнѣ! сказалъ рѣшительнымъ тономъ Петрушка, ретируясь за перегородку.

— Пошолъ сюда, пошолъ сюда, разбойникъ ты этакой!..

— И не пойду я къ вамъ теперь, совсѣмъ не пойду. Что мнѣ! Я къ добрымъ людямъ пойду... А добрые люди живутъ по честности, добрые люди безъ фальши живутъ, и по-двое никогда не бываютъ... У господина Голядкина и руки и ноги оледенѣли, и духъ занялся...

— Да-съ, продолжалъ Петрушка: — ихъ по-двое никогда не бываетъ, они честно живутъ; Бога и честныхъ людей не обижаютъ...

— Ты бездѣльникъ, ты пьянъ! Ты спи теперь, разбойникъ ты этакой! А вотъ завтра и будетъ тебѣ, — едва-слышнымъ голосомъ проговорилъ господинъ Голядкинъ. Что же касается до Петрушки, то онъ пробормоталъ еще что-то; потомъ слышно было, какъ онъ налегъ на кровать, такъ-что кровать затрещала, протяжно зѣвнулъ, потянулся и наконецъ захрапѣлъ сномъ невинности, какъ говорит-

ся. Ни живъ ни мертвъ былъ господинъ Голядкинъ. Поведеніе Петрушки, намеки его весьма-странные, хотя и отдаленные, на которые сердиться, слѣдственно, нечего было, тѣмъ болѣе, что пьяный человѣкъ говорилъ, и наконецъ, весь злокачественный оборотъ, принимаемый дѣломъ, — все это потрясло до основанія господина Голядкина, ясно показавъ ему, какіе глубокіе корни пустила клевета, измѣна, интрига, наушничество, и наконецъ, какъ много выигралъ поля извѣстный своимъ неблагопристойнымъ направленіемъ человѣкъ въ мнѣніи частныхъ людей, а тѣмъ болѣе въ общественномъ мнѣніи. А улика — Петрушка, и тонъ, сообщенный шельмецу недоброжелателями господина Голядкина. "И дернуло меня его распекать среди ночи", говорилъ нашъ герой, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ какого-то болѣзненнаго ощущенія. "И подсунуло меня съ пьянымъ человѣкомъ связаться! Какого толку ждать отъ пьянаго человѣка! что ни слово, то вретъ. На что это, впрочемъ, онъ намекалъ, разбойникъ онъ этакой? Господи Боже мой! И зачѣмъ я всѣ эти письма писалъ, я-то душегубецъ; я-то, самоубійца я этакой! Нельзя помолчать! Надо было провраться! Вѣдь ужъ чего: погибаешь, ветошкѣ подобисься, такъ вѣдь нѣтъ же, туда же съ амбиціей, дескать честь моя страждетъ, дескать честь тебѣ свою нужно спасать! Самоубійца я этакой! И какая тенденція у всего этого рода, тенденція-то какая у разбойника! Видитъ, что человѣкъ споткнулся, что человѣкъ въ просакъ попалъ, что человѣкъ по уши въ болото залѣзъ, такъ вотъ онъ тотчасъ и въ пику ему: дескать въ болото залѣзъ, такъ вотъ тебѣ за это еще на придачу, и уколеть человѣка, и задѣнетъ человѣка!.. Состраданія-то нѣтъ! И я-то, я-то каковъ? у самого-то тенденція какая скверная! натурка-то подлая!.. И честь свою такъ ужъ непременно нужно спасать, — необходимость была! И съ пьянымъ человѣкомъ мы готовы связаться! Какъ-будто и пятилѣтнему ребенку невѣдомо, что пьяный человѣкъ на томъ и стоитъ, что вретъ, да грубости дѣлаетъ. И дѣлаетъ ихъ потому-что пьянъ, потому-что тенденція такая у пьянаго человѣка подлая, чтобъ грубости дѣлать, потому-что и по натурѣ человѣческой именно вотъ такъ, а не иначе должно оно выходить. Слѣдственно, онъ въ одномъ отношеніи и правъ; слѣдственно, онъ и правъ во всѣхъ отношеніяхъ, и претендовать на это нельзя. Претендовать же нужно на того дурака, который съ пьянымъ человѣкомъ связаться готовъ. Вотъ оно какъ! Вотъ оно какъ по правдѣ, по истинѣ должно выходить! Напился, такъ и грубитъ начинаетъ; оно такъ и слѣдуетъ, на этомъ ужъ человѣкъ и стоитъ, ужъ въ этомъ натура

его, ужь въ этомъ не я виноватъ, — вотъ оно какъ!.." Такъ говорилъ господинъ Голядкинъ, сидя на диванѣ своемъ и не смѣя пошевелиться отъ страха. Вдругъ глаза его остановились на одномъ предметѣ, въ высочайшей степени возбудившемъ его вниманіе. Въ страхѣ — не иллюзія ли, не обманъ ли воображенія предметъ, возбудившій вниманіе его, — протянулъ онъ къ нему руку, съ надеждою, съ робостію, съ любопытствомъ неописаннымъ... Нѣтъ, не обманъ! не иллюзія! Письмо, точно письмо, непременно письмо, и къ нему адресованное... Господинъ Голядкинъ взялъ письмо со стола. Сердце въ немъ страшно билось. "Это вѣрно тотъ мошенникъ принесъ" подумалъ онъ: "и тутъ положилъ, а потомъ и забылъ; вѣрно такъ все случилось; это вѣрно именно такъ все случилось... Впрочемъ, какъ же оно? кто же это письмо... Кто же это, вотъ такимъ-образомъ письмо ко мнѣ написалъ?.. Дорого бы я далъ, чтобъ узнать, что именно въ этомъ письмѣ, просто узнать, не читавши узнать!.. Господи, Господи!.." Господинъ Голядкинъ отложилъ на время письмо, вынулъ платокъ и отеръ себѣ потъ, выступившій у него на лбу; потомъ... потомъ сложилъ свои руки, и долго съ необыкновеннымъ усердіемъ что-то шепталъ про себя; потомъ, не въ силахъ будучи сдержать своего нетерпѣнія, сломилъ печать, обернулъ страницу и прочелъ подпись. Письмо было отъ чиновника Вахрамѣева, молодаго сослуживца, и нѣкогда пріятеля господина Голядкина. "Впрочемъ, я все это заранѣе предчувствовалъ", подумалъ герой нашъ: "я все это вчера непременно предчувствовалъ, и все то, что въ письмѣ теперь будетъ, также предчувствовалъ... Что же? За одно! На то пошелъ!.. Ну!... Ничего..." Господинъ Голядкинъ началъ читать. Письмо было слѣдующее:

"Милостивый государь
Яковъ Петровичъ!

Человѣкъ вашъ пьянъ, и путнаго отъ него не дождешься; по сей причинѣ предпочитаю отвѣчать письменно. Спѣшу вамъ объявить, что порученіе, вами на меня возлагаемое, и состоящее въ передачѣ извѣстной вамъ особѣ черезъ мои руки письма, согласенъ исполнить во всей вѣрности и точности. Квартируетъ же сія особа, весьма вамъ извѣстная, и теперь замѣнившая мнѣ друга, коей имя при семъ умалчиваю (за тѣмъ, что не хочу напрасно чернить репутацію совершенно-невиннаго человѣка), вмѣстѣ съ нами, въ квартирѣ Каролины Ивановны, въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прежде еще, въ бытность вашу у насъ, квартировалъ заѣзжій изъ Тамбова

пѣхотный офицеръ. Впрочемъ, особу сію можете найти вездѣ между честныхъ и искреннихъ сердцемъ людей, чего объ иныхъ особахъ сказать невозможно. Связи мои съ вами намѣренъ я съ сего числа прекратить; въ дружественномъ же тонѣ и въ прежнемъ согласномъ видѣ товарищества нашего намъ оставаться нельзя, и потому прошу васъ, милостивый государь мой, немедленно по полученіи сего откровеннаго письма моего выслать слѣдующимъ мнѣ два цѣлковыхъ за бритвы иностранной работы, проданныя мною, если запомнить изволите, семь мѣсяцевъ тому назадъ, въ долгъ, еще во время жительства вашего съ нами у Каролины Ивановны, женщины, которую я отъ всей души моей уважаю. Дѣйствую же я такимъ-образомъ потому, что вы, по рассказамъ умныхъ людей, потеряли амбицію и репутацию и стали опасны для нравственности невинныхъ и незараженныхъ людей, ибо нѣкоторыя особы живутъ не по правдѣ, и, сверхъ-того, слова ихъ — фальшь и благонамѣренный видъ подозрителенъ. Вступитесь же за обиду Каролины Ивановны, которая всегда была благодѣятели поведенія, а во-вторыхъ, честная женщина и въ добавокъ дѣвица, хотя не молодыхъ лѣтъ, но зато хорошей иностранной фамиліи, — людей способныхъ можно найти всегда и вездѣ, о чемъ просили меня нѣкоторыя особы упомянуть въ семъ письмѣ моемъ мимоходомъ и говоря отъ своего лица. Во всякомъ же случаѣ, вы все узнаете своевременно, если теперь не узнали, не смотря на то, что ославили себя, по рассказамъ умныхъ людей, во всѣхъ концахъ нашей многолюдной столицы, и, слѣдовательно, уже во многихъ мѣстахъ могли получить надлежащія о себѣ, милостивый мой государь, свѣдѣнія. Въ заключеніе же письма моего объявляю вамъ, милостивый мой государь, что извѣстная вамъ особа, коей имя не упоминаю здѣсь по извѣстнымъ благороднымъ причинамъ, весьма-уважаема людьми благомыслящими; сверхъ-того, характера веселаго и пріятнаго, успѣваетъ какъ на службѣ, такъ и между всѣми здравомыслящими людьми, вѣрна своему слову и дружбѣ и не обижаетъ заочно тѣхъ, съ кѣмъ въ глаза находится въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Во всякомъ случаѣ пребываю покорнымъ слугою вашимъ

Н. Вахрамѣевымъ.

Р. S. Вы вашего человѣка сгоните: онъ пьяница и приноситъ вамъ, по всей вѣроятности, много хлопотъ, а возьмите Евстафія, служившаго прежде у насъ и находящагося на сей разъ безъ мѣста. Теперешній же служитель вашъ не только пьяница, но, сверхъ-того, воръ, ибо еще на прошлой недѣлѣ продалъ фунтъ сахара, въ

видѣ кусковъ, Каролинѣ Ивановнѣ за уменьшенную цѣну, что, по моему мнѣнію, не могъ онъ иначе сдѣлать, какъ обворовавъ васъ хитростнымъ образомъ, по-малому и въ разные сроки. Пишу вамъ сіе желая добра, не смотря на то, что нѣкоторыя особы умѣютъ только обижать и обманывать всѣхъ людей, преимущественно же честныхъ и обладающихъ добрымъ характеромъ; сверхъ-того, заочно поносятъ ихъ и представляютъ ихъ въ обратномъ смыслѣ, единственно изъ зависти и потому, что сами себя не могутъ назвать таковыми.

В."

Прочтя письмо Вахрамѣева, герой нашъ долго еще оставался въ неподвижномъ положеніи на диванѣ своемъ. Какой-то новый свѣтъ пробивался сквозь весь неясный и загадочный туманъ, уже два дня окружавшій его. Герой нашъ отчасти начиналъ понимать... Попробоваль-было онъ встать съ дивана и пройтись разъ и другой по комнатѣ, чтобъ освѣжить себя, собрать кое-какъ разбитыя мысли, устремить ихъ на извѣстный предметъ и потомъ, поправивъ себя немного, зрѣло обдумать свое положеніе, рѣшиться на что-нибудь непремѣнно и твердо, и сообразно съ рѣшеніемъ дѣйствовать. Но только-что хотѣль-было онъ привстать, какъ тутъ же въ немощи и безсиліи упалъ опять на прежнее мѣсто. "Оно, конечно, я это все заранѣе предчувствовалъ; соглашаюсь, что и должно было быть такъ, непремѣнно должно было быть такъ, чтобъ я это все заранѣе предчувствовалъ; но однакоже, какъ же онъ пишетъ и каковъ прямой смыслъ этихъ словъ? Смыслъ-то я, положимъ, и знаю; но куда это поведетъ? Господи Боже мой! куда это все поведетъ?.. Сказали бы прямо: вотъ де-скать такъ-то и такъ-то, и требуется то-то и то-то, я бы и исполнилъ и угодное сдѣлалъ бы имъ, и все дѣло повернулось бы къ лучшему, и всѣ были бы довольны и счастливы. Турнюра-то, оборотъ-то, принимаемый дѣломъ, такой непріятный выходитъ! Ахъ, какъ бы поскорѣе добратся до завтра и поскорѣе добратся до дѣла! теперъ же я знаю, что дѣлать, очень-хорошо знаю, что именно теперъ мнѣ надобно дѣлать. Де-скать такъ и такъ, скажу, на резоны согласенъ, чести моей не продамъ, а того... пожалуй; впрочемъ, онъ-то, особа-то эта извѣстная, лицо-то неблагопріятное какъ же сюда подмѣшалось? и зачѣмъ именно подмѣшалось сюда? Ахъ, какъ бы до завтра скорѣй! Ославятъ они меня до-тѣхъ-поръ, интригуютъ они, въ пику работаютъ! Главное — времени не нужно терять, а теперъ, на-примѣръ, хоть письмо на-

писать и только пропустить, что де-скасть то-то и то-то и вотъ на то-то и то-то согласенъ. А завтра чѣмъ-свѣтъ отослать и самому пораньше того... и съ другой стороны имъ въ контру пойдти и предупредить ихъ, голубчиковъ... Ославятъ они меня, да и только!"

Господинъ Голядкинъ подвинулъ бумагу, взялъ перо и написалъ слѣдующее посланіе въ отвѣтъ на письмо губернскаго секретаря Вахрамѣева:

"Милостивый государь
Несторъ Игнатьевичъ!

Съ прискорбнымъ сердцу моему удивленіемъ прочелъ я оскорбительное для меня письмо ваше, ибо ясно вижу, что подъ именемъ нѣкоторыхъ неблагопристойныхъ особъ и иныхъ съ ложною благонамѣренностью людей разумѣете вы меня. Съ истинною горестію вижу, какъ скоро, успѣшно и какіе далекіе корни пустила клевета, въ ущербъ моему благоденствію, моей чести и доброму моему имени. И тѣмъ болѣе прискорбно и оскорбительно это, что даже честные люди съ истинно-благороднымъ образомъ мыслей и, главное, одаренные прямымъ и открытымъ характеромъ, отступаютъ отъ интересовъ благородныхъ людей и прилѣпляются лучшими качествами сердца своего къ зловредной тлѣ, — къ-несчастію, въ наше тяжелое и безнравственное время расплотившейся сильно и крайне-неблагонамѣренно. Я говорю вообще; о частныхъ же лицахъ упоминать здѣсь считаю излишнимъ, хотя священнымъ долгомъ своимъ почитаю предостеречь неопытную и незараженную невинность отъ тлетворныхъ и одаренныхъ ядовитымъ дыханіемъ чудовищъ, ложно и фальшиво принявшихъ на себя человѣческой образъ и выдающихъ себя, съ возмущающею душу наглостію, за другихъ, совершенно-постороннихъ людей, живущихъ открыто и благородно, идущихъ прямою дорогою, безъ маски, съ открытымъ лицомъ, презирающихъ кривыми путями и интригами, и тѣмъ справедливо гордящихся. Въ заключеніе скажу, что вами означенный долгъ мой, два рубля серебромъ, почту святою обязанностію возвратить вамъ во всей его цѣлости.

Что же касается до вашихъ, милостивый государь мой, наметковъ на-счетъ извѣстной особы женскаго пола, на-счетъ намѣреній, расчетовъ и разныхъ замысловъ этой особы, то скажу вамъ, милостивый государь мой, что я смутно и неясно понялъ всѣ эти намеки. Позвольте мнѣ, милостивый государь мой, благородный образъ мыслей моихъ и честное имя мое сохранить незапятнанными. Во

всякомъ же случаѣ, готовъ снизойдти до объясненія лично, предпочитая вѣрность личнаго письменному, и сверхъ того готовъ войти въ разныя миролюбивыя, обоюдныя, разумѣтся, соглашенія. На сей конецъ прошу васъ, милостивый мой государь, передать сей особѣ готовность мою для соглашенія личнаго, и сверхъ-того, просить ее назначить время и мѣсто свиданія. Горько мнѣ было читать, милостивый государь мой, намеки на то, что будто-бы васъ оскорбилъ, измѣнилъ нашей первобытной дружбѣ, и отзывался о васъ съ дурной стороны. Приписываю все сіе недоразумѣнію, гнусной клеветѣ, зависти и недоброжелательству тѣхъ, коихъ справедливо могу именовать ожесточеннѣйшими врагами моими. Но они, вѣроятно, не знаютъ, что невинность сильна уже своею невинностью, что безстыдство, наглость и возмущающая душу фамиллярность иныхъ особъ, рано ли, поздно ли, заслужить себѣ всеобщее клеймо презрѣнія, и что эти особы погибнуть не иначе, какъ отъ собственной неблагопристойности и развращенности сердца. Въ заключеніе прошу васъ, милостивый государь мой, передать симъ особамъ, что странная претензія ихъ и неблагородное фантастическое желаніе вытѣснить другихъ изъ предѣловъ, занимаемыхъ ими другими своимъ бытіемъ въ этомъ мірѣ, и занять ихъ мѣсто, заслуживаютъ изумленія, презрѣнія, сожалѣнія и сверхъ того сумасшедшаго дома; что, сверхъ того, такія отношенія запрещены строго законами, что, по моему мнѣнію, совершенно-справедливо; ибо всякій долженъ быть доволенъ своимъ собственнымъ мѣстомъ. Всему есть предѣлы, и если это шутка, то шутка неблагопристойная, скажу болѣе: совершенно-безнравственная; ибо смѣю увѣрить васъ, милостивый государь мой, что идеи мои, выше распространенныя на счетъ *своихъ местъ*, чисто-нравственныя.

Во всякомъ случаѣ честь имѣю пребыть

Вашимъ покорнымъ слугою

Я. Голядкинъ."

ГЛАВА X.

Мнѣніе господина Голядкина о томъ, что такое игра съ козырями и игра безкозырная. Развращенный человекъ занимаетъ мѣсто господина Голядкина въ практической жизни. О томъ, какъ смотрятъ на все это обстоятельство разные извощики и согласившійся съ ними Петрушка. Господинъ Голядкинъ просыпается, пишетъ письмо и нѣсколько задѣваетъ репутацію Гришки Отрепьева. Господинъ Голядкинъ начинаетъ интриговать. Писаря. О томъ, какъ покончилъ свои интриги и на что окончательно рѣшился господинъ Голядкинъ.

Вообще можно сказать, что происшествія вчерашняго дня до основанія потрясли господина Голядкина; всего же страшнѣе было послѣднее слово враговъ его. Конечно, это послѣднее слово было еще не досказано... Все это было въ какомъ-то таинственномъ, угрожающемъ сумракѣ; но это-то самое обстоятельство, что все-то это было въ сумракѣ и таинственно, и подрывало господина Голядкина. "Играй они въ открытую игру", думалъ господинъ Голядкинъ сквозь сонъ, въ минуту своего пробужденія: "то я не допустилъ бы ихъ такъ козырять; я бы показалъ имъ тогда игру безкозырную." Всего же болѣе мучило господина Голядкина письмо Вахрамѣева. Что значили всѣ эти намеки? что означаетъ этотъ до странности рѣзкій и угрожающій тонъ? Конечно, господинъ Голядкинъ все это заранѣе предчувствовалъ... то-есть, вовсе не то, но оно такъ все какъ-то странно удалось и случилось, что вышло именно это, а не другое; слѣдовательно, господинъ Голядкинъ и это тоже предчувствовалъ. — Почивалъ нашъ герой не весьма-хорошо, т. е., никакъ не могъ даже на пять минутъ заснуть совершенно: словно проказникъ какой-нибудь насыпалъ ему рѣзаной щетины въ постель. Всю ночь провелъ онъ въ какомъ-то полу-снѣ, полу-бдѣніи, переворачиваясь со стороны на сторону, съ боку на бокъ, охая, кряхтя, на минутку засыпая, черезъ минутку опять просыпаясь, и все это сопровождалось какой-то странной тоской, неясными воспоминаніями, безобразными видѣніями, — однимъ словомъ всѣмъ, что только можно найти непріятнаго... То появлялась передъ нимъ въ какомъ-то странномъ загадочномъ полусвѣтѣ фигура Андрея Филипповича, — сухая фигура, сердитая фигура, съ сухимъ, жесткимъ взглядомъ и съ черство-учливой побранкой... И только-что господинъ Голядкинъ начиналъ-было подходить къ Андрею Филипповичу, чтобъ передъ нимъ какимъ-нибудь образомъ, такъ или этакъ, оправдаться и

доказать ему, что онъ вовсе не таковъ, какъ его враги расписали, что онъ вотъ такой-то, да сякой-то, и даже обладаетъ, сверхъ обыкновенныхъ, врожденныхъ качествъ своихъ, вотъ тѣмъ-то и тѣмъ-то, — но какъ-туть и являлось извѣстное своимъ неблагопристойнымъ направлѣнiемъ лицо, и какимъ-нибудь самымъ возмущающимъ душу средствомъ съ разу разрушало всѣ предначинанiя господина Голядкина, тутъ же, почти на глазахъ же господина Голядкина, очерняло досконально его репутацію, втаптывало въ грязь его амбицію, и потомъ немедленно занимало мѣсто его на службѣ и въ обществѣ. То чесалась голова господина Голядкина отъ какого-нибудь щелчка, недавно-благопріобрѣтеннаго и уничиженно-принятаго, полученнаго или въ общежитiи, или какъ-нибудь тамъ по обязанности, на который щелчокъ протестовать было трудно... И между-тѣмъ, какъ господинъ Голядкинъ начиналъ-было ломать себѣ голову надъ тѣмъ, что почему вотъ именно трудно протестовать хоть-бы на такой-то щелчокъ, — между-тѣмъ, эта же мысль о щелчкѣ незамѣтно переливалась въ какую-нибудь другую форму, — въ форму какой-нибудь извѣстной маленькой или довольно-значительной подлости, видѣнной, слышанной, или самимъ недавно исполненной, — и, часто исполненной-то даже и не на подломъ основанiи, даже и не изъ подлаго побужденiя какого-нибудь, а такъ, — иногда, напимѣръ по случаю, — изъ деликатности; другой разъ изъ ради совершенной своей незащитности, ну и наконецъ потому... потому, однимъ словомъ, ужъ это господинъ Голядкинъ зналъ хорошо, *почему!* Тутъ господинъ Голядкинъ краснѣлъ сквозь сонъ, и, подавляя краску свою, бормоталъ про себя, что дескать здѣсь, напимѣръ, можно бы показать твердость характера, значительную бы можно было показать въ этомъ случаѣ твердость характера... а потомъ и заключалъ, что, "дескать что же твердость характера!.. дескать, зачѣмъ ее теперь поминать!.." Но всего болѣе бѣсило и раздражало господина Голядкина то, что какъ тутъ, и непремѣнно въ такую минуту, звали ль, не звали ль его, являлось извѣстное безобразiемъ и пасквильностью своего направлѣнiя лицо, и тоже, не смотря на то, что уже, кажется, дѣло было извѣстное — тоже туда же бормотало съ неблагопристойной улыбочкой, что "дескать, что ужъ тутъ твердость характера! какая дескать у насъ съ тобой, Яковъ Петровичъ, будетъ твердость характера!.." То грезилось господину Голядкину, что находится онъ въ одной прекрасной компанiи, извѣстной своимъ остроумiемъ и благороднымъ тономъ всѣхъ лицъ, ее составляющихъ; что господинъ Голядкинъ въ свою очередь отличился въ-

отношеніи любезности и остроумія, что всѣ его полюбили, даже нѣкоторые изъ враговъ его, бывшихъ тутъ же, его полюбили, что очень-пріятно было господину Голядкину; что всѣ ему отдали первенство, и что, наконецъ, самъ господинъ Голядкинъ съ пріятностью подслушалъ, какъ хозяинъ, тутъ же, отведя въ сторону кой-кого изъ гостей, похвалилъ господина Голядкина... и вдругъ ни съ того, ни съ сего, опять явилось извѣстное своею неблагонамѣренностью и звѣрскими побужденіями лицо, въ видѣ господина Голядкина-младшаго, и тутъ же, съ-разу, въ одинъ мигъ, однимъ появленіемъ своимъ Голядкинъ-младшій разрушалъ все торжество и всю славу господина Голядкина-старшаго, затмилъ собою Голядкина-старшаго, втопталъ въ грязь Голядкина-старшаго, и наконецъ ясно доказалъ, что Голядкинъ-старшій, и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій, — вовсе не настоящій, а поддѣльный, а что онъ настоящій, что, наконецъ, Голядкинъ-старшій вовсе не то, чѣмъ онъ кажется, а такой-то и сякой-то, и, слѣдовательно, не долженъ и не имѣеть права принадлежать къ обществу людей благонамѣренныхъ и хорошаго тона. И все это до того быстро сдѣлалось, что господинъ Голядкинъ-старшій и рта раскрыть не успѣлъ, какъ уже всѣ и душою и тѣломъ предались безобразному и поддѣльному господину Голядкину и съ глубочайшимъ презрѣніемъ отвергли его, настоящаго и невиннаго господина Голядкина. Не оставалось лица, котораго мнѣнія не передѣлалъ бы въ одинъ мигъ безобразный господинъ Голядкинъ по-своему. Не оставалось лица, даже самага незначительнаго изъ цѣлой компаніи, къ которому бы не подлизался бесполезный и фальшивый господинъ Голядкинъ по-своему, самымъ сладчайшимъ манеромъ, къ которому бы не подбился по-своему, передъ которымъ бы онъ не покурить, по своему обыкновенію, чѣмъ-нибудь самымъ пріятнымъ и сладкимъ, такъ-что обкуриваемое лицо только нюхало и чихало до слезъ, въ знакъ высочайшаго удовольствія. И, главное, все это дѣлалось мигомъ: быстрота хода подозрительнаго и бесполезнаго господина Голядкина была удивительная! Чуть успѣтъ, напримѣръ, полизаться съ однимъ, заслужить благорасположеніе его, — и глазкомъ не мигнешь, какъ ужъ онъ у другаго. Полижется, полижется съ другимъ втихомолочку, сорветъ улыбочку благоволенія, лягнетъ своей коротенькой, кругленькой, довольно, впрочемъ, дубоватенькой ножкой, и вотъ ужъ и съ третьимъ, и куртизанитъ ужъ третьяго, и съ нимъ тоже лижется по-пріятельски; рта раскрыть не успѣешь, въ изумленіе не успѣешь прійти, а ужъ онъ у четвертаго, и съ четвер-

тымъ уже на тѣхъ же кондиціяхъ — ужасъ, колдовство да и только! И всѣ рады ему, и всѣ любятъ его, и всѣ превозносятъ его, и всѣ провозглашаютъ хоромъ, что любезность и сатирическое ума его направленіе не въ-примѣръ лучше любезности и сатирическаго направленія настоящаго господина Голядкина, и стыдятъ этимъ настоящаго и невиннаго господина Голядкина, и отвергаютъ правдолюбиваго господина Голядкина, и уже гонятъ въ толчки благонамѣреннаго господина Голядкина, и уже сыплютъ щелчки въ извѣстнаго любовію къ ближнему, настоящаго господина Голядкина!.. Въ тоскѣ, въ ужасѣ, въ бѣшенствѣ выбѣжалъ многострадательный господинъ Голядкинъ на улицу, и сталъ нанимать извощика, чтобъ прямо летѣть къ его превосходительству, а если не такъ, то ужъ по-крайней-мѣрѣ къ Андрею Филипповичу, но — ужасъ! извошки никакъ не соглашались везти господина Голядкина, "дескать, баринъ, нельзя везти двухъ совершенно подобныхъ, дескать, ваше благородіе, хорошій человѣкъ норовитъ жить по-честности, а не какъ-нибудь, и вдвойнѣ никогда не бываетъ." Въ изступленіи стыда, оглядываясь кругомъ совершенно-честный господинъ Голядкинъ, и дѣйствительно увѣрялся, самъ, своими глазами, что извошки и стакнувшійся съ ними Петрушка всѣ въ своемъ правѣ; ибо развращенный господинъ Голядкинъ находился дѣйствительно тутъ же, возлѣ него, не въ дальнемъ отъ него разстояніи, и, слѣдуя подлымъ обычаемъ нравовъ своихъ, и тутъ, и въ этомъ критическомъ случаѣ непремѣнно готовился сдѣлать что-то весьма-неприличное, и нисколько-необличавшее особеннаго благородства характера, получаемаго обыкновенно при воспитаніи, — благородства, которымъ такъ величался при всякомъ удобномъ случаѣ отвратительный господинъ Голядкинъ второй. Не помня себя, въ стыдѣ и въ отчаяніи бросился погибшій и совершенно-справедливый господинъ Голядкинъ куда глаза глядятъ, на волю судьбы, куда бы ни вынесло, но съ каждымъ шагомъ его, съ каждымъ ударомъ ноги въ гранитъ троттуара, выскакивало какъ-будто изъ-подъ земли, по такому же точно, совершенно-подобному и отвратительному развращенностию сердца господину Голядкину. И всѣ эти совершенно-подобные пускались тотчасъ же по появленіи своемъ бѣжать одинъ за другимъ, и длинною цѣпью, какъ вереница гусей, тянулись и ковыляли за господиномъ Голядкинымъ-старшимъ, такъ-что некуда было убѣжать отъ совершенно-подобныхъ, такъ-что духъ захватывало всячески-достойному сожалѣнію господину Голядкину отъ ужаса, — такъ-что народилась наконецъ страшная бездна совершенно-подобныхъ, —

такъ-что вся столица запрудилась наконецъ совершенно-подобными, и полицейской служитель, видя таковое нарушеніе приличія, принужденъ былъ взять ихъ всѣхъ совершенно-подобныхъ за шиворотъ и посадить въ случившуюся у него подъ бокомъ будку... Цѣпенѣя и леденѣя отъ ужаса, просыпался герой нашъ, и цѣпенѣя и леденѣя отъ ужаса, чувствовалъ, что и на-яв-то едва-ли веселѣе проводится время... Тяжело, мучительно было!.. Тоска подходила такая, какъ-будто кто сердце выѣдалъ изъ груди...

Наконецъ, господинъ Голядкинъ не могъ долѣе вытерпѣть. "Не будетъ же этого!" закричалъ онъ, съ рѣшимостью приподымаясь съ постели, и въ-слѣдъ за этимъ восклицаніемъ совершенно очнулся.

День, по-видимому, уже давно начался. Въ комнатѣ было какъ-то не по обыкновенному свѣтло; солнечные лучи густо процѣживались сквозь заиндѣвѣвшія отъ мороза стекла и обильно разсыпались по комнатѣ, что не мало удивило господина Голядкина; ибо развѣ только въ полдень заглядывало къ нему солнце своимъ чередомъ; прежде же такихъ исключеній въ теченіи небеснаго свѣтила, сколько, по-крайней-мѣрѣ, господинъ Голядкинъ самъ могъ припомнить, почти никогда не бывало. Только-что успѣлъ подивиться на это герой нашъ, какъ зажужжали за перегородкой стѣнные часы, и такимъ-образомъ совершенно приготовились бить. "А, вотъ!" подумалъ господинъ Голядкинъ, и съ тоскливымъ ожиданіемъ приготовился слушать... Но, къ совершенному и окончательному пораженію господина Голядкина, часы его понатужились и ударили всего одинъ разъ. "Это что за исторія?" вскричалъ нашъ герой, выскакивая совсѣмъ изъ постели. Такъ какъ былъ, не вѣря ушамъ своимъ, бросился онъ за перегородку. На часахъ былъ дѣйствительно часъ. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на кровать Петрушки; но въ комнатѣ даже не пахло Петрушкой: постель его, по-видимому, давно уже была прибрана и оставлена; сапоговъ его тоже нигдѣ не видать было, — несомнѣнный признакъ, что Петрушки дѣйствительно не было дома. Господинъ Голядкинъ бросился къ дверямъ: двери заперты. Не отлагая въ долгій ящикъ дѣла, господинъ Голядкинъ вбѣжалъ опять въ свою комнату, бросился на постель, завернулся въ одѣяло и крѣпко зажмурилъ глаза...

Съ минутку времени пролежалъ нашъ герой недвижимо; потомъ осторожно, боязливо, тихо открылъ оба глаза: — нѣтъ! перемѣны нѣтъ никакой; все было то же, по-прежнему. "Стало-быть, даже и не сонъ!" вскрикнулъ господинъ Голядкинъ: "стало-

быть, это я действительно, въ сущности, и наяву проспалъ за полдень! Да гдѣ же Петрушка?" продолжалъ онъ шепотомъ, весь въ страшномъ волненіи и чувствуя довольно-значительную дрожь во всѣхъ членахъ... Вдругъ одна мысль пронеслась въ головѣ его... Господинъ Голядкинъ бросился къ столу своему, оглядѣлъ его, обшарилъ кругомъ, — такъ и есть: вчерашняго письма его къ Вахрамѣеву не было... Петрушки за перегородкой тоже теперь совсѣмъ не было; на стѣнныхъ часахъ былъ часъ, а во вчерашнемъ письмѣ Вахрамѣева были введены какіе-то новые пункты, весьма, впрочемъ, съ перваго взгляда неясные пункты, но теперь совершенно-объяснившіеся пункты, лично и фамильно до господина Голядкина относящіеся... Наконецъ, и Петрушка, хотя и въ пьяномъ видѣ (и слѣдственно былъ въ своемъ правѣ, и потому съ него и спрашивать нечего) объявилъ же вчера, что другіе вдвойнѣ не живутъ, а живутъ по честности... Стало-быть, это все было такъ! Намекъ былъ ясный, козни враговъ обнаружены, и игра почти открывалась; играто шла, стало-быть, теперь на открытую... Ясное дѣло, что подкупывались теперь подъ самое сердце его благоденствія; ясное дѣло, что подкупали, шныряли, колдовали, гадали, шпионничали, что, наконецъ, хотѣли окончательной гибели господина Голядкина; можетъ-быть, уже назначили день... можетъ-быть, уже назначили часъ... Стало-быть, Петрушка подкупленъ и тоже теперь на ихъ сторонѣ переметчикомъ; стало-быть, вотъ какъ! Стало-быть, вотъ такую-то турнюру начали теперь дѣла принимать!.. Иначе чѣмъ же объяснить исчезновеніе Петрушки, вчерашнее поведеніе Петрушки, письмо Вахрамѣева съ обвинительными пунктами, сухость и жесткость отношеній съ начальствомъ, наконецъ, исчезновеніе письма, и то, что господинъ Голядкинъ проспалъ за полдень, — чѣмъ же все это объяснить, какъ не присутствіемъ, какъ не злонамѣреннымъ участіемъ во всѣхъ неудачахъ его новаго неблагопристойнаго лица, какъ не скрытными и подпольными кознями этого лица, для нанесенія всяческаго безбожнаго ущерба господину Голядкину... И господинъ Голядкинъ зналъ, какое это было лицо, зналъ, какая новая особа подмѣшалась, — и зналъ, почему подмѣшалась. Потому, что у Измайловскаго-Моста дѣло началось, потому и подмѣшалась: "И этого довольно для дальнѣйшаго уразумѣнія", подумалъ господинъ Голядкинъ. "Да и дѣло-то ясное было! Да и какъ, впрочемъ, такая простая мысль еще вчера миновала меня! какъ это я съ разу давно обо всемъ не смекнулъ! Отъ-того все и сдѣлалось; и хотя это и сплетня, хотя все это не болѣе, какъ выдумка бабья, старушья,

выдумка извѣстныхъ старухъ, стакнувшихся съ извѣстными лицами, чтобъ людей обморочить, чтобъ окончательно дорѣзать въ нравственномъ отношеніи человѣка, — но все это было именно такъ! Такъ это тамъ-то главный узелъ завязывался!" вскричалъ господинъ Голядкинъ, ударивъ себя по лбу, и все болѣе-и-болѣе открывая глаза: "такъ это въ гнѣздѣ этой скаредной Нѣмки кроется теперь вся главная нечистая сила! Такъ это, стало-быть, она только стратегическую диверсію дѣлала, указывая мнѣ на Измайловскій-Мостъ, — глаза отводила, мой покой отравляла, смущала меня (негодная вѣдьма!), и вотъ такимъ-то образомъ подкопы вела!!! Да, это такъ! это такъ! Если только съ этой стороны на дѣло взглянуть, то все это и будетъ вотъ именно такъ! Непремѣнно должно быть такъ! И появленіе мерзавца тоже теперь объясняется, вполне объясняется; это все одно къ одному. Они его давно ужъ держали, приготовляли и на черный день припасали. Онъ у нихъ закваска всей этой неблагопристойной интриги, и ими же сдѣланъ, для содѣйствія ихъ главнымъ и самымъ неблагонамѣреннымъ цѣлямъ. Вѣдь вотъ оно какъ теперь, какъ сказалось-то все! какъ разрѣшилось-то все! Такъ вотъ чего прихватило дѣльцо-то наше теперь! Стало-быть, маска упадетъ теперь, стало-быть, открывается все! Стало-быть безстыдство, развратъ и распутство не стыдятся теперь своей наготы, и рѣшаются среди бѣла дня идти открыто и съ поднятой головой... Но на этомъ-то они и опѣшатся; вотъ на этомъ-то они и колѣнку сшибутъ!" вскричалъ нашъ герой, припомнивъ себѣ при семъ затруднительномъ случаѣ, что невинность сильна уже одною своею невинностью... "И дивно, какъ это я вчера оплошалъ и ничего не замѣтилъ! А ну, ничего! Еще не потеряно время; еще, слава Богу, его не много ушло, и время еще совсѣмъ почти не потеряно!.." Тутъ господинъ Голядкинъ съ ужасомъ вспомнилъ, что уже часъ по полудни. "Что, если они теперь и успѣли!.." Стонъ вырвался у него изъ груди... "Да нѣтъ же, врутъ, не успѣли, — посмотримъ... а вотъ мы теперь возьмемъ да и посмотримъ, дескать того на чистую ногу... да и посмотримъ..." бормоталъ господинъ Голядкинъ, не слишкомъ-то себя понимая, растерявшись, блѣднѣя и трепеща отъ тоски и волненія. Наконецъ, нашъ герой, схватясь за платье, сталъ какъ-можно-скорѣй одѣваться...

Кое-какъ онъ одѣлся; не теряя времени, отперъ другимъ ключомъ квартиру, сбѣжалъ съ лѣстницы и уже не останавливаясь спросить дворника о своемъ человѣкѣ, зная, что все это лишнее, что все это въ стачкѣ, и одинъ на другомъ выѣзжаетъ, выбѣжалъ за во-

рота и побѣжалъ въ департаментъ. Впрочемъ, на углу Итальянской и Шестилавочной-Улицъ, герой нашъ успѣлъ еще во-время, благо-разумно одуматься, перемѣнить рѣшеніе свое, и положилъ на время воротиться домой. "Оно и нужды нѣтъ", думалъ онъ: "что пріопоздаю маленько. Не досказаннаго же слова вѣдь такъ нельзя оставлять. Въ должность-то, я во-первыхъ, успѣю рано ли, поздно ли, — развязка все та же. Все это кругомъ этого ходитъ. Я же могу и того... такъ и сдѣлаю... Къ его-то превосходительству я могу и позавечеркомъ побывать; дескать-того, такъ и такъ, дескать... экст-ра, — ввѣряюсь, — и при семъ представляю того... Оно вотъ и бу-детъ все такъ! Что же касается до главнаго дѣла, то къ худшему, кажется, его ужъ испортить нельзя; ужъ и такъ все исправно, все благополучнѣйшимъ образомъ обстоитъ. Во всякомъ же случаѣ то-му необходимо еще написать, и поскорѣй написать, предупредить, дурака припугнуть — именно припугнуть, непременно припугнуть; дескать такъ и такъ, сударь мой, а васъ того... припугнуть! Я вамъ, милостивый мой государь, глаза открываю, а Впрочемъ, желаю всѣмъ сердцемъ остаться съ вами въ дружескихъ и т. д., — это непременно нужно. А тому объявить рѣшительно, прямо, что игра его очень-запутана, дескать, крайне запутана, я васъ увѣряю... Что такъ или этакъ на дѣло смотрѣть, милостивый вы мой государь и мерзавецъ, а распутать вашу игру мы предоставимъ повыше кому-нибудь, почище насъ съ вами кому-нибудь, — дескать перенесемъ въ другую инстанцію, — махнемъ, дескать, и повыше куда-нибудь; дескать, сударь вы мой, и у насъ губа не дура; дескать, сударь вы мой, всякой человѣкъ собственный свой носъ бережетъ, лелѣетъ и охраняетъ его, а мы, сударь, свой сморкаемъ не лѣвой ногой, и т. д. Вотъ какъ мы сдѣлаемъ; вотъ оно какъ; т. е. на смѣлую ногу, заго-воримъ языкомъ прямымъ, благороднымъ, съ стальною, какъ гово-рится въ хорошемъ слогѣ, рѣшимостью и съ желѣзною твердостью, чего, какъ всему свѣту извѣстно, боится всякой подлець, и т. д. Или оно, можетъ-быть, и такъ можно сдѣлать... т. е. того... т. е. дѣлу дать другой оборотъ, т. е. этакъ энтаго, и — под-ли-сить... т. е. нѣтъ, зачѣмъ подлिसать... это подло, подлисить! а такъ, тоже можно языкомъ прямымъ, благороднымъ и совершенно на смѣлую ногу, т. е. того... такъ и такъ дескать, — дескать, если есть какая вина на мнѣ, то я готовъ на соглашеніе-то, пожалуй, готовъ, виноватъ, дес-кать... а Впрочемъ, и того... — ну, тамъ благороднымъ-образомъ, разумѣется..."

Тутъ господинъ Голядкинъ остановился и замѣтилъ, что онъ бросаетъ свой извѣстный, страшный, вызывающій взглядъ на гравированный портретъ шута Балакирева, висѣвшій въ его комнатѣ надъ постелью. Балакиревъ же только зубы скалилъ, поглядывая на господина Голядкина. Въ смущеніи оглядѣлся кругомъ нашъ герой и тутъ только увидѣлъ, что уже давнымъ-давно воротился въ свою комнату, чего было сначала совсѣмъ не замѣтилъ, углубясь въ свои разсужденія... Плюнувъ съ досады, господинъ Голядкинъ сбросилъ съ себя шинель и все прочее, ненужное въ комнатѣ, сѣлъ за столъ, схватилъ перо и много немедля, настрочилъ два нижеслѣдующія посланія, — одно Вахрамѣеву, а другое неблагородному господину Голядкину-младшему. Письмо къ Вахрамѣеву было слѣдующаго содержанія:

"Милостивый государь мой
Несторъ Игнатьевичъ!

Сохранивъ въ неприкосновенности и цѣлости благородство души, неразвращенное сердце и спокойную совѣсть (истинное богатство и счастье всякаго смертнаго!), принужденъ я, милостивый государь мой, вторично и не ожидая вашего отвѣта на вчерашнее письмо мое, объяснить съ вами и окончательно сказать теперь мое послѣднее слово. Стыжусь вчерашняго письма моего; ибо въ невинности моей и моемъ простосердечіи — качествахъ, заключающихъ въ себѣ настоящіе признаки истинно-благороднаго основанія, получаемаго преимущественно воспитаніемъ (чѣмъ такъ ложно и нагло гордятся нѣкоторые фальшивые и во всякомъ случаѣ бесполезные люди), — въ невинности моей и простосердечіи моемъ, повторяю, говорилъ я съ вами, милостивый мой государь, въ послѣднемъ письмѣ моемъ, языкомъ не ухищреній и не подпольныхъ скрытныхъ козней, но открытымъ, благороднымъ, внушеннымъ мнѣ истиннымъ убѣжденіемъ въ чистотѣ моей совѣсти и въ презрѣніи, питаемомъ мною къ отвратительному и во всѣхъ отношеніяхъ сожалѣнія достойному лицемѣрству. Перемѣняю языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительноше прошу васъ, милостивый мой государь, считать вчерашнее, воровски-пріобрѣтенное Петрушкою письмо мое къ вамъ, какъ-бы неполученнымъ вами, какъ-бы несуществовавшимъ вовсе, или, если невозможно все это, то по-крайней-мѣрѣ умоляю васъ, милостивый мой государь, читать его совершенно-наоборотъ, въ обратномъ смыслѣ, т. е. нарочито толкуя смыслъ рѣчей моихъ въ совершенно имъ обратную сторону. Ибо я не только не желаю те-

перь свиданія съ извѣстною вамъ особою женскаго пола, но вполнѣ отвергаю ради собственной личной и интереса моего безопасности, даже какія-либо отдаленнѣйшія и невиннѣйшія съ нею сношенія. Отвергалъ же сію особу и чуждался ея и тогда, когда безъ всякаго съ моей стороны повода къ нарушенію приличій жилъ я, въ сообществѣ вашемъ и другихъ, сердцу моему на-вѣки милыхъ людей, въ квартирѣ этой особы, пользуясь ея столомъ и прислугою. Также точно намѣренъ я чуждаться ея и теперь, когда извѣстился изъ писаннаго вами отъ ** сего мѣсяца письма, о незаконномъ и во всякомъ случаѣ безчестномъ для особы благонадежнаго воспитанія приобрѣтеніи фунта сахара, въ видѣ кусковъ, чрезъ вора Петрушку, чему даже радъ; ибо имѣю теперь въ рукахъ письменный и подлинный документъ о фальшивыхъ ея добродѣтеляхъ. Наконецъ, и надѣюсь, что вы въ прямотѣ вашего истинно-откровеннаго характера вполнѣ согласитесь, что подкупъ Петрушки, переманка его къ себѣ въ услуженіе и подсовываніе съ вашей, милостивый мой государь, стороны Евстафія, какъ способнаго по вашимъ хитрымъ словамъ къ услуженію холостому и благонравнаго поведенія молодому человѣку, — а между-тѣмъ, негодяя, какого даже и свѣтъ не производилъ до-сихъ-поръ, — говорятъ въ мою пользу даже болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Вѣрьте, милостивый мой государь (если еще не удалось вамъ доселѣ увѣриться), что на все въ свѣтѣ существуетъ расправа, и что надъ нашимъ братомъ существуетъ также начальство. Лживыхъ же писемъ моихъ къ сей особѣ, какъ несправедливо увѣряете вы, милостивый государь, въ вашемъ письмѣ, не существовало никогда, и, слѣдовательно, документовъ противъ меня никакихъ не имѣется. Извѣстному же, постыдному своимъ направлениемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастному лицу, играющему теперь жалкую, и кромѣ того, опасную роль подставнаго и самозванца, скажите, что, во-первыхъ, 1) самозванство, и паче всего безстыдство и наглость никогда и никого не приводили къ чему-нибудь хорошему и нравственному; 2) что Отрепьевы въ нашемъ вѣкѣ невозможны; 3) что четверостишіе, будто имъ-самимъ сочиненное и написанное имъ въ бытность у меня съ крокодиловыми и, слѣдовательно, обманчивыми слезами умиленія, я берегу у себя, какъ свидѣтельство передъ цѣлымъ свѣтомъ противъ возмущающаго душу разврата и безстыдства, — качествъ, ведущихъ къ гибели, — и что, наконецъ, 4) близнецомъ я ни чѣмъ не именовался и никогда не бывалъ; что претензія эта заслужитъ ему скорѣе осмѣяніе и позоръ со стороны всѣхъ людей, чѣмъ какое-либо исполненіе его гнусныхъ желаній, и

что шутить, наконецъ, я съ собой не позволю. Скажите имъ всѣмъ, милостивый мой государь, что я не изъ тѣхъ людей, которые боятся суда или очной ставки, чувствуя, что и сами-то прихватили на душу немного грѣшка, и посему зайцемъ впередъ забѣгаютъ; что я не изъ тѣхъ людей, которые всячески готовы протянуть свой носъ подъ щелчокъ, да потомъ еще и благодарятъ за него; что я, наконецъ, не изъ тѣхъ людей, которые, если сошьютъ, наприимѣръ себѣ у портнаго панталоны по модѣ, съ хорошими штрибками, то по глупости своей и подобно дуракамъ, чувствуютъ себя на весь день уже совершенно-счастливыми. Въ заключеніе скажу, что деньги, слѣдуемая вамъ, милостивый государь мой, за продажу мнѣ бритвъ, почту священнѣйшимъ для меня долгомъ возвратить всѣ сполна, и съ низайшею при семъ благодарностью.

Впрочемъ, пребываю къ вамъ въ уваженіи
и остаюсь вашимъ
Милостиваго государя моего,
покорнѣйшимъ слугою
Я. Голядкинъ."

Письмо къ господину Голядкину-младшему было слѣдующаго содержанія:

"Милостивый государь мой
Яковъ Петровичъ!

Либо вы, либо я, а вмѣстѣ намъ невозможно! И потому объявляю вамъ, что странное, смѣшное, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ-невозможное желаніе ваше — казаться моимъ близнецомъ и выдавать себя за таковаго, послужить ни къ чему иному, какъ къ совершенному вашему безчестію и пораженію. Я не знаю, или лучше сказать, не помню хорошенько, изъ какихъ вы земель, но христіански предупреждаю васъ, что самозванствомъ здѣсь, у насъ, и въ нашъ вѣкъ не возьмешь, и что мы живемъ не въ лѣсу. И потому прошу васъ, ради собственной же выгоды вашей, сбросить маску свою, посторониться и дать путь людямъ истинно-благороднымъ и съ цѣлями благонамѣренными. Въ противномъ же случаѣ, готовъ буду рѣшиться даже на самыя крайнія мѣры; тогда маска сама-собою спадетъ и кое-что само-собою обнажится; изъ сожалѣнія же къ вамъ, васъ увѣдомляю объ этомъ. Во всякомъ же случаѣ предупре-

жду васъ теперь въ послѣдній разъ. Потомъ будетъ поздно. Кладу перо и ожидаю...

Впрочемъ, пребываю во всякомъ случаѣ готовымъ на услуги

Я. Голядкинъ."

Энергически потеръ себѣ руки герой нашъ, когда кончилъ свои оба письма. Господинъ Голядкинъ былъ замѣтно въ сильномъ волненіи, какъ-будто-бы уже и совсѣмъ разгромилъ всѣхъ враговъ своихъ, и окончательно разрушилъ всѣ ихъ отвратительныя и низкія козни. Особенно же разгорячился онъ, дописывая свои послѣднія строки. Дѣло въ томъ, что самъ онъ сильно почувствовалъ наконецъ, что находится въ правѣ своемъ. Съ любовью и съ надеждой взглянулъ онъ еще разъ на горячія, уже остывавшія въпрочемъ строки, потомъ свернулъ оба письма и запечаталъ въ два разные конверта. "А теперь и за работу" немедля сказалъ господинъ Голядкинъ, вставая съ своего дивана: "теперь я имъ въ контру, и какъ-можно-скорѣе. Предупредить же ихъ можно, очень-возможно; если бы только не поздно. Эхъ, эхъ, да уже третій въ началѣ!"

Дѣйствительно, уже четверть третьяго показывали часы господина Голядкина, когда пришлось ему окончить свою переписку. Не смотря на то, что оба письма были весьма-небольшія, слогъ ихъ достался нашему герою весьма-нелегко. Особенно, нужно было сильно работать въ началѣ, на первыхъ страницахъ. Молча взялъ господинъ Голядкинъ свою шляпу и довольно-медленно сталъ натягивать шинель на плеча. Дѣло-то было дѣйствительно странное. Штука-то, въпрочемъ, выходила опять весьма-нехорошая! Оно, конечно, въпрочемъ, если такъ судить, съ одной стороны, на дѣло смотрѣть, то и ничего пожалуй, — ну, да; а если этакъ взяться съ другой стороны, оно и не такъ выходило, такъ глядѣло-то оно совершенно другимъ. Дѣло было въ томъ, что и теперь, написавъ свои два письма, полюбовавшись ими и наконецъ совсѣмъ запечатавъ, герой нашъ все еще былъ въ какомъ-то раздумьи. "Впрочемъ, зачѣмъ я ихъ написалъ эти письма-то?" говорилъ онъ самъ про-себя, взявъ свою шляпу и вторично выходя изъ квартиры: "зачѣмъ же это, по настоящему-то, я ихъ написалъ? Оно, конечно, и того... да не рано ли? Не лучше ли выждать? — такъ... этакъ благоразумно умолчать до времени; показать видъ, что не хочу

умолчать до времени; показать видъ, что не хочу вызывать, что самъ на непріятность не хочу выходить, покамѣстъ мимо ушей пропускаю, — вотъ оно какъ! А то вѣдь это будетъ рѣшительный шагъ — шагъ смѣлый, — шагъ даже ужъ и слишкомъ-рѣшительный, если этакъ все начать говорить, — шагъ, который за собою можетъ повлечь — повлечь, что нибудь весьма-непріятное... Гм... эхъ плохо, плохо! Эхъ дѣльцо-то наше какъ теперь плоховато... гм! Весьма, впрочемъ, плохо и то, что я такъ опоздалъ непростительно; — какъ мнѣ теперь? Заходить туда какъ-то жутко; къ-тому же, почти и смеркается... Эхъ, плохо, плохо!.. Впрочемъ, любопытно бы знать, какъ тамъ того, и на какой онъ ногѣ теперь..."

"Дескать, на какой-то вы тамъ ногѣ, милостивый мой государь?" бормоталъ господинъ Голядкинъ пріѣхавъ и слѣзая съ извозчика. "Дескать на что вы рѣшились, и что-то вы теперь подѣлываете, желательно знать?..." продолжалъ онъ бормотать, расплачиваясь съ извозчикомъ и отчасти не помня себя отъ волненія. "Да ну! ничего, впрочемъ" сказалъ онъ наконецъ въ заключеніе: "а вотъ однакожь, я все про то..."

"Плохо, и дѣйствительно плохо, что я эти два письма написалъ; и такимъ слогомъ, наконецъ, написалъ; гораздо бы лучше было, еслибы написать ихъ болѣе въ дружескомъ, въ пріятельскомъ тонѣ... Вахрамѣеву, на примѣръ, тамъ, между-прочимъ... дескать, такъ и такъ, милый другъ, помню пріятныя минуты, проведенныя вмѣстѣ съ тобою, и особенно тотъ незабытый вечеръ и т. д., и тутъ между-прочимъ такъ, попенять ему только... дескать, посылаю тебѣ, милый другъ, два цѣлковыхъ за бритвы; спасибо, что напомнилъ, а между-прочимъ позволь тебѣ сказать по-дружески, милый другъ, что я такъ и такъ, прочелъ письмо твое (тутъ отчасти можно и шуточкой) и вижу, что ты, волокита и коварный измѣнникъ (такой ты сякой), стоишь рыцаремъ за германскую красотку съ бѣльмомъ на глазу, т. е. за извѣстную намъ особу женскаго пола... Впрочемъ, о бѣльмѣ-то и умолчать не мѣшаетъ. Дуракъ дѣйствительно имѣетъ виды на ту сторону... да ну, ничего, это лишнее, а вотъ: — и такъ, милый другъ, объяснивъ тебѣ то-то и то-то, заключаю письмо и пребываю твоимъ вѣрнѣйшимъ Голядкинымъ, и т. д. — вотъ оно какъ! Впрочемъ, такъ или этакъ, а оно все-таки и того... Эхъ плохо, плохо! Остеречься бы нужно, выждать-было бы нужно, до времени, когда бы еще болѣе обнаружилось дѣло... Э, да ну, ничего! Поживешь — попривыкнешь; а вотъ мы теперь и того, и изслѣдуемъ дѣло; это дѣйствительно по нашей части изслѣдовать дѣло; оно и

всегда, наконецъ, было по нашей части изслѣдовать дѣло какое-нибудь... Такъ-таки взять да проникнуть..." говорилъ господинъ Голядкинъ, остановившись въ раздумьи у департаментской лѣстницы. "Дѣло-то въ томъ, что дѣйствительно войдти или нѣтъ? Оно, конечно, съ одной стороны, пожалуй и того, но съ другой стороны оно, пожалуй, и опять тоже самое. Эхъ плохо, плохо! эхъ дѣльцо-то наше какъ теперь плоховато!.." Наконецъ, господинъ Голядкинъ рѣшился немножко. Впрочемъ, рѣшившись немножко, господинъ Голядкинъ тутъ же открылъ, что не лучше ли послѣ, что не лучше ли этакъ, какимъ-нибудь тамъ и того, дескать, послѣ; а теперь на смѣлую ногу, да и другимъ путемъ какъ-нибудь; а то вѣдь это значило обнаруживать слишкомъ игру и самому въ петлю лѣзть. А оно и всегда бываетъ не совсѣмъ-то хорошо обнаруживать много; если ужъ все говорить, если на то пошло, чтобъ ужъ все говорить, такъ оно и не всегда бываетъ хорошо свой носъ далеко выставлять и въ карты свои позволять заглядывать. Дѣло было въ томъ, что господинъ Голядкинъ дѣйствительно и весьма-вѣрно предчувствовалъ, что наступаетъ минута рѣшительная, что дѣло развязывается, что интрига, коварство и измѣна работаютъ, и что, наконецъ, враги совершенно предупредили его, взяли верхъ, и что, наконецъ, развязка теперь на носу. "Конечно" думалъ герой нашъ: "конечно, это все можно преждевременно разузнать подъ рукою, обо всемъ этомъ можно разузнать предварительно, можно узнать, напимѣръ, и въ передней, каковъ онъ дѣйствительно тамъ-то, и на какой онъ ногѣ; а носу своего далеко не выставлять; дескать, носъ-то свой нужно теперь поберечь; потому-что оно ко вреду человѣка бываетъ далеко свой носъ выставлять, — дескать, вотъ оно какъ, и т. д."

Вотъ такимъ-то образомъ опадаль и терялся герой нашъ, недоумѣвая, что сдѣлать и какъ ему поступать въ своемъ затруднительномъ обстоятельстве. Вдругъ, одно повидимому весьма-маловажное обстоятельство разрѣшило нѣкоторыя сомнѣнія господина Голядкина, и хотя только отчасти помогло ему, но по-крайней-мѣрѣ поставило на битую дорогу, на истинный путь. Изъ-за угла департаментскаго зданія вдругъ показалась запыхавшаяся и раскраснѣвшаяся, вѣроятно отъ скорой ходьбы, фигурка, и украдкой, крысиной походкой, шмыгнула на крыльцо, и потомъ тотчасъ же въ сѣни. Это былъ писарь Остафьевъ, человѣкъ весьма-знакомый господину Голядкину, человѣкъ отчасти нужный и за гривенникъ готовый на все. Зная нѣжную струнку Остафьева, и смекнувъ, что онъ послѣ отлучки за самонужнѣйшей надобностью,

вѣроятно сталь еще болѣе прежняго падохъ на гривенники, герой нашъ рѣшился ихъ не жалѣть, и тотчасъ же шмыгнулъ на крыльцо, а потомъ и въ сѣни въ-слѣдъ за Остафьевымъ, кликнулъ его, и съ таинственнымъ видомъ пригласилъ въ сторонку, въ укромный уголокъ, за огромную желѣзную печку. Заведя его туда, герой нашъ началъ спрашивать.

— Ну, что, мой другъ, какъ этакъ тамъ, того... ты меня понимаешь?...

— Слушаю, ваше благородіе, здравія желаю вашему благородію.

— Хорошо, мой другъ, хорошо; а я тебя послѣ поблагодарю, милый другъ. Ну, вотъ видишь, какъ же, мой другъ?

— Что изволите спрашивать-съ? Тутъ Остафьевъ попридержалъ немного рукою свой нечаянно-раскрывшійся ротъ.

— Я, вотъ видишь ли, мой другъ, я того... а ты не думай чего-нибудь... Ну что, Андрей Филипповичъ здѣсь?...

— Здѣсь-съ.

— И чиновники здѣсь?

— И чиновники тоже-съ, какъ слѣдуетъ-съ.

— И его превосходительство тоже?

— И его превосходительство тоже-съ. Тутъ писарь еще другой разъ попридержалъ свой опять раскрывшійся ротъ и какъ-то любопытно и странно посмотрѣлъ на господина Голядкина. Герою нашему, по-крайней-мѣрѣ, такъ показалось.

— И ничего особеннаго такого нѣту, мой другъ?

— Нѣтъ-съ; никакъ нѣтъ-съ.

— Этакъ обо мнѣ, милый другъ, нѣтъ ли чего-нибудь тамъ, этакъ чего-нибудь только... а? только такъ, мой другъ, понимаешь?

— Нѣтъ-съ, еще ничего не слышно покамѣстъ. Тутъ писарь опять попридержалъ свой ротъ и опять какъ-то странно взглянулъ на господина Голядкина. Дѣло въ томъ, что герой нашъ старался теперь проникнуть въ фізіономію Остафьева, прочесть на ней кое-что, не таится ли чего-нибудь. И дѣйствительно, какъ-будто что-то такое таилось; дѣло въ томъ, что Остафьевъ становился все какъ-то грубѣе и суше, и не съ такимъ уже участіемъ, какъ съ начала разговора, входилъ теперь въ интересы господина Голядкина. "Онъ отчасти въ своемъ правѣ" подумалъ господинъ Голядкинъ: "вѣдь что жь я ему? Онъ, можетъ-быть, уже и получилъ съ другой стороны, а потому и отлучился по самонужнѣйшей-то. А вотъ я ему и того..." Господинъ Голядкинъ понялъ, что время гривенниковъ наступило.

— Вотъ тебѣ, милый другъ...
— Чувствительно благодаренъ вашему благородію.
— Еще болѣе дамъ.
— Слушаю, ваше благородіе.
— Теперь, сейчасъ еще болѣе дамъ, и когда дѣло кончится, еще столько же дамъ. Понимаешь?

Писарь молчалъ, стоялъ въ струнку и неподвижно смотрѣлъ на господина Голядкина.

— Ну, теперь говори: про меня ничего не слышно?

— Кажется, что еще, покамѣстъ... того-съ... ничего нѣтъ покамѣстъ-съ. Остафьевъ отвѣчалъ съ разстановкой, тоже, какъ и господинъ Голядкинъ, наблюдая немного таинственный видъ, подергивая немного бровями, смотря въ землю, стараясь попасть въ надлежащій тонъ, и, однимъ словомъ, всѣми силами стараясь наработать обѣщанное, потому-что данное онъ уже считалъ за собою и окончательно-пріобрѣтеннымъ.

— И неизвѣстно ничего?

— Покамѣстъ еще нѣтъ-съ.

— А послушай... того... оно, можетъ-быть, будетъ извѣстно?

— Потомъ, разумѣется, можетъ-быть, будетъ извѣстно-съ.

— Плохо! подумалъ герой нашъ. Послушай; вотъ тебѣ еще, милый мой.

— Чувствительно благодаренъ вашему благородію.

— Вахрамѣевъ былъ вчера здѣсь?..

— Были-съ.

— А другаго кого-нибудь не было ли?... Припомни-ка, братецъ?

Писарь порылся съ минутку въ своихъ воспоминаніяхъ и надлежащаго ничего не припомнилъ.

— Нѣтъ-съ, никого другаго не было-съ.

— Гм. — Послѣдовало молчаніе.

— Послушай, братецъ, вотъ тебѣ еще; говори все, всю подноготную.

— Слушаю-съ. Остафьевъ стоялъ теперь точно шелковый: того и надобно было господину Голядкину.

— Объясни мнѣ, братецъ, теперь, на какой онъ ногѣ?

— Ничего-съ, хорошо-съ, отвѣчалъ писарь, во всѣ глаза смотря на господина Голядкина.

— Т. е. какъ хорошо?

— Т. е. такъ-съ. Тутъ Остафьевъ значительно подернулъ бровями. Впрочемъ, онъ рѣшительно становился въ тупикъ и не зналъ, что ему еще говорить. "Плохо!" подумалъ господинъ Голядкинъ.

— Нѣтъ ли у нихъ дальнѣйшаго чего-нибудь съ Вахрамьевымъ-то?

— Да и все какъ и прежде-съ.

— Подумай-ка.

— Есть, говорятъ-съ.

— А ну, что же такое?

Остафьевъ попридержалъ рукою свой ротъ.

— Письма оттудова нѣтъ ли ко мнѣ?

— А сегодня сторожъ Михѣевъ ходилъ къ Вахрамьеву на квартиру, туда-съ, къ Нѣмкѣ ихней-съ, такъ вотъ я пойду и спрошу, если надобно.

— Сдѣлай одолженіе, братецъ, ради Создателя!.. Я только такъ... Ты, братъ, не думай чего-нибудь, а я только такъ. Да разспроси, братецъ, разузнай, не готовится ли что-нибудь тамъ на мой счетъ. Онъ-то какъ дѣйствуетъ? вотъ мнѣ что нужно; вотъ это ты и узнай, милый другъ, а я тебя потомъ и поблагодарю, милый другъ...

— Слушаю-съ, ваше благородіе, а на вашемъ мѣстѣ Иванъ Семенычъ сѣли сегодня-съ.

— Иванъ Семенычъ? А! да! не-уже-ли?

— Андрей Филипповичъ указали имъ сѣсть-съ...

— Не-уже-ли? по какому же случаю? Разузнай это, братецъ; ради Создателя разузнай это, братецъ; разузнай это все, — а я тебя поблагодарю, милый мой; вотъ что мнѣ нужно... А ты не думай чего-нибудь, братецъ...

— Слушаю-съ, слушаю-съ, тотчасъ сойду сюда-съ. Да вы, ваше благородіе, развѣ не войдете сегодня?

— Нѣтъ, мой другъ; я только такъ, я вѣдь такъ только, я посмотрѣть только пришелъ, милый другъ, а потомъ я тебя и поблагодарю, милый мой.

— Слушаю-съ. Писарь быстро и усердно побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, а господинъ Голядкинъ остался одинъ.

"Плохо!" подумалъ онъ. "Эхъ, плохо, плохо! Эхъ дѣльцо-то наше... какъ теперь плоховато! Что бы это значило все? чего это они тамъ еще прихватили? что именно значили нѣкоторые намеки этого пьяницы, на-примѣръ, и чья это штука? А! я теперь знаю чья,

это штука. Это вотъ какая штука. Они вѣрно узнали, да и посадили... Впрочемъ, что жь посадили? это Андрей Филипповичъ его посадилъ, Ивана-то Семеновича; да впрочемъ, зачѣмъ же онъ его посадилъ, и съ какою именно цѣлью посадилъ? Вѣроятно, узнали... Это Вахрамѣевъ работаетъ, т. е. не Вахрамѣевъ, онъ глупъ, какъ простое осиновое бревно, Вахрамѣевъ-то; а это они всѣ за него работаютъ, да и шельмеца-то за тѣмъ же самымъ сюда натравили; а Нѣмка нажаловалась одноглазая! Я всегда подозрѣвалъ, что вся эта интрига не проста, и что во всей этой бабьей, старушьей сплетнѣ непременно есть что-нибудь; то же самое я и Крестьяну Ивановичу говорилъ, что дескать поклялись зарѣзать, въ нравственномъ смыслѣ говоря, человѣка, да и ухватились за Каролину Ивановну. Нѣтъ, тутъ мастера работаютъ видно! тутъ, сударь мой, работаетъ мастерская рука, а не Вахрамѣевъ какой-нибудь. Уже сказано, что глупъ Вахрамѣевъ, а это... я знаю теперь, кто здѣсь за нихъ всѣхъ работаетъ: это шельмецъ работаетъ, самозванецъ работаетъ! На этомъ одномъ онъ и лѣпится, что доказываетъ отчасти и успѣхи его въ высшемъ обществѣ. А дѣйствительно, желательно бы знать было, на какой онъ ногѣ теперь... что-то онъ тамъ у нихъ? — Только зачѣмъ же они тамъ взяли Ивана-то Семеновича? на какой имъ чортъ было нужно Ивана Семеновича? точно нельзя ужь было достать другаго кого. Впрочемъ, кого ни посади, все было бы то же самое; а что я только знаю, такъ это то, что онъ, Иванъ-то Семеновичъ, былъ мнѣ давно подозрителенъ, я про него давно замѣчалъ: старикашка такой, скверный, гадкїй такой, — говорятъ, на проценты даетъ и жидовскїе проценты беретъ. А вѣдь это все медвѣдь мастерить. Во все-то обстоятельство медвѣдь замѣшался. Началось-то оно такимъ образомъ. У Измайловскаго-Моста оно началось; вотъ оно какъ началось..." Тутъ господинъ Голядкинъ сморщился, словно лимонъ разгрызъ, вѣроятно припомнивъ что-нибудь весьма-непрїятное. "Ну, да ничего, впрочемъ!" подумалъ онъ. "А вотъ только, я все про свое. Что же это Остафьевъ не идетъ? Вѣроятно, засѣлъ или былъ остановленъ тамъ какъ-нибудь. Это вѣдь и хорошо отчасти, что я такъ интригую и съ своей стороны подкопы веду. Остафьеву только гривенникъ нужно дать, такъ онъ и того... и на моей сторонѣ. Только вотъ дѣло въ чемъ: точно ли онъ на моей сторонѣ; можетъ-быть, они его тоже съ своей стороны... и съ своей стороны согласясь съ нимъ, интригу ведутъ. Вѣдь разбойникомъ смотритъ, мошенникъ, чистымъ разбойникомъ! Таится, шельмецъ! "Нѣтъ, ничего" говорить "и чувствительно, дескать, вамъ, ваше

благородіе, говоритъ, благодаренъ." Разбойникъ ты этакой! Это все именно такъ; и какъ говорилъ сейчасъ, непременно одинъ на другомъ выѣзжаетъ; а можетъ-быть и не такъ... впрочемъ, можетъ-быть, оно и совсѣмъ не такъ, а просто другимъ какимъ скрытнымъ дѣлается образомъ. Эхъ плохо, плохо! Эхъ плохо, плохо! ну, да все ничего! оно можетъ-быть и все ничего, а только бы вотъ онъ-то пришелъ, только бы ко мнѣ-то пришелъ! Что-то онъ тамъ? А то бы вышла интрига хорошая, въ пику имъ вышла бы; дескать, дѣла мои, пускай вы тамъ и такъ и этакъ и по-своему, а вотъ дескать у насъ здѣсь есть и по-нашему. Вотъ оно какъ, сударь мой; въ пику, дескать, вамъ интригу ведемъ, на благородную, открытую ногу интригу ведемъ..."

Послышался шумъ... господинъ Голядкинъ съежился и прыгнулъ за печку. Кто-то сошелъ съ лѣстницы и вышелъ на улицу. "Кто бы это такъ отправлялся теперь?" подумалъ про-себя нашъ герой. Черезъ минутку послышались опять чьи-то шаги... Тутъ господинъ Голядкинъ не вытерпѣлъ и высунулъ изъ-за своего бруствера маленькій-маленькій кончикъ носу — высунулъ и тотчасъ же осѣкся назадъ, словно кто ему булавкой носъ укололъ. На этотъ разъ проходилъ извѣстно кто, т. е. шельмецъ, интригантъ и развратникъ, — проходилъ по обыкновенію своимъ подленькимъ частымъ шажкомъ, присеменявая и выкидывая ножками такъ, какъ будто-бы собирался кого-то лягнуть. "Подлецъ!" проговорилъ про-себя нашъ герой. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ не могъ не замѣтить, что у подлнца подъ мышкой былъ огромный зеленый портфель, принадлежавшій его превосходительству. "Онъ это опять по особому" подумалъ господинъ Голядкинъ покраснѣвъ и съежившись еще болѣе прежняго отъ досады. Только-что господинъ Голядкинъ-младшій промелькнулъ мимо господина Голядкина-старшаго, совсѣмъ не замѣтивъ его, какъ послышались въ третій разъ чьи-то шаги, и на этотъ разъ господинъ Голядкинъ догадался, что шаги были писарскіе. Дѣйствительно, какая-то примазанная писарская фигурка заглянула къ нему за печку; фигурка, впрочемъ, была не Остафьева, а другаго писаря, Писаренки по прозванію. Это изумило господина Голядкина. "Зачѣмъ же это онъ другихъ въ секретъ замѣшалъ?" подумалъ герой нашъ: "экіе варвары! святаго у нихъ ничего не имѣется!" — Ну, что, мой другъ? проговорилъ онъ, обращаясь къ Писаренкѣ: ты, мой другъ, отъ кого?...

— Вотъ-съ, по вашему дѣльцу-съ. Ни отъ кого извѣстій покамѣстъ нѣтъ никакихъ-съ. А если будутъ, увѣдомимъ-съ.

— А Остафьевъ?...

— Да ему, ваше благородіе, никакъ нельзя-сь. Его превосходительство уже два раза проходили по отдѣленію, да и мнѣ теперъ некогда.

— Спасибо, милый мой, спасибо тебѣ... Только ты мнѣ скажи...

— Ей-Богу же, некогда-сь... Поминутно насъ спрашиваютъ-сь... А вотъ вы извольте здѣсь еще постоять-сь, такъ если будетъ что-нибудь относительно вашего дѣльца-сь, такъ мы васъ увѣдомимъ-сь...

— Нѣтъ, ты, мой другъ, ты скажи...

— Позвольте-сь; мнѣ некогда-сь, говорилъ Писаренко, порываясь отъ ухватившаго его за полу господина Голядкина: — право, нельзя-сь. Вы извольте здѣсь еще постоять-сь, такъ мы и увѣдомимъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, другъ мой! сейчасъ, милый другъ! Вотъ что теперъ: вотъ два письма, мой другъ; а я тебя поблагодарю, милый мой.

— Слушаю-сь.

— Вотъ это письмо ты возьмешь, милый мой; потомъ возьмешь сторожа или разсылнаго, кого-нибудь, и вручишь ему, чтобъ доставилъ по адресу губернскому секретарю Вахрамѣеву; а я тебя поблагодарю, милый мой...

— Понимаю-сь. Вотъ какъ уберусь, такъ снесу.

— А вотъ это другое письмо, милый мой, ты постарайся отдать, милый мой, господину Голядкину.

— Голядкину?

— Да, мой другъ, господину Голядкину. Тутъ, видишь ли, мой другъ, есть два господина Голядкина. Это такъ уже случилось... исторія странная, милый ты мой, — прибавилъ, усмѣхнувшись черезъ силу, для приличія, нашъ герой, съ тою цѣлью, чтобы Писаренко не подумалъ чего-нибудь, и чтобъ ясно дать ему знать, что это все ничего, и что господинъ Голядкинъ самъ ничѣмъ не смущается.

— Хорошо-сь; вотъ какъ уберусь, такъ снесу-сь. А вы здѣсь стойте покамѣсть. Здѣсь никто не увидитъ...

— Нѣтъ, я, мой другъ, ты не думай... я вѣдь здѣсь стою не для того, чтобъ кто-нибудь не видѣлъ меня. А я, мой другъ, теперъ буду не здѣсь...

— Слушаю, — слушаю...

— А я, мой другъ, буду вотъ здѣсь въ переулочкѣ. Кофейная есть здѣсь одна; такъ я тамъ буду ждать, а ты, если случится что, и увѣдомляй меня обо всемъ, понимаешь?

— Хорошо-съ. Пустите только; я понимаю...

— А я тебя поблагодарю, милый мой! кричалъ господинъ Голядкинъ, вслѣдъ освободившемуся наконецъ Писаренкѣ... "Шельмецъ, кажется, грубѣе сталъ послѣ", — подумалъ герой нашъ, украдкой выходя изъ-за печки. "Тутъ еще есть крючокъ. Это ясно... Сначала былъ и того и сего... Впрочемъ, онъ и дѣйствительно торопился; можетъ-быть, дѣла тамъ много. И его превосходительство два раза ходили по отдѣленію... По какому бы это случаю было?... Ухъ! да ну, ничего! оно, впрочемъ, и ничего, можетъ-быть; а вотъ мы теперь и посмотримъ..."

Тутъ господинъ Голядкинъ отворилъ-было дверь и хотѣлъ уже выйдти на улицу, какъ вдругъ въ это самое мгновеніе у крыльца загремѣла карета его превосходительства. Не успѣлъ господинъ Голядкинъ опомниться, какъ отворились изнутри дверцы кареты, и сидѣвшій въ ней господинъ выпрыгнулъ на крыльцо. Приѣхавшій былъ не кто иной, какъ тотъ же господинъ Голядкинъ-младшій, минутъ десять тому назадъ отлучившійся. Господинъ Голядкинъ-старшій вспомнилъ, что квартира директора была въ двухъ шагахъ. "Это онъ по особому" подумалъ нашъ герой про-себя. Между-тѣмъ, господинъ Голядкинъ-младшій, захвативъ изъ кареты толстый зеленый портфель и еще какія-то бумаги, приказавъ наконецъ что-то кучеру, отворилъ дверь, почти толкнувъ ею господина Голядкина-старшаго, и нарочно не замѣтивъ его, и, слѣдовательно, дѣйствуя такимъ-образомъ ему въ пику, пустился скоробѣжкой вверхъ по департаментской лѣстницѣ. "Плохо!" подумалъ господинъ Голядкинъ: "эхъ дѣльцо-то наше чего прихватило теперь! Ишь его, Господи Богъ мой!" Съ пол-минутки еще простоялъ нашъ герой неподвижно; — наконецъ онъ рѣшился. Долго не думая, чувствуя впрочемъ сильное трепетаніе сердца и дрожь во всѣхъ членахъ, побѣждалъ онъ вслѣдъ за пріятелемъ своимъ вверхъ по лѣстницѣ. "А! была не была; что же мнѣ-то такое? я сторона въ этомъ дѣлѣ", думалъ онъ, снимая шляпу, шинель и калоши въ передней. "Штука, впрочемъ, еще впереди, а пусть ее, право! а я вотъ теперь и на смѣлую ногу, этакъ рѣшительно-смѣло, благороднымъ путемъ, — маску снимая, — человѣкъ же притомъ въ своемъ правѣ... того — и т. д. — да ну, ничего!"

ГЛАВА XI.

Враги г. Голядкина идутъ на открытую, при чемъ маска спадаетъ съ нѣкоторыхъ лицъ окончательно, и многое, — совершенно, впрочемъ, ненужное, — обнажается. Г-нъ Голядкинъ доказываетъ при семъ удобномъ случаѣ, что есть такія движенія души, которымъ всякое начальство должно бы было до-нельзя сочувствовать; но Антонъ Антоновичъ Стѣпочкинъ, передавши на сторону враговъ г-на Голядкина, доказываетъ совершенно-противное. О томъ, до какой степени благонамѣренно направленіе г-на Голядкина. Не смотря на это, никто не сочувствуетъ г-ну Голядкину, и онъ рѣшительно не можетъ ни съ кѣмъ объясниться.

Когда господинъ Голядкинъ вошелъ въ свое отдѣленіе, были уже полныя сумерки. Ни Андрея Филипповича, ни Антона Антоновича не было въ комнатѣ. Оба они находились въ директорскомъ кабинетѣ съ его докладами; директоръ же, какъ по слухамъ извѣстно было, въ свою очередь спѣшилъ къ его высокопревосходительству. Въ-слѣдствіе таковыхъ обстоятельствъ, да еще потому-что и сумерки сюда подмѣшались и кончалось время присутствія, нѣкоторые изъ чиновниковъ, преимущественно же молодежь, въ ту самую минуту, когда вошелъ нашъ герой, занимались нѣкотораго рода бездѣйствіемъ, сходились, разговаривали, толковали, смѣялись, и даже кое-кто изъ самыхъ юнѣйшихъ, т. е. изъ самыхъ безчиновныхъ чиновниковъ, въ-тихомолочку и подъ общій шумокъ составили орлянку въ углу у окошка. Зная приличіе и чувствуя въ настоящее время какую-то особенную надобность пріобрѣсть и найти, господинъ Голядкинъ немедленно подошелъ кой-къ-кому, съ кѣмъ ладилъ получше, чтобъ пожелать добраго дня, и т. д. Но какъ-то странно отвѣтили сослуживцы на привѣтствіе господина Голядкина. Непріятно былъ онъ пораженъ какою-то всеобщою холодностью, сухостью, даже, можно сказать, какою-то строгостью пріема. Руки ему не далъ никто. Иные просто сказали "здравствуйте" и прочь отошли; другіе лишь головою кивнули, кое-кто просто отвернулся и показалъ, что ничего не замѣтилъ, наконецъ, нѣкоторые — и что было всего обиднѣе господину Голядкину, нѣкоторые изъ самой безчиновной молодежи, ребята, которые, какъ справедливо выразился о нихъ господинъ Голядкинъ, умѣютъ лишь въ орлянку при случаѣ, да гдѣ-нибудь потаскаться, — мало-помалу окружили господина Голядкина, сгруппировались около него

и почти заперли ему выходъ. Всѣ они смотрѣли на него съ какимъ-то оскорбительнымъ любопытствомъ.

Знакъ былъ дурной. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ это и благоразумно приготовился съ своей стороны ничего не замѣтить. "Это ничего, впрочемъ; это, можетъ-быть, все и къ лучшему будетъ", думалъ онъ въ неописанномъ смущеніи своемъ и совсѣмъ теряясь. Вдругъ одно совершенно-неожиданное обстоятельство совсѣмъ, какъ говорится, доканало и уничтожило господина Голядкина.

Въ кучкѣ молодыхъ, окружавшихъ его сослуживцевъ, вдругъ, и словно нарочно, въ самую тоскливую минуту для господина Голядкина, появился господинъ Голядкинъ-младшій, веселый по-всегдашнему, съ улыбочкой по-всегдашнему, вертлявый тоже по-всегдашнему, однимъ словомъ: шалунъ, прыгунъ, лизунъ, хохотунъ, лежокъ на язычокъ и на ножку, какъ и всегда, какъ прежде, точно такъ, какъ и вчера, напимѣръ, въ одну весьма непріятную минутку для господина Голядкина-старшаго. Ослабившись, вертясь, семеня, съ улыбочкой, которая такъ и говорила всѣмъ: "добраго вечера", втерся онъ въ кучку чиновниковъ, тому пожалъ руку, этого по плечу потрепалъ, третьяго обнялъ слегка, четвертому объяснилъ, по какому именно случаю былъ его превосходительствомъ употребленъ, куда ѣздилъ, что сдѣлалъ, что съ собою привезъ; пятаго, и, вѣроятно, своего лучшаго друга, чмокнулъ въ самыя губки — однимъ словомъ, все происходило точь-въ-точь какъ во снѣ господина Голядкина-старшаго. Напрыгавшись до-сыта, покончивъ со всякимъ по-своему, обдѣлавъ ихъ всѣхъ въ свою пользу, нужно ль, не нужно ли было; нализавшись всласть съ ними со всѣми, господинъ Голядкинъ-младшій вдругъ, и вѣроятно ошибкой, еще не успѣвъ замѣтить до-сихъ-поръ своего старѣйшаго друга, протянулъ руку и господину Голядкину-старшему. Вѣроятно тоже ошибкой, хотя впрочемъ и успѣвъ совершенно замѣтить неблагогороднаго господина Голядкина-младшаго, тотчасъ же, жадно схватилъ нашъ герой простертую ему такъ неожиданно руку и пожалъ ее самымъ крѣпкимъ, самымъ дружескимъ образомъ, пожалъ ее съ какимъ-то страннымъ, совсѣмъ — неожиданнымъ внутреннимъ движеніемъ, съ какимъ-то слезящимся чувствомъ. Былъ ли обманутъ герой нашъ первымъ движеніемъ неблагопристойнаго врага своего, или такъ, не нашелся, или почувствовалъ и созналъ въ глубинѣ души своей всю степень своей беззащитности — трудно сказать. Фактъ тотъ, что господинъ Голядкинъ-старшій, въ здоровомъ видѣ, по собственной

волѣ своей, и при свидѣтеляхъ, торжественно пожалъ руку того, кого называлъ смертельнымъ врагомъ своимъ. — Но каково же было изумленіе, изступленіе и бѣшенство, каковъ же былъ ужасъ и стыдъ господина Голядкина-старшаго, когда непріятель и смертельный врагъ его, неблагородный господинъ Голядкинъ-младшій, замѣтивъ ошибку свою, тутъ же въ собственныхъ же глазахъ преслѣдуемаго, невиннаго и вѣроломно-обманутаго имъ человѣка, безъ всякаго стыда, безъ чувствъ, безъ состраданія и совѣсти, вдругъ съ нестерпимымъ нахальствомъ и съ грубостію вырвалъ свою руку изъ руки господина Голядкина-старшаго; мало того, — страхнулъ свою руку, какъ-будто замаралъ ее черезъ то въ чемъ-то совѣмъ нехорошемъ; мало того, — плюнулъ на сторону, сопровождая все это самымъ оскорбительнымъ жестомъ; мало того, — вынулъ платокъ свой и тутъ же самымъ безчиннѣйшимъ образомъ вытеръ имъ всѣ пальцы свои, побывавшіе на минутку въ рукѣ господина Голядкина-старшаго. Дѣйствуя такимъ образомъ, господинъ Голядкинъ-младшій, по подленькому обыкновенію своему, нарочно осматривался кругомъ, дѣлалъ такъ, чтобъ всѣ видѣли его поведеніе, заглядывалъ всѣмъ въ глаза, и очевидно старался о внушеніи всѣмъ всего самаго неблагопріятнаго относительно господина Голядкина. Казалось, что поведеніе отвратительнаго господина Голядкина-младшаго возбудило всеобщее негодованіе окружающихъ чиновниковъ; даже вѣтренная молодежь показала свое неудовольствіе. Кругомъ поднялся ропотъ и говоръ. Всеобщее движеніе не могло миновать ушей господина Голядкина-старшаго; но вдругъ, кстати подоспѣвшая шуточка, накипѣвшая между-прочимъ въ устахъ господина Голядкина-младшаго, разбила и уничтожила послѣднія надежды героя нашего, и наклонила балансъ опять въ пользу смертельнаго и бесполезнаго врага его.

— Это нашъ русскій Фоблазъ, господа; позвольте вамъ рекомендовать молодаго Фоблаза, запищалъ господинъ Голядкинъ-младшій, съ свойственною ему наглостію семени и вьюня межъ чиновниками, и указывая имъ на оцѣпенѣвшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ изступленнаго настоящаго господина Голядкина. "Поцалуемся, душка!" продолжалъ онъ съ нестерпимою фамиллярностію, подвигаясь къ предательски-оскорбленному имъ человѣку. Шуточка бесполезнаго господина Голядкина-младшаго, кажется, нашла отголосокъ гдѣ слѣдовало, тѣмъ болѣе, что въ ней заключался коварный намекъ на одно обстоятельство, по-видимому уже гласное и извѣстное всѣмъ. Герой нашъ тяжело почувствовалъ руку враговъ на плечахъ

своихъ. Впрочемъ, онъ уже рѣшился. Съ пылающимъ взоромъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ неподвижной улыбкой выбрался онъ кое-какъ изъ толпы, и неровными, учащенными шагами направилъ свой путь прямо къ кабинету его превосходительства. Въ предпоследней комнатѣ встрѣтился съ нимъ только-что выходявшій отъ его превосходительства Андрей Филипповичъ, и хотя тутъ же въ комнатѣ было порядочно всякихъ другихъ, совершенно-постороннихъ въ настоящую минуту для господина Голядкина лицъ, но герой нашъ и вниманія не хотѣлъ обратить на подобное обстоятельство. Прямо, рѣшительно, смѣло, почти самъ-себѣ удивляясь и внутренно себя за смѣлость похвалявая, абордировалъ онъ, не теряя времени, Андрея Филипповича, порядочно изумленного такимъ нечаяннымъ нападеніемъ.

— А!.. что вы... что вамъ угодно? спросилъ начальникъ отдѣленія, не слушая запнувшася на чемъ-то господина Голядкина.

— Андрей Филипповичъ, я... могу ли я, Андрей Филипповичъ, имѣть теперь, тотчасъ же и глазъ-на-глазъ разговоръ съ его превосходительствомъ? рѣчисто и отчетливо проговорилъ нашъ герой, устремивъ самый рѣшительный взглядъ на Андрея Филипповича.

— Что-съ? конечно, нѣтъ-съ. Андрей Филипповичъ съ ногъ до головы обмѣрялъ взглядомъ своимъ господина Голядкина.

— Я, Андрей Филипповичъ, все это къ тому говорю, что удивляюсь, какъ никто здѣсь не обличить самозванца и подлеца.

— Что-о-съ?

— Подлеца, Андрей Филипповичъ.

— О комъ же это угодно вамъ такимъ образомъ относиться?

— Объ извѣстномъ лицѣ, Андрей Филипповичъ. Я, Андрей Филипповичъ, на извѣстное лицо намекаю; я въ своемъ правѣ... Я думаю, Андрей Филипповичъ, что начальство должно было бы поощрять подобныя движенія, прибавилъ господинъ Голядкинъ, очевидно не помня себя. — Андрей Филипповичъ... вы вѣроятно сами видите, Андрей Филипповичъ, что это благородное движеніе и всяческую мою благонамѣренность означаетъ — принять начальника за отца, Андрей Филипповичъ, принимаю, дескать, благодѣтельное начальство за отца, и слѣпо ввѣряю судьбу свою. Такъ и такъ, дескать... вотъ какъ... Тутъ голосъ господина Голядкина задрожалъ, лицо его покраснѣлось, и двѣ слезы набѣжали на обѣихъ рѣсницахъ его.

Андрей Филипповичъ, слушая господина Голядкина, до того удивился, что какъ-то невольно отшатнулся шага на два назадъ. Потомъ съ безпокойствомъ осмотрѣлся кругомъ... Трудно сказать, чѣмъ бы кончилось дѣло... Но вдругъ дверь изъ кабинета его превосходительства отворилась, и онъ самъ вышелъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ чиновниковъ. За нимъ потянулись всѣ, кто ни были въ комнатѣ. Его превосходительство подозвалъ Андрея Филипповича и пошелъ съ нимъ рядомъ, заведя разговоръ о какихъ-то дѣлахъ. Когда всѣ тронулись и пошли вонъ изъ комнаты, опомнился и господинъ Голядкинъ. Присмирѣвъ, пріютился онъ подъ крылышко Антона Антоновича Сѣточкина, который сзади всѣхъ ковылялъ въ свою очередь, и, какъ показалось господину Голядкину, съ самымъ строгимъ и озабоченнымъ видомъ. "Проврался я и тутъ; нагадилъ и тутъ", подумалъ онъ про себя: "да ну ничего." "Надѣюсь, что по крайней-мѣрѣ вы, Антонъ Антоновичъ, согласитесь прослушать меня и вникнуть въ мои обстоятельства", проговорилъ онъ тихо, и еще немного дрожащимъ отъ волненія голосомъ. "Отверженный всѣми, обращаюсь я къ вамъ. Недоумѣваю до-сихъ-поръ, что значили слова Андрея Филипповича, Антонъ Антоновичъ. Объясните мнѣ ихъ, если можно..."

— Своевременно все объяснится-съ, строго и съ разстановкою отвѣчалъ Антонъ Антоновичъ, и, какъ показалось господину Голядкину, съ такимъ видомъ, который ясно давалъ знать, что Антонъ Антоновичъ вовсе не желаетъ продолжать разговора. — Узнаете въ скоромъ времени все-съ. Сегодня же форменно обо всемъ извѣститесь.

— Что же такое форменно, Антонъ Антоновичъ? почему же такъ именно форменно-съ? робко спросилъ нашъ герой.

— Не намъ съ вами разсуждать, Яковъ Петровичъ, какъ начальство рѣшаетъ.

— Почему же начальство, Антонъ Антоновичъ, проговорилъ господинъ Голядкинъ, оробѣвъ еще болѣе: — почему же начальство? Я не вижу причины, почему же тутъ нужно безпокоить начальство, Антонъ Антоновичъ... Вы, можетъ-быть, что-нибудь относительно вчерашняго хотите сказать, Антонъ Антоновичъ?

— Да нѣтъ-съ, не вчерашнее-съ. А то, что на худое рѣшились вы, Яковъ Петровичъ; тутъ кое-что другое хромаетъ-съ у васъ.

— Что же хромаетъ, Антонъ Антоновичъ? мнѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, что у меня ничего не хромаетъ.

— А хитрить-то съ кѣмъ собирались? рѣзко пересѣкъ Антонъ Антоновичъ совершенно-оторопѣвшаго господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ какъ платокъ.

— Конечно, Антонъ Антоновичъ, проговорилъ онъ едва-слышнымъ голосомъ: — если внимать голосу клеветы и слушать враговъ нашихъ, не принявъ оправданія съ другой стороны, то конечно... конечно, Антонъ Антоновичъ, тогда можно и пострадать, Антонъ Антоновичъ, безвинно и ни за что пострадать.

— То-то-съ; а неблагопристойный поступокъ вашъ во вредъ репутаціи благородной дѣвицы того добродѣтельнаго, почтеннаго и извѣстнаго семейства, которое вамъ благодѣтельствовало?

— Какой же это поступокъ, Антонъ Антоновичъ?

— То-то-съ. А относительно другой дѣвицы, хотя бѣдной, но за то честнаго иностраннаго происхожденія, похвальнаго поступка своего тоже не знаете-съ?

— Позвольте, Антонъ Антоновичъ... благоволите, Антонъ Антоновичъ, выслушать...

— А вѣроломный поступокъ вашъ и клевета на другое лицо — обвиненіе другаго лица въ томъ, въ чемъ сами грѣшка прихватили? а? это какъ называется?

— Я, Антонъ Антоновичъ, не выгонялъ его, проговорилъ затрепетавъ нашъ герой: — и Петрушку, то-есть, человѣка моего подобному ничему не училъ-съ... Онъ ѣлъ мой хлѣбъ, Антонъ Антоновичъ; онъ пользовался гостепріимствомъ моимъ, прибавилъ выразительно и съ глубокимъ чувствомъ герой нашъ, такъ-что подбородокъ его запрыгалъ немножко и слезы готовы были опять вернуться.

— Это вы, Яковъ Петровичъ, только такъ говорите, что онъ хлѣбъ-то вашъ ѣлъ, отвѣчалъ ослабляясь Антонъ Антоновичъ, и въ голосѣ его было слышно лукавство, такъ-что по сердцу скребнуло у господина Голядкина. — Это вы, Яковъ Петровичъ, только такъ, чтобъ только что-нибудь сказать, говорите.

— Конечно, Антонъ Антоновичъ... вы правы, Антонъ Антоновичъ, сказалъ оскорбленный герой нашъ. — Теперь добродѣтели падаютъ, и гостепріимство уже не ставится въ счетъ.

— Вотъ въ томъ-то вы и ошибаетесь, Яковъ Петровичъ. Это ужъ и вольнодумствомъ, сударь мой, называется.

— Совсѣмъ не вольнодумствомъ, Антонъ Антоновичъ; я бѣгу вольнодумства, Антонъ Антоновичъ. Это Петрушка, Антонъ Анто-

новичъ, онъ всегда пьянствуетъ, и на него ни въ чемъ нельзя полагаться-сь.

— Да тутъ не Петрушка-сь. Совсѣмъ не въ Петрушкѣ и дѣло-то тутъ.

— Конечно, не въ Петрушкѣ и дѣло, Антонъ Антоновичъ; это вы справедливо изволите говорить. Позвольте еще васъ, Антонъ Антоновичъ, нижайше спросить: извѣстны ли обо всемъ этомъ дѣлѣ его превосходительство?

— Какъ же-сь! Впрочемъ, вы теперь пустите меня-сь. Мнѣ съ вами тутъ некогда... Сегодня же обо всемъ узнаете, что вамъ слѣдуетъ знать-сь.

— Позвольте, ради Бога, еще на минутку, Антонъ Антоновичъ...

— Да нѣтъ-сь, мнѣ некогда съ вами-сь... послѣ-сь, пожалуй...

— Одну минуту, одно только слово, Антонъ Антоновичъ...

— Послѣ расскажете-сь...

— Нѣтъ-сь, Антонъ Антоновичъ; я-сь, видите-сь, прислушайте только, Антонъ Антоновичъ... Я совсѣмъ не вольнодумство, Антонъ Антоновичъ; я бѣгу вольнодумства; я совершенно готовъ съ своей стороны и даже пропускалъ ту идею...

— Хорошо-сь, хорошо-сь. Я ужъ слышалъ-сь...

— Нѣтъ-сь, этого вы не слышали, Антонъ Антоновичъ. Это другое, Антонъ Антоновичъ, это хорошо, право, хорошо, и пріятно слышать... Я пропускалъ, какъ выше объяснилъ, ту идею, Антонъ Антоновичъ, что вотъ промыслъ Божій создалъ двухъ совершенно-подобныхъ, а благодѣтельное начальство, видя промыслъ Божій, пріютило двухъ близнецовъ-сь. Это хорошо, Антонъ Антоновичъ. Вы видите, что это очень-хорошо, Антонъ Антоновичъ, и что я далеко вольнодумства. Принимаю благодѣтельное начальство за отца. Такъ и такъ, де-скать, благодѣтельное начальство, а вы того... де-скать... молодому человѣку нужно служить... Поддержите меня, Антонъ Антоновичъ, заступитесь за меня, Антонъ Антоновичъ... Я ничего-сь... Антонъ Антоновичъ, ради Бога, еще одно словечко... Антонъ Антоновичъ...

Но уже Антонъ Антоновичъ былъ далеко отъ господина Голядкина... Герой же нашъ не зналъ, гдѣ стоялъ, что слышалъ, что дѣлалъ, что съ нимъ сдѣлалось, и что еще будутъ дѣлать съ нимъ — такъ смутило его и потрясло все имъ слышанное и все съ нимъ случившееся.

Умоляющимъ взоромъ отыскивалъ онъ въ толпѣ чиновниковъ Антона Антоновича, чтобъ еще болѣе оправдаться въ глазахъ его, и сказать ему что-нибудь крайне-благонамѣренное и весьма-благородное и пріятное относительно себя-самого... Впрочемъ, мало-по-малу, новый свѣтъ начиналъ пробиваться сквозь смущеніе господина Голядкина, новый ужасный свѣтъ, озарившій передъ нимъ вдругъ, разомъ, цѣлую перспективу совершенно-невѣдомыхъ доселѣ и даже нисколько не подозрѣваемыхъ обстоятельствъ... Въ эту минуту, кто-то толкнулъ совершенно-сбившегося героя нашего подъ бокъ. Онъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ Писаренко.

— Письмо-съ, ваше благородіе.

— А!.. ты уже сходилъ, милый мой?

— Нѣтъ, это еще утромъ въ десять часовъ сюда принесли-съ. Сергѣй Михѣевъ сторожъ принесъ-съ съ квартиры губернскаго секретаря Вахрамѣева.

— Хорошо, мой другъ, хорошо, а я тебя поблагодарю, милый мой.

Сказавъ это, господинъ Голядкинъ спряталъ письмо въ боковой карманъ своего виц-мундира и застегнулъ его на всѣ пуговицы; потомъ осмотрѣлся кругомъ и къ удивленію своему замѣтилъ, что уже находится въ сѣняхъ департаментскихъ, въ кучкѣ чиновниковъ, столпившихся къ выходу, ибо кончалось присутствіе. Господинъ Голядкинъ не только не замѣчалъ до-сихъ-поръ этого послѣдняго обстоятельства, но даже не замѣтилъ и не помнилъ того, какимъ образомъ онъ вдругъ очутился въ шинели, въ калошахъ и держалъ свою шляпу въ рукахъ. Всѣ чиновники стояли неподвижно и въ почтительномъ ожиданіи. Дѣло въ томъ, что его превосходительство остановился внизу лѣстницы, въ ожиданіи своего почему-то замѣшкавшагося экипажа, и велъ весьма-интересный разговоръ съ двумя совѣтниками и съ Андреемъ Филипповичемъ. Немного поодаль отъ двухъ совѣтниковъ и Андрея Филипповича, стоялъ Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ и кое-кто изъ другихъ чиновниковъ, которые весьма улыбались, видя, что его превосходительство изволятъ шутить и смѣяться. Столпившіеся наверху лѣстницы чиновники тоже улыбались и ждали, покамѣстъ его превосходительство опять засмѣются. Не улыбался лишь только одинъ Ѳедосѣичъ, толстопузый швейцаръ, державшійся у ручки дверей, вытянувшійся въ струнку, и съ нетерпѣніемъ ожидавшій порціи своего обыденнаго удовольствія, состоявшаго въ томъ, чтобъ разомъ, однимъ взмахомъ руки, широко откинуть одну половинку

дверей, и потомъ, согнувшись въ дугу, почтительно пропустить мимо себя его превосходительство. Но всѣхъ болѣе, по-видимому, былъ радъ и чувствовалъ удовольствія недостойный и неблагородный врагъ господина Голядкина. Онъ, въ это мгновеніе, даже позабылъ всѣхъ чиновниковъ, даже оставилъ выюнить и семенить между ними, по своему подленькому обыкновенію даже позабылъ, пользуясь случаемъ, подлизаться къ кому-нибудь въ это мгновеніе. Онъ обратился весь въ слухъ и зрѣніе, какъ-то странно съежился, вѣроятно, чтобъ удобнѣе слушать, не спуская глазъ съ его превосходительства, и изрѣдка только подергивало его руки, ноги и голову какими-то едва-замѣтными судорогами, обличавшими всѣ внутреннія сокровенныя движенія души его.

— Ишь его разбираетъ! подумалъ герой нашъ: — фаворитомъ смотреть, мошенникъ! Желалъ бы я знать, чѣмъ онъ именно беретъ въ обществѣ высокаго тона? Ни ума, ни характера, ни образованія, ни чувства... везетъ шельмецу! Господи Боже! вѣдь какъ это скоро можетъ пойти человѣкъ, какъ подумаешь, и найти во всѣхъ людяхъ! И пойдетъ человѣкъ, клятву даю, что пойдетъ далеко, шельмецъ, доберется, — везетъ шельмецу! Желалъ бы я еще узнать, что именно такое онъ всѣмъ имъ нашептываетъ? Какія тайны у него со всѣмъ этимъ народомъ заводятся и про какіе секреты они говорятъ? Господи Боже! Какъ бы мнѣ этакъ того... и съ ними бы тоже немножко... де-скать такъ и такъ, попросить его развѣ... де-скать такъ и такъ, а я больше не буду; де-скать я виноватъ, а молодому человѣку, ваше превосходительство, нужно служить въ наше время; обстоятельствомъ же темнымъ моимъ я отнюдь не смущаюсь, — вотъ оно какъ! протестовать тамъ какимъ-нибудь образомъ тоже не буду и все съ терпѣніемъ и смиреніемъ снесу, — вотъ какъ! Вотъ развѣ такъ поступить?.. Да, впрочемъ, его не проймешь, шельмеца, никакимъ словомъ не пробьешь; резону-то ему вгвоздить нельзя въ забубенную голову... А впрочемъ попробуемъ. Случится, что въ добрый часъ попаду, такъ вотъ и попробовать...

Въ безпокойствѣ своемъ, въ тоскѣ и смущеніи, чувствуя, что такъ оставаться нельзя, что наступаетъ минута рѣшительная, что нужно же съ кѣмъ-нибудь объясниться, герой нашъ сталъ-было понемножку подвигаться къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ недостойный и загадочный непріятель его; но въ самое это время, у подъѣзда загремѣлъ давно-ожидаемый экипажъ его превосходительства. Ѳедосѣичъ рванулъ дверь и, согнувшись въ три дуги, пропустилъ его превосходительство мимо себя. Всѣ ожидавшіе разомъ хлынули

къ выходу и оттѣснили на мгновеніе господина Голядкина-старшаго отъ господина Голядкина-младшаго. "Не уйдешь!" говорилъ нашъ герой, прорываясь сквозь толпу и не спуская глазъ съ кого слѣдовало. Наконецъ, толпа раздалась. Герой нашъ почувствовалъ себя на свободѣ и ринулся въ погоню за своимъ непріателемъ.

ГЛАВА XII.

Кофейная. О томъ, какимъ-образомъ выразилась крайняя степень безнравственности господина Голядкина-младшаго и какимъ образомъ защищалъ себя господинъ Голядкинъ-старшій. Обманъ и вѣроломство. Вихрь, вьюга, метель и — паденіе господина Голядкина-старшаго. Сравненіе господина Голядкина-старшаго съ кулемъ муки; господинъ Голядкинъ-старшій рѣшаетъ, впрочемъ, что это еще все ничего, и что все можетъ еще устроиться къ лучшему. Какимъ-образомъ посредствомъ двухъ бабъ, одного половаго и одного господина, читавшаго "Полицейскія Вѣдомости", господинъ Голядкинъ открылъ, что его хотятъ отравить. Послѣдній ударъ господину Голядкину.

Духъ занимался въ груди господина Голядкина; словно на крыльяхъ летѣлъ онъ вслѣдъ за своимъ быстро-удалявшимся непріателемъ. Чувствовалъ онъ въ себѣ присутствіе какой-то страшной энергіи. Впрочемъ, не смотря на присутствіе страшной энергіи, господинъ Голядкинъ могъ смѣло надѣяться, что въ настоящую минуту даже простой комаръ, еслибъ только онъ могъ въ такое время жить въ Петербургѣ, весьма бы удобно перешибъ его крыломъ своимъ. Чувствовалъ онъ еще, что опаль и ослабъ совершенно, что несетъ его какою-то совершенно-особенною и постороннею силою, что онъ вовсе не самъ идетъ, что, напротивъ, его ноги подкашиваются и служатъ отказываются. Впрочемъ, это все было еще совсѣмъ ничего и, не смотря ни на что, непременно могло бы устроиться къ лучшему. "Къ лучшему не къ лучшему" думалъ господинъ Голядкинъ, почти задыхаясь отъ скорого бѣга: "но что дѣло проиграно, такъ въ томъ теперь и сомнѣнія малѣйшаго нѣтъ; что пропаль я совсѣмъ, такъ ужъ это извѣстно, опредѣлено, рѣшено и подписано." Не смотря на все это, герой нашъ словно изъ мертвыхъ воскресъ, словно баталію выдержалъ, словно побѣду схватилъ, когда пришлось ему уцѣпиться за шинель своего непріателя, уже заносившаго одну ногу на дрожки куда-то только-что сговореннаго имъ ваньки. Впрочемъ, не смотря на выигранную баталію, герой нашъ до того потерялся въ настоящее мгновеніе, что, вцѣпившись въ шинель злѣйшаго врага своего, такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ, безъ словъ, безъ движенія, едва переводя духъ. "Милостивый государь! милостивый государь!" закричалъ онъ наконецъ настигнутому имъ неблагородному господину Голядкину-младшему: "милостивый государь, я надѣюсь, что вы..."

— Нѣтъ, вы ужь пожалуйста ничего не надѣйтесь, уклончиво отвѣчалъ безчувственный непріятель господина Голядкина, стоя одною ногою на одной ступенькѣ дрожекъ, а другою изо всѣхъ силъ порываясь попасть на другую сторону экипажа, тщетно махая ею по воздуху, стараясь сохранить эквилибръ и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь всѣми силами отцѣпить шинель свою отъ господина Голядкина-старшаго, за которую тотъ, съ своей стороны, уцѣпился всѣми данными ему природою средствами.

— Яковъ Петровичъ! только десять минутъ...

— Извините, мнѣ некогда-съ.

— Согласитесь сами, Яковъ Петровичъ... пожалуйста, Яковъ Петровичъ... ради Бога, Яковъ Петровичъ... такъ и такъ — объяснитесь... на смѣлую ногу... Секундочку, Яковъ Петровичъ!..

— Голубчикъ мой, некогда, отвѣчалъ съ неучтивою фамиллярностью, но подъ видомъ душевной доброты, ложно-благородный непріятель господина Голядкина: — въ другое время, повѣрьте, отъ полноты души и отъ чистаго сердца; но теперь — вотъ право жь нельзя.

— Подлецъ! подумалъ герой нашъ: — еще и отъ чистаго сердца, шельмецъ ты такой!.. Яковъ Петровичъ! закричалъ онъ тоскливо: — я вашимъ врагомъ никогда не бывалъ. Злые же люди несправедливо меня описали... Съ своей стороны я готовъ... Яковъ Петровичъ, угодно, мы съ вами, Яковъ Петровичъ, вотъ тотчасъ зайдемъ?.. И тамъ отъ чистаго сердца, какъ справедливо сказали вы тотчасъ, и языкомъ прямымъ, благороднымъ... вотъ въ эту кофейную; тогда все само-собою объяснится, — вотъ какъ, Яковъ Петровичъ! Тогда непременно все само-собою объяснится...

— Въ кофейную? хорошо-съ. Я не прочь, зайдемъ въ кофейную, съ однимъ только условіемъ, радость моя, съ единымъ условіемъ, — что тамъ все само собою объяснится. Дескать, такъ и такъ, душка, проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, слѣзая съ дрожекъ и безстыдно потрепавъ героя нашего по плечу: — дружище ты этакой; для тебя, Яковъ Петровичъ, я готовъ переулочкомъ (какъ справедливо въ оно время вы, Яковъ Петровичъ, замѣтитъ изволили). Вѣдь вотъ плутъ, право, что захочетъ, то и дѣлаетъ съ человѣкомъ! продолжалъ ложный другъ господина Голядкина, съ легкой улыбочкой вертясь и увиваясь около него, заглядывая подъ шляпу къ нему, и однимъ словомъ фальшиво, всѣми средствами стараясь изобразить собою остроумца и любезнаго человѣка, но между-тѣмъ дѣйствуя со всѣмъ безстыдствомъ без-

нравственности прямо въ пику господину Голядкину-старшему, единственно съ тою цѣлью, чтобъ каким-нибудь новымъ безстыднымъ способомъ его обмануть, и потомъ въ дружеской компаніи, гдѣ-нибудь за бокаломъ вина, для остраго слова, насмѣяться надъ нимъ. Отдаленная отъ большихъ улицъ кофейная, куда вошли оба господина Голядкина, была въ эту минуту совершенно пуста. Довольно-толстая Нѣмка появилась у прилавка, едва только слышался звонъ колокольчика. Господинъ Голядкинъ и недостойный непріятельего прошли во вторую комнату, гдѣ одутловатый и остриженный подъ гребенку мальчишка возился съ вязанкою щепокъ около печки, силясь возобновить въ ней погасавшій огонь. По требованію господина Голядкина-младшаго, поданъ былъ шоколадъ.

— А пресдобная бабенка, проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, плутовски подмигнувъ господину Голядкину-старшему.

Герой нашъ покраснѣлъ и смолчалъ.

— А, да, позабылъ, извините. Знаю вашъ вкусъ. Мы, сударь, лакомы до тоненькихъ Нѣмочекъ; мы, де-скасть, душа ты правдивая, Яковъ Петровичъ, лакомы съ тобою до тоненькихъ, хотя, впрочемъ, и не лишенныхъ еще пріятности Нѣмочекъ; квартиры у нихъ нанимаемъ, ихъ нравственность соблазняемъ, за бир-супъ, да милх-супъ наше сердце имъ посвящаемъ, да разныя подписки даемъ, — вотъ, что мы дѣлаемъ, Фоблазь ты такой, предатель ты этакой! Все это проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, дѣлая такимъ образомъ совершенно-безполезный, хотя, впрочемъ, и злодѣйски-хитрый намекъ на извѣстную особу женскаго пола, увиваясь около господина Голядкина, улыбаясь ему подъ видомъ любезности, ложно показывая такимъ-образомъ радушіе къ нему и радость при встрѣчѣ съ нимъ. Замѣчая же, что господинъ Голядкинъ-старшій вовсе не такъ глупъ и вовсе не до того лишенъ образованности и манеровъ хорошаго тона, чтобъ сразу повѣрить ему, неблагородный человѣкъ рѣшился перемѣнить свою тактику и повести дѣла на открытую ногу. Тутъ же проговоривъ свою гнусность, фальшивый господинъ Голядкинъ заключилъ тѣмъ, что съ возмущающимъ душу безстыдствомъ и фамильярностью потрепалъ солиднаго господина Голядкина по плечу, и, неудовольствовавшись этимъ, пустился заигрывать съ нимъ, совершенно-неприличнымъ въ обществѣ хорошаго тона образомъ, именно вознамѣрился повторить свою прежнюю гнусность, т. е. не смотря на сопротивленіе и легкіе крики возмущеннаго господина Голядкина-старшаго, ущипнуть его за щеку.

При видѣ такого разврата, герой нашъ вскипѣлъ и смолчалъ... до времени, впрочемъ.

— Это рѣчь враговъ моихъ, отвѣтилъ онъ наконецъ, благоразумно сдерживая себя, трепещущимъ голосомъ: — это рѣчь враговъ моихъ, съ достоинствомъ прибавилъ герой нашъ, чувствуя себя между-прочимъ совершенно въ правѣ своемъ и задѣтый за-живо фамиллярностью и безстыдствомъ недостойнаго врага своего... Въ то же самое время, герой нашъ съ безпокойствомъ оглянулся на дверь. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ-младшій былъ, по-видимому, въ превосходномъ расположеніи духа и въ готовности пуститься на разныя шуточки, непозволительныя въ общественномъ мѣстѣ, и вообще говоря, недопускаемыя законами свѣта, и преимущественно въ обществѣ высокаго тона.

— Ну, ну, ну, не буду, не буду! проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, примирительно отстраняясь отъ господина Голядкина-старшаго, лукавя и фальшивя передъ нимъ такимъ-образомъ, надѣвая маску, и тонкимъ обманомъ, подъ видомъ смиренія маня его въ новыя сѣти. Впрочемъ, герой нашъ понималъ, ясно понималъ, что безнравственный близнецъ его, здѣсь, съ нимъ, на очную ставку, на открытую и смѣлую ногу и съ откровенностью, не лишеною благородства, немного возьметъ. Де-скасть, такъ и такъ, а ты срѣжешься, де-скасть, такъ и такъ, а ты, милостивый мой государь и мерзавецъ, немного возьмешь, де-скасть, того, и т. д.

— А, ну, въ такомъ случаѣ, какъ хотите, серьезно возразилъ господинъ Голядкинъ-младшій на мысль господина Голядкина-старшаго, поставивъ свою опустѣлую чашку, выпитую имъ съ неприличною жадностью, на столъ. — Ну-съ, мнѣ съ вами долго нечего, впрочемъ... Ну-съ, каково-то вы теперь поживаете, Яковъ Петровичъ?

— Одно только могу сказать я вамъ, Яковъ Петровичъ, хладнокровно и съ достоинствомъ отвѣчалъ нашъ герой: — врагомъ вашимъ я никогда не бывалъ.

— Гм... ну, а Петрушка? какъ-бишь! Петрушка вѣдь, кажется? — ну, да! Что, каковъ онъ у васъ? Хорошо, по-прежнему?

— И онъ тоже по-прежнему, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ немного изумленный господинъ Голядкинъ-старшій. — Я не знаю, Яковъ Петровичъ... съ моей стороны... съ благородной, съ откровенной стороны, Яковъ Петровичъ, согласитесь сами, Яковъ Петровичъ...

— Да-съ. Но вы сами знаете, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ тихимъ и выразительнымъ голосомъ господинъ Голядкинъ-младшій, фальшиво изображая собою такимъ-образомъ грустнаго, полнаго раскаянія и сожалѣнія достойнаго человѣка: — сами вы знаете, время наше тяжелое... Я на васъ пошлюсь, Яковъ Петровичъ; человѣкъ вы умный и справедливо разсудите, включилъ господинъ Голядкинъ-младшій, подло лъстя господину Голядкину-старшему: — вы справедливо разсудите, что иначе и поступать мнѣ было нельзя. Жизнь не игрушка, — сами вы знаете, Яковъ Петровичъ, многозначительно заключилъ господинъ Голядкинъ-младшій, прикидываясь такимъ-образомъ умнымъ и ученымъ человѣкомъ, который можетъ разсуждать о высокихъ предметахъ.

— Съ своей стороны, Яковъ Петровичъ, съ одушевленіемъ отвѣчалъ нашъ герой: — съ своей стороны презирая окольнымъ путемъ и говоря смѣло и откровенно, говоря языкомъ прямымъ, благороднымъ и поставивъ все дѣло на благородную доску, скажу вамъ, могу открыто и благородно утверждать, Яковъ Петровичъ, что я чистъ совершенно, и что, сами вы знаете, Яковъ Петровичъ, обоюдное заблужденіе, — все, можетъ-быть, — судъ свѣта, мнѣніе раболѣпной толпы... Я говорю откровенно, Яковъ Петровичъ, все можетъ быть. Еще скажу, Яковъ Петровичъ, если такъ судить, если съ благородной и высокой точки зрѣнія на дѣло смотрѣть, то смѣло скажу, безъ ложнаго стыда скажу, Яковъ Петровичъ, мнѣ даже пріятно будетъ открыть, что я заблуждался, мнѣ даже пріятно будетъ сознаться въ томъ, что я заблуждался, Яковъ Петровичъ. Сами вы знаете, вы человѣкъ умный, а сверхъ-того благородный, готовъ сознаться въ этомъ. Безъ стыда, безъ ложнаго стыда готовъ въ этомъ сознаться... съ достоинствомъ и благородствомъ, заключилъ нашъ герой.

— Рокъ, судьба! Яковъ Петровичъ... но оставимъ все это, со вздохомъ проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій. — Употребимъ лучше краткія минуты нашей встрѣчи на болѣе-полезный и пріятный разговоръ, какъ слѣдуетъ между двумя сослуживцами... Право, мнѣ какъ-то не удавалось съ вами двухъ словъ сказать во все это время... Въ этомъ не я виноватъ. Яковъ Петровичъ...

— И не я, съ жаромъ перебилъ нашъ герой: — и не я! Сердце мое говоритъ мнѣ, Яковъ Петровичъ, что не я виноватъ во всемъ этомъ. Будемъ обвинять судьбу во всемъ этомъ, Яковъ Петровичъ, прибавилъ господинъ Голядкинъ-старшій совершенно-примири-

тельными тономъ. Голосъ его начиналъ мало-по-малу слабѣть и дрожать.

— Ну, что? какъ вообще ваше здоровье? произнесъ заблудшійся сладкимъ голосомъ.

— Немного покашливаю, отвѣчалъ еще слаще герой нашъ.

— Берегитесь. Теперь все такія повѣтрія, немудрено схватить жабу, и я, признаюсь вамъ, начинаю уже кутаться во фланель.

— Дѣйствительно, Яковъ Петровичъ, не мудрено схватить жабу-съ... Яковъ Петровичъ! произнесъ послѣ кроткаго молчанія герой нашъ: — Яковъ Петровичъ! я вижу, что я заблуждался... Я съ умиленіемъ вспоминаю о тѣхъ счастливыхъ минутахъ, которыя удалось намъ провести вмѣстѣ подъ бѣднымъ, но смѣю сказать, радужнымъ кровомъ моимъ...

— Въ письмѣ вашемъ, вы, впрочемъ, не то написали, отчасти съ укоризною проговорилъ совершенно-справедливый (впрочемъ, единственно только въ этомъ одномъ отношеніи совершенно-справедливый) господинъ Голядкинъ-младшій.

— Яковъ Петровичъ! я заблуждался... Ясно вижу теперь, что заблуждался и въ этомъ несчастномъ письмѣ моемъ. Яковъ Петровичъ, мнѣ совѣстно смотрѣть на васъ, Яковъ Петровичъ, вы не повѣрите... Дайте мнѣ это письмо, чтобъ разорвать его, въ вашихъ же глазахъ разорвать его, Яковъ Петровичъ, или если ужъ этого никакъ невозможно, то умоляю васъ, читать его на оборотъ, — совсѣмъ на оборотъ, то-есть, нарочно съ намѣреніемъ дружескимъ, давая обратный смыслъ всѣмъ словамъ письма моего. Я заблуждался. Простите меня, Яковъ Петровичъ, я совсѣмъ... я горестно заблуждался, Яковъ Петровичъ.

— Вы говорите? довольно-разсѣянно и равнодушно спросилъ вѣроломный другъ господина Голядкина-старшаго.

— Я говорю, что я совсѣмъ заблуждался, Яковъ Петровичъ, и что съ моей стороны я совершенно безъ ложнаго стыда...

— А, ну, хорошо! Это очень-хорошо, что вы заблуждались, грубо отвѣчалъ господинъ Голядкинъ-младшій.

— У меня, Яковъ Петровичъ, даже идея была, прибавилъ благороднымъ образомъ откровенный герой нашъ, совершенно не замѣчая ужаснаго вѣроломства своего ложнаго друга: — у меня даже идея была, что де-скать, вотъ, создались два совершенно подобные...

— А! это ваша идея!.. Хороша, хороша, нечего сказать, весьма-хороша; впрочемъ, не смотря на то, что она хороша, мы ее...

знаете, идею-то вашу, нагло и безстыдно проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, прищуриваясь, улыбаясь и кивая головою господину Голядкину-старшему: — мы ее до другаго времени, идею-то вашу, а теперь...

Тутъ извѣстный своею бесполезностью господинъ Голядкинъ-младшій всталъ и схватился за шляпу. Все еще не замѣчая обмана, всталъ и господинъ Голядкинъ-старшій, простодушно и благородно улыбаясь своему лже-пріятелю, стараясь, въ невинности своей, его приласкать, ободрить и завязать съ нимъ такимъ-образомъ новую дружбу...

— Мы ее до завтра, идею-то вашу, а теперь, употребляя справедливое выраженіе ваше, Яковъ Петровичъ, мы всѣ трудиться должны, прибавилъ господинъ Голядкинъ-младшій, очевидно говоря всякой вздоръ въ насмѣшку господину Голядкину-старшему. — Мы всѣ трудиться должны, понимаешь, Петрушка?!.. Ну, да ничего, ничего, не смущайтесь... Ну, да прощайте, Яковъ Петровичъ, довольно мнѣ съ вами покамѣсть... Удастся сойдтись какъ-нибудь, выпьемъ бутылочку-другую винца, сладка пол-пивца, какъ говорить мужичье (между-прочимъ все это), поговоримъ, покалякаемъ, потолкуемъ другъ съ другомъ, продолжалъ безнравственный человѣкъ, удивляя господина Голядкина своею безнравственностію и развращенностію сердца: — приласкаемъ, пожалуй, Петрушку и скажемъ ему, что мы всѣ трудиться должны, прибавилъ заблудшійся безнравственно, подмигнувъ господину Голядкину-старшему, все вертясь и семеня около него и съ нимъ отчасти заигрывая: — возстановимъ между-прочимъ нѣсколько-замаранную, посредствомъ разныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, репутацію общаго нашего друга Мухаммеда, пророка турецкаго, рѣшился присовокупить еще съ большею, чѣмъ прежде, безстыдною наглостью всячески-развращенный человѣкъ, развратнымъ образомъ улыбаясь достойному господину Голядкину-старшему, и такимъ-образомъ постыдно насмѣхаясь надъ нимъ: — и наконецъ, наконецъ, дайте руку вашу, герой, дайте руку!

"Дайте руку, на разлуку", и т. д.

Тутъ безбожный и ни во что невѣрующій господинъ Голядкинъ-младшій, вѣроятно, воображая уязвить гордаго героя повѣсти нашей, сдѣлалъ въ его же глазахъ неприличное антрша, лягнулъ ножкой и, къ довершенію своего посрамленія, щолкнулъ посредствомъ пальца и языка ртомъ, желая показать такимъ образомъ, что

какъ-будто-бы онъ откупориваетъ бутылку шампанскаго, а между-тѣмъ очевидно тѣшась самымъ бесполезнымъ образомъ, какъ пятилѣтній ребенокъ, не имѣя, однакожь, его невинности. Наконецъ, чтобъ окончить полную, отвратительную картину своего всяческаго безобразія, съ самой наглою, язвительной и вакхической улыбкой, протянулъ онъ руку свою къ цѣломудренному, говоря въ выгодномъ для него отношеніи, господину Голядкину-старшему, и крикнулъ неистовымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливымъ голосомъ:

— Прощайте, ваше превосходительство!

При видѣ такого олицетвореннаго фанатизма къ разврату, герой нашъ невольно отшатнулся назадъ... Но развращенное дитя природы, бесполезный господинъ Голядкинъ-младшій, казалось, далъ себѣ слово идти до конца въ оскорбленіи настоящаго господина Голядкина. Чтобъ только отвязаться, сунулъ герой нашъ въ простертую ему руку фанатика два пальца своей руки; но тутъ... тутъ безстыдство господина Голядкина-младшаго превзошло всяческую человѣческую мѣру. Схвативъ два пальца руки господина Голядкина-старшаго и сначала пожавъ ихъ, недостойный, тутъ же, въ глазахъ же господина Голядкина, рѣшился повторить свою утреннюю безстыдную шутку. Мѣра человѣческаго терпѣнія была истощена...

Онъ уже пряталъ платокъ, которымъ обтеръ свои пальцы, въ карманъ, когда господинъ Голядкинъ-старшій опомнился.

— Подлый и развратный человѣкъ! закричалъ нашъ герой полу-шопотомъ, боязливо оглядываясь на дверь въ сосѣдную комнату, весь дрожа въ какомъ-то болѣзненно-тоскливомъ волненіи и, очевидно, окончательно-разстроенный неистощимымъ безстыдствомъ врага своего.

Тогда произошла довольно-странная сцена. Господинъ Голядкинъ-младшій, сдѣлавъ неблагопристойность, и, по скверной привычкѣ своей, спѣша уже улизнуть въ сосѣдную комнату, быстро обернулся къ господину Голядкину-старшему съ самымъ зловѣщимъ выраженіемъ въ лицѣ. Герой нашъ невольно отступилъ назадъ два шага. Безнравственный сдѣлалъ впередъ два шага; герой нашъ отступилъ еще два шага, благоразумно стараясь выбрать цѣлью ретирады своей такой уголокъ, изъ котораго бы не было видно въ сосѣдную комнату, гдѣ были посторонніе люди, ни въ зеркало, посредствомъ котораго люди, находившіеся въ сосѣдней комнатѣ, могли бы все видѣть; должно было опасаться какой-нибудь новой неблагопристойной и отвратительной шуточки, отъ которой

могла бы пострадать амбиція въ присутствіи постороннихъ людей. Наконецъ, господинъ Голядкинъ-старшій добрался до своего угла. Враги стояли теперь совершенно носомъ-къ-носу, причеиъ нашъ герой старался всѣми силами прямо, рѣшительно и не смигнувъ глазомъ смотрѣть въ глаза недостойнаго врага своего, чтобъ показать ему такимъ-образомъ, что онъ его совсѣмъ не боится, и даже напротивъ. Молчаніе и ожиданіе длилось. "Зачѣмъ я привелъ его сюда!" пронеслось въ головѣ господина Голядкина. "Вѣдь вотъ мы теперь стоимъ носомъ-къ-носу", кстати, подумалъ герой нашъ: "что, еслибъ носы наши нераздѣльно срослись..." Тутъ же припомнилъ онъ сказку, въ которой говорилось о колбасѣ, приросшей къ носу одной неблагоразумной въ желаніяхъ своихъ жены одного старика. "Жадность къ стяжанію и неблагоразуміе желаній губить насъ" подумалъ господинъ Голядкинъ, рѣшительно, безстрашно и не смигнувъ глазомъ продолжая смотрѣть въ глаза врагу своему.

— Фоблазь? проговорилъ наконецъ безнравственный полутанственныиъ шопотомъ и вопросительныиъ тономъ.

Герой нашъ тоскливо посмотрѣлъ на сосѣдную дверь.

— Вѣдь Фоблазь? продолжалъ еще настойчивѣе господинъ Голядкинъ-младшій, наступая до-нельзя на господина Голядкина-старшаго.

— Опомнитесь — мы не одни; выйдемте, Яковъ Петровичъ, на улицу; на улицѣ лучше намъ будетъ, Яковъ Петровичъ...

Герой нашъ не докончилъ и осѣкся; мѣра оскорбленій превзошла всѣ тоскливыя ожиданія его. . . . .

Обезпамятѣвъ отъ изумленія стоялъ нашъ герой, покамѣсть не двигаясь съ мѣста... Наконецъ, онъ опомнился. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ-младшій, окончивъ послѣднюю гнусность, которую онъ вѣроломно называлъ шуточкой, ринулся со всѣхъ ногъ въ сосѣдную комнату; а безнаказанно же нельзя было оставлять вѣроломства! Но когда нашъ герой прибылъ въ изступленіи своемъ въ сосѣдную комнату, безнравственный непріятель его, какъ-будто ни въ одномъ глазу, стоялъ-себѣ у прилавка, ѣлъ пирожки и преспокойно, какъ добродѣтельный человекъ, любезничалъ съ Нѣмкой-кандитершей. — "При дамахъ нельзя" подумалъ герой нашъ и подошелъ тоже къ прилавку, не помня себя отъ волненія.

— А вѣдь дѣйствительно бабенка-то недурна! — Какъ вы думаете? снова началъ свои неприличные выходки господинъ Голяд-

кинъ-младшій, вѣроятно разсчитывая на безконечное терпѣніе господина Голядкина. Толстая же Нѣмка, съ своей стороны, смотрѣла на обоихъ своихъ посѣтителей оловянно-безсмысленными глазами, очевидно не понимая русскаго языка и привѣтливо улыбаясь. Герой нашъ вспыхнулъ какъ огонь отъ словъ незнающаго стыда господина Голядкина-младшаго, и, не въ силахъ владѣть собою, бросился наконецъ на него съ очевиднымъ намѣреніемъ растерзать его и совершить съ нимъ такимъ-образомъ окончательно; но господинъ Голядкинъ-младшій, по подлomu обыкновенію своему, уже былъ далеко: онъ далъ тягу, онъ уже былъ на крыльцѣ. Само-собою разумѣется, что послѣ перваго мгновеннаго столбняка, естественно нашедшаго на господина Голядкина-старшаго, онъ опомнился и бросился со всѣхъ ногъ за обидчикомъ, который уже садился на поджидавшаго его и очевидно во всемъ согласившагося съ нимъ, ваньку. Но въ это самое мгновеніе толстая Нѣмка, видя бѣгство двухъ посѣтителей, взвизгнула и позвонила, что было силы, въ свой колокольчикъ. Герой нашъ почти налету обернулся назадъ, бросилъ ей деньги за себя и за незаплатившаго безстыднаго человѣка, не требуя сдачи, и, не смотря, на то, что промѣшкалъ, все-таки успѣлъ, хотя и опять на лету только, подхватить своего непріятеля. Уцѣпившись за крыло дрожекъ всѣми данными ему природою средствами, герой нашъ неся нѣкоторое время по улицѣ, карабкаясь на экипажъ, отстаиваемый изъ всѣхъ силъ господиномъ Голядкинымъ-младшимъ. Извощикъ между-тѣмъ, и кнутомъ, и возжей, и ногой, и словами понукалъ свою разбитую клячу, которая совсѣмъ-неожиданно понеслась въ скачъ, какъ вихрь, закусивъ удила и лягаясь, по скверной привычкѣ своей, задними ногами на каждомъ третьемъ шагу. Наконецъ, нашъ герой успѣлъ-таки взмоститься на дрожки, лицомъ къ своему непріятелю, спиной упираясь въ извощика, колѣнками въ колѣнки безстыднаго, а правой рукой своей всѣми средствами вцѣпившись въ весьма-скверный мѣховой воротникъ шинели развратнаго и ожесточеннѣйшаго своего непріятеля...

Враги неслись и нѣкоторое время молчали. Герой нашъ едва переводилъ духъ; дорога была прескверная, и онъ подскакивалъ на каждомъ шагу съ опасностію сломить себѣ шею. Сверхъ-того, ожесточенный непріятель его все еще не соглашался признать себя побѣжденнымъ и старался спихнуть въ грязь своего противника. Къ довершенію всехъ непріятностей, погода была ужаснѣйшая. Снѣгъ валилъ хлопьями и всячески старался съ своей стороны какимъ-нибудь образомъ залѣзть подъ распахнувшуюся шинель на-

стоящаго господина Голядкина. Кругомъ было мутно и не видно ни зги. Трудно было отличить куда и по какимъ улицамъ несутся они... Господину Голядкину показалось, что сбывается съ нимъ что-то знакомое. Одно мгновение онъ старался припомнить, не предчувствовалъ ли онъ чего-нибудь вчера... во снѣ, на-примѣръ... Наконецъ, тоска его доросла до послѣдней степени своей агоніи. Налегши на безпощаднаго противника своего, онъ началъ-было кричать. Но крикъ его замиралъ у него на губахъ... Была минута, когда господинъ Голядкинъ все позабылъ, и рѣшилъ, что все это совсѣмъ ничего, и что это такъ только, какъ-нибудь, необъяснимымъ образомъ дѣлается, и протестовать по этому случаю было бы лишнимъ и совершенно-потеряннымъ дѣломъ... Но вдругъ и почти въ то самое мгновение, какъ герой нашъ заключалъ это все, какой-то неосторожный толчокъ перевернулъ весь смыслъ дѣла. Господинъ Голядкинъ какъ кулъ муки свалился съ дрожекъ и покатился куда-то, совершенно-справедливо сознаваясь въ минуту паденія, что дѣйствительно и весьма-некстати погорячился немного, и что все изъ того и вышло, что онъ погорячился немного. Вскочивъ наконецъ, онъ увидѣлъ, что куда-то пріѣхали; дрожки стояли среди чье-то-то двора, и герой нашъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что это дворъ того самого дома, въ которомъ квартируетъ Олсуфій Ивановичъ. Въ то же самое мгновение замѣтилъ онъ, что пріятель его пробирается уже на крыльцо и, вѣроятно, къ Олсуфью Ивановичу. Въ неописанной тоскѣ своей, бросился-было онъ догонять своего непріятеля, но къ счастью своему благоразумно одумался во-время. Не забывъ расплатиться съ извощикомъ, бросился господинъ Голядкинъ на улицу и побѣжалъ, что есть мочи, куда глаза глядятъ. Снѣгъ валилъ по-прежнему хлопьями; по-прежнему было мутно, мокро и темно. Герой нашъ не шелъ, а летѣлъ, опрокидывая всѣхъ на дорогѣ — мужиковъ и бабъ и дѣтей, и самъ въ свою очередь отскакивая отъ бабъ, мужиковъ и дѣтей. Кругомъ и вслѣдъ ему слышался пугливый говоръ, визгъ, крикъ... Но господинъ Голядкинъ, казалось, былъ безъ памяти, и вниманія ни на что не хотѣлъ обратить... Опомился онъ, впрочемъ, уже у Семеновскаго-Моста, да и то по тому только случаю, что успѣлъ какъ-то неловко задѣть и опрокинуть двухъ бабъ, съ ихъ какимъ-то походнымъ товаромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ повалиться. "Это ничего" подумалъ господинъ Голядкинъ: "все это еще весьма можетъ устроиться къ лучшему" и тутъ же полѣзъ въ свой карманъ, желая отдѣлаться рублемъ серебра за просыпанные пряники, яблоки, горохъ и разныя разно-

сти. Вдругъ новымъ свѣтомъ озарило господина Голядкина; въ карманѣ ощупалъ онъ письмо Вахрамѣева. Бросивъ рубль серебромъ, побѣжалъ онъ опять не останавливаясь и ни на что не оглядываясь. Вспомнивъ, между прочимъ, дорогою, что есть у него недалеко знакомый трактиръ, забѣжалъ онъ въ трактиръ, не медля ни минуты пристроился къ столику, освѣщенному сальною свѣчкою, и, не обращая ни на что вниманія, не слушая половаго, явившагося за приказаніями, сломалъ печать и началъ читать нижеслѣдующее, окончательно его поразившее:

"Милостивый государь мой,
Яковъ Петровичъ.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ, милостивый мой государь, яснымъ образомъ давалъ я вамъ знать, что дальнѣйшія между нами сношенія не только будутъ мнѣ весьма-непріятны, но даже повредятъ моимъ личнымъ выгодамъ. Ибо всему свѣту извѣстно, что общество особъ, недорожающихъ мнѣніемъ людей благонамѣренныхъ, особъ отверженныхъ, наконецъ, обществомъ хорошаго тона, можетъ быть не только пагубнымъ для людей неразвращенныхъ и незараженныхъ въ невинности своей тлетворнымъ дыханіемъ порока, но даже довести ихъ до окончательной гибели. Не смотря на все это, вы не унялись и продолжаете искать моей дружбы! Яснымъ же доказательствомъ мнѣнія моего о тлетворномъ ядѣ, сообщаемомъ вами, служить, во-первыхъ, замаранная репутація ваша у Измайловскаго-Моста и около. Во-вторыхъ, огласка и всеобщая оффиціальная публикація вашей беспорядочной жизни; въ-третьихъ, безпрерывное подсовываніе ваше на мѣсто себя совершенно-постороннихъ лицъ и, въ-четвертыхъ, обиды и ухищренія, предпринимаемыя вами противъ особъ, извѣстныхъ благонамѣренностью и откровенностью своего характера и прямою душою. Ибо нѣкоторые люди въ глаза фальшиво увѣряютъ въ дружбѣ своей, а за глаза имѣютъ пагубную привычку поносить нареченныхъ друзей своихъ не только позорнѣйшимъ образомъ, но даже бранными и обидными словами, какъ, на-примѣръ, названіемъ *Свища*, вѣроятно объясняя симъ словомъ, что друзья ихъ глупы и ничего въ головѣ не имѣютъ, а слѣдовательно голова ихъ уподобляется пустому орѣху, что по-мужицки и называется *свищомъ*. Все это сдѣлали вы, милостивый мой государь, ровно пять мѣсяцевъ тому назадъ, въ бытность вашу у общаго намъ знакомаго Николая Сергѣевича Скороплекина, и въ добавокъ при постороннихъ лицахъ. Далекъ отъ того, чтобъ себя

передъ вами оправдывать, но между прочимъ всему свѣту извѣстно, что излишнее остроуміе не только не есть главнѣйшая необходимость человѣческая, но даже вредитъ въ практической жизни, чему сами служите сожалѣнія достойнымъ примѣромъ, ибо погибаете не отъ чего инаго, какъ отъ излишняго своего остроумія. Я же еще неопытенъ, недавно изъ Вятской-Губерніи, обычаевъ здѣшнихъ не знаю, и потому благоразумно отъ излишняго остроумія уклоняюсь, стараясь, наоборотъ, прославиться однимъ моимъ добродушіемъ и прямою характера, — качествами, которыми справедливо горжусь. Пишете вы наконецъ, милостивый мой государь, какъ-будто въ свое оправданіе, что самозванствомъ въ нашъ вѣкъ, дѣловой и промышленный (преимущественно посредствомъ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ) — не возьмешь, и, какъ справедливо изволите утверждать, что Гришка Отрепьевъ другой разъ не можетъ явиться. Справедливо, и готовъ согласиться; но опять, и симъ пунктомъ письма своего, вы, милостивый государь, не только не принесли ничего въ свое оправданіе, но даже на себя-самого обратили свое обвиненіе, ибо тѣмъ доказали, во-первыхъ, что вы человѣкъ образованный и исторію драгоцѣннаго намъ отечества нашего знаете, а слѣдовательно, во-вторыхъ, и будучи образованнымъ и остроумнымъ человѣкомъ, не убереглись и впали въ тѣ самые недостатки, которые теперь въ другихъ порицаете. Говорю же я сіе, милостивый мой государь, потому-что сами дѣйствуете обманомъ и самозванствомъ, намекая на извѣстныхъ лицъ, слагая на нихъ всѣ преступленія свои и тѣмъ стараясь спасти себя отъ неумолимой строгости законовъ. Грубые же и ожесточенные поступки ваши противъ особы женскаго пола, о имени которой умалчиваю изъ уваженія къ ней, заслуживаютъ одного лишь презрѣнія и обращаются къ собственному вашему, милостивый мой государь, позору и посрамленію. Но если вы, милостивый мой государь, забывъ честь и долгъ, сдѣлавъ сію особу навѣки несчастною и отвергли теперь всякія дальнѣйшія съ нею сношенія, то есть и существуютъ еще люди съ прямымъ и нелживымъ характеромъ, которые почтутъ за честь взять на себя, милостивый мой государь, весь ущербъ, нанесенный вами, чтобъ окончательно и благороднымъ образомъ загладить его. Ибо здѣсь всѣ говорятъ, что хлопотать о рукѣ сей особы и честно и выгодно; ибо сія особа происхожденія не постыднаго и не холопскаго и сдѣлала бы вамъ честь, предлагая вамъ руку. Ибо уже извѣстно вамъ, что родитель ея служилъ юнкеромъ въ германской конной артиллеріи. Сверхъ того, на Обуховскомъ-Проспектѣ

имѣтъ она короткаго знакомаго и пріятеля своего, занимающагося слѣсарнымъ искусствомъ, который, по словамъ самой извѣстной вамъ и всячески обиженной вами особы, совершенно не похожъ на какого-нибудь подлаго мужика слѣсаря, а, слѣдовательно, человѣкъ образованный; потомъ, троюроднаго своего братца, человѣка искренняго, благочестиваго и извѣстнаго мнѣ съ весьма-хорошей стороны, — булочника въ Большой-Подъяческой; потомъ, еще бывшаго кондитера, человѣка хотя бѣднаго, но съ весьма-солиднымъ и твердымъ характеромъ, и наконецъ роднаго дядю своего, господина ученаго, и сверхъ того химика, содержащаго собственную свою аптеку въ Сергіевской-Улицѣ. Наконецъ, и извѣстный вамъ докторъ медицины и хирургіи, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ, не откажется всѣмъ сильнымъ вліяніемъ своимъ содѣйствовать къ пользѣ и защитѣ оскорбленной своей соотечественницы. Въ заключеніе скажу вамъ, что просьба Каролины Ивановны относительно вашего дѣла уже давно подана, что ходитъ по этому дѣлу въ пользу Каролины Ивановны общій знакомый нашъ, Николай Сергѣевичъ Скороплетинъ, что дѣло ея уже вошло во всеобщую огласку и публикацію, что на квартирахъ васъ не будутъ нигдѣ держать, что лишились вы всякаго кредита и довѣренности, что проиграете по службѣ; ибо еще сегодня утромъ предупреждены и разрушены были всѣ ваши козни просьбами и моленіями Каролины Ивановны передъ вашимъ начальствомъ, что, наконецъ, всѣ ваши надежды и вздорныя бредни на-счетъ Измайловскаго-Моста и около, должны будутъ при всеобщей огласкѣ и публикаціи о вашей развратной жизни разрушиться сами-собою, и вы, отверженный всѣми, терзаясь угрызеніями совѣсти, не будете знать, гдѣ голову свою преклонить, будете скитаться по цѣлому свѣту, и тщетно кормить въ своемъ сердцѣ змѣю своего разврата и мщенія. За симъ пребываю,

милостивый государь, вашимъ покорнымъ слугою

Н. Вахрамѣевымъ."

Прочтя письмо Вахрамѣева, герой нашъ остался на нѣсколько минутъ какъ-бы пораженный громомъ. И такъ, все объяснилось, все, все! Все обнаружилось, и безбожье адской интриги взяло верхъ надъ невинностью. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ еще не все понималъ совершенно; онъ еще не могъ опомниться отъ нашедшаго на него столбняка. Въ страшной тоскѣ, въ страшномъ волненіи, блѣдный какъ платокъ, съ письмомъ въ рукахъ, прошелся онъ нѣсколько разъ по комнатѣ; къ довершенію бѣдствія своего

положенія, герой нашъ не замѣтилъ, что былъ въ настоящую минуту предметомъ исключительнаго вниманія всѣхъ находящихся въ комнатѣ. Вѣроятно, беспорядокъ костюма его, не сдерживаемое волненіе, ходьба или лучше сказать бѣготня, жестикуляція обѣими руками, можетъ-быть, нѣсколько загадочныхъ словъ, сказанныхъ на вѣтеръ и въ забывчивости, — вероятно, все это весьма-плохо зарекомендовало господина Голядкина въ мнѣніи всѣхъ посѣтителей; и даже самъ половой начиналъ поглядывать на него подозрительно. Очнувшись, герой нашъ замѣтилъ, что стоитъ посреди комнаты, и почти неприличнымъ, невѣжливымъ образомъ смотритъ на одного весьма-почтенной наружности старичка, который, пообѣдавъ и помяясь передъ образомъ Богу, усѣлся опять, и съ своей стороны тоже не сводилъ глазъ съ господина Голядкина. Смутно оглянулся кругомъ нашъ герой и замѣтилъ, что всѣ, решительно всѣ смотрятъ на него съ видомъ самымъ зловѣщимъ и подозрительнымъ. Вдругъ одинъ отставной военный съ краснымъ воротникомъ, громко потребовалъ "Полицейскія Вѣдомости". Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и покраснѣлъ. Письмо Вахрамѣева и официальная публикація мелькнули въ умѣ его. Въ то же самое мгновеніе, герой нашъ какъ-то нечаянно опустилъ глаза въ землю и увидѣлъ, что былъ въ такомъ неприличномъ костюмѣ, въ которомъ и у себя дома ему быть нельзя, не только въ общественномъ мѣстѣ. Сапоги, панталоны и весь лѣвый бокъ его были совершенно въ грязи, штрибка на правой ногѣ оторвана, а фракъ даже разорванъ во многихъ мѣстахъ. Въ неистощимой тоскѣ своей подошелъ нашъ герой къ столу, за которымъ читалъ, и увидѣлъ, что къ нему подходит трактирный служитель съ какимъ-то страннымъ и дерзко-настоятельнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Потерявшись и опавъ совершенно, герой нашъ началъ разсматривать столъ, за которымъ стоялъ теперь. На столѣ стояли неубранныя тарелки послѣ чьего-то обѣда, лежала замаранная салфетка, и валялись только-что бывшіе въ употребленіи ножъ, вилка и ложка. "Кто жъ это обѣдалъ?" подумалъ герой нашъ. "Не-уже-ли я? А все можетъ быть! Пообѣдалъ, да такъ и не замѣтилъ-себѣ; какъ же мнѣ быть?" Поднявъ глаза, господинъ Голядкинъ увидѣлъ опять подлѣ себя половаго, который собирался ему что-то сказать.

— Сколько съ меня, братецъ? спросилъ нашъ герой трепещущимъ голосомъ.

Громкій смѣхъ раздался кругомъ господина Голядкина; самъ половой усмѣхнулся. Господинъ Голядкинъ понялъ, что и на этомъ

срѣзлся и сдѣлалъ какую-то страшную глупость. Понявъ все это, онъ до того сконфузился, что принужденъ былъ полѣзть въ карманъ за платкомъ своимъ, вѣроятно, чтобы что-нибудь сдѣлать и такъ не стоять; но, къ неопisanному своему и всѣхъ окружавшихъ его изумленію, вынулъ, вмѣсто платка, стеклянку съ какимъ-то лекарствомъ, дня четыре тому назадъ прописаннымъ Крестьяномъ Ивановичемъ. "Медикаменты въ той же аптекѣ", пронеслось въ головѣ господина Голядкина... Вдругъ онъ вздрогнулъ и чуть не вскрикнулъ отъ ужаса. Новый свѣтъ проливался... На ярлычкѣ стояло "аптекарь***, въ Сергіевской". Не обращая ни на что остатальное вниманія, схватилъ господинъ Голядкинъ письмо Вахрамѣева и — о ужасъ! — изъ старавшихся за Каролину Ивановну, были, кромѣ другихъ остальныхъ, Крестьянъ Ивановичъ и аптекарь въ Сергіевской. Въ письмѣ же было сказано, что сегоднешнимъ утромъ дѣла его приняли другой оборотъ, и онъ предупрежденъ передъ высшимъ начальствомъ. Сегоднешнимъ же утромъ исчезъ Петрушка и, наконецъ, господинъ Голядкинъ проспалъ за полдень. "Можетъ-быть, ядъ! и я дѣйствіемъ яда проспалъ за полдень", пронеслось въ головѣ господина Голядкина; машинально сболталъ онъ лекарство, и поднесъ на свѣтъ пузырьекъ...

Темная, красновато-отвратительная жидкость зловѣщимъ отсвѣтомъ блеснула въ глаза господину Голядкину... Пузырекъ выпалъ у него изъ рукъ и тутъ же разбился. Герой нашъ вскрикнулъ и отскочилъ шага на два назадъ отъ пролившейся жидкости... Герой нашъ дрожалъ всѣми членами, и потъ пробивался у него на вискахъ и на лбу. "Стало-быть, жизнь въ опасности!" Между-тѣмъ, въ комнатѣ произошло движеніе, смятеніе; всѣ окружали господина Голядкина, всѣ говорили господину Голядкину, нѣкоторые даже хватали господина Голядкина. Но герой нашъ былъ нѣмъ и недвижимъ, не видя ничего, не слыша ничего, не чувствуя ничего... Наконецъ, какъ-будто съ мѣста сорвавшись, бросился онъ вонъ изъ трактира, растолкалъ всѣхъ и cadaго изъ стремившихся удержать его, почти безъ чувствъ упалъ на первыя, попавшіяся ему извоищичьи дрожки и полетѣлъ на квартиру.

Въ снѣгахъ квартиры своей встрѣтилъ онъ Михѣева, сторожа департаментскаго, съ казеннымъ пакетомъ въ рукахъ. "Знаю, другъ мой, все знаю" отвѣчалъ слабымъ, тоскливымъ голосомъ изнуренный герой нашъ: "это официальное..." Въ пакетѣ дѣйствительно было предписаніе господину Голядкину, за подписью Андрея Филипповича, сдать находившіяся у него на рукахъ дѣла Ивану Семе-

новичу. Взявъ пакетъ и давъ сторожу гривенникъ, господинъ Голядкинъ пришелъ въ квартиру свою и увидѣлъ, что Петрушка готовитъ и собираетъ въ одну кучу весь свой дрязгъ и хламъ, всѣ свои вещи, очевидно намѣреваясь оставить господина Голядкина и переѣхать отъ него къ переманившей его Каролинѣ Ивановнѣ, чтобъ замѣнить ей Евстафія. Молча снялъ Петрушка шинель съ своего барина, хотѣлъ-было прибрать калоши, но калошъ не было, потому-что господинъ Голядкинъ ихъ потерялъ; проводилъ своего барина въ его комнату, подалъ свѣчу и молча указалъ ему на пакетъ, лежавшій на столикѣ. Пакетъ пришелъ по городской почтѣ. Машинально и почти не помня себя, распечаталъ его нашъ герой и прочелъ, къ величайшему своему изумленію и окончательному своему уничтоженію, нижеслѣдующее:

"Благородный, за меня страдающій и на вѣки милый сердцу моему человѣкъ!

Я страдаю, я погибаю, — спаси меня! Клеветникъ, интригантъ и извѣстный безполезностью своего направленія человѣкъ опуталъ меня сѣтями своими, и я погибла! (Но онъ мнѣ противенъ, а ты!..) Насъ разлучали, мои письма къ тебѣ перехватывали, — и все это сдѣлалъ безнравственный, воспользовавшись однимъ своимъ лучшимъ качествомъ — сходствомъ съ тобою. Во всякомъ же случаѣ, можно быть дурнымъ собою, но плѣнять умомъ, сильнымъ чувствомъ и пріятными манерами... Я погибаю! Меня отдають противъ воли, насильно, и всего болѣе интригуетъ здѣсь родитель, благодѣтель мой и статскій совѣтникъ Олсуфій Ивановичъ, вѣроятно, желая занять мое мѣсто и мои отношенія въ обществѣ высокаго тона... Но я рѣшилась, и протестую всѣми данными мнѣ природою средствами. Де-скать такъ и такъ, а я протестую, де-скать такъ и такъ... а вы, милостивый мой государь и мерзавецъ, того... и Отрепьевы въ нашъ вѣкъ невозможны... Де-скать спаси меня, милый сердцу моему человѣкъ! Не дай мнѣ погибнуть, и жди меня съ каретой своей сегодня ровно въ девять часовъ у оконъ квартиры господина Берендѣева. У насъ балъ. Я выйду, и мы полетимъ, полетимъ... и будемъ жить въ хижинѣ на берегу Хвалынскаго-Моря. Къ-тому же, есть другія мѣста служебныя, какъ-то: по-вытчикомъ въ палатѣ, въ губерніи. Престарѣлой же тетюшки нашей Пелагѣи Семеновны мы съ собой не возьмемъ: она не соглашается ѣхать. Но во всякомъ случаѣ вспомни, мой другъ, что невинность сильна уже своею невинностью. Хороша еще одна нравственная

идея на-счетъ своихъ мѣстъ и историческая идея о томъ, что Отрепьевы въ нашъ вѣкъ невозможны. Прощай, вспоминай обо мнѣ, и ради неба жди меня съ каретой своей у подъѣзда. Я же съ своей стороны брошусь подъ защиту объятій твоихъ ровно въ два часа пополудни.

Твоя до гроба
лара Олсуфьевна."

ГЛАВА XIII.

О томъ, какъ господинъ Голядкинъ рѣшается похитить Клару Олсуфьевну, замѣчая, впрочемъ, что безнравственность воспитанія губитъ неопытныхъ дѣвушекъ. Нѣчто объ испанскихъ серенадахъ и о разныхъ разностяхъ, неудобныхъ въ суровомъ климатѣ нашемъ. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ такъ и такъ объяснялся. Нѣчто о мастерскихъ художниковъ и о благородныхъ фамиліяхъ, вышедшихъ изъ Малороссіи. Господинъ Голядкинъ ѣдетъ къ Измайловскому-Мосту.

Лица, какъ говорится, не было на господинѣ Голядкинѣ, когда пришлось ему кончить неожиданное письмо, ужасное и страшное уже тѣмъ однимъ, что оно было совсѣмъ-неожиданное. Столько разнорѣчивыхъ обстоятельствъ, столько ударовъ, столько одинъ другому противорѣчащихъ ужасовъ! Блѣдный, потрясенный, встревоженный, приподнялся господинъ Голядкинъ со стула. Въ глазахъ у него зеленѣло; съ нимъ дѣлалось дурно. Черезъ минуту онъ однако опомнился и позвалъ Петрушку. Петрушка вошелъ покачиваясь, держась какъ-то странно-небрежно и съ какой-то холопски-торжественной миной въ лицѣ. Видно было, что Петрушка что-то задумалъ, чувствовалъ себя вполне въ своемъ правѣ и смотрѣлъ совершенно-постороннимъ человѣкомъ, т. е. чѣмъ-то другимъ служителемъ, но только никакъ не прежнимъ служителемъ господина Голядкина.

— Ну, вотъ видишь, мой милый, началъ, задыхаясь, герой нашъ: — который теперь часъ, милый мой?

Петрушка молча отправился за перегородку, потомъ воротился и довольно-независимымъ тономъ объявилъ, что ужъ скоро половина восьмаго.

— Ну, хорошо, мой милый, хорошо. Ну, видишь, мой милый... позволь тебѣ сказать, милый мой, что между нами, кажется, теперь кончено все.

Петрушка молчалъ.

— Ну, теперь, какъ ужъ все между нами кончилось, скажи ты мнѣ теперь откровенно, какъ другу скажи, гдѣ ты былъ, братецъ?

— Гдѣ былъ? между добрыхъ людей-съ.

— Знаю, мой другъ, знаю. Я тобою былъ постоянно доволенъ, мой милый, и аттестать тебѣ дамъ... Ну, что же ты у нихъ теперь?

— Что же, сударь! сами изволите знать-съ. Извѣстно-съ, добрый человѣкъ худому тебя не научить.

— Знаю, мой милый, знаю. Нынче добрые люди рѣдки, мой другъ; цѣни ихъ, мой другъ. Ну, какъ же они?

— Извѣстно-съ какъ-съ... Только я у васъ, сударь, больше служить теперь не могу-съ; сами изволите знать-съ.

— Знаю, милый мой, знаю; твою ревность и усердіе знаю; я видѣлъ все это, другъ мой, я замѣчалъ. Я, мой другъ, тебя уважаю. Я добраго и честнаго человѣка, будь онъ и лакей, уважаю.

— Что жъ, извѣстно-съ! Извѣстно, сударь, что ужъ между добрымъ человѣкомъ хорошо находится-съ. Разное вѣдь случается, сударь, на кого нападешь... Нашъ братъ, конечно, сами изволите знать-съ, гдѣ лучше, тамъ и хлѣбъ себѣ добываетъ-съ. Ужъ такъ оно-съ. Что мнѣ! Извѣстно, сударь, что ужъ безъ добраго человѣка нельзя-съ. Говорятъ: "что тебѣ тамъ, добрый человѣкъ, дѣлать? тебѣ тамъ, добрый человѣкъ, у него, говорятъ, тебѣ нечего дѣлать-съ." Извѣстно, что ужъ оно такъ, того-съ... не нами началось, не нами и кончится; а нашему брату вездѣ череда... извѣстно-съ.

— Ну, хорошо, братецъ, хорошо; я это чувствую, другъ мой, я это чувствую... Ну, вотъ твои деньги и вотъ твой аттестатъ. Теперь поцалуемся, братецъ, простимся съ тобою...

— Ну, теперь, милый мой, я у тебя попрошу одной услуги, послѣдней услуги, сказалъ господинъ Голядкинъ торжественнымъ тономъ. — Видишь ли, милый мой, вотъ оно какъ. Всякое бываетъ. Горе, другъ мой, кроется и въ позлащенныхъ палатахъ, и отъ него никуда не уйдешь. Ты знаешь, мой другъ, я, кажется, съ тобою всегда ласковъ былъ...

Петрушка молчалъ.

— Я, кажется, съ тобой всегда ласковъ былъ, милый мой... Ну, сколько у насъ теперь бѣлья, милый мой?

— Да все на лицо-съ. Рубашекъ холстинковыхъ шесть-съ; карпетокъ три пары; четыре манишки-съ; фуфайка фланелевая; ну, изъ нижняго платья двѣ штуки-съ. Сами знаете, все-съ. Я, сударь, вашего ничего-съ... Я, сударь, барское добро берегу-съ. Я вами, сударь, того-съ... извѣстно-съ... а грѣха какого за мной — никогда, сударь; ужъ это сами знаете, сударь...

— Вѣрю, другъ мой, вѣрю. Я не про то, мой другъ, не про то; видишь ли, вотъ что, мой другъ...

— Извѣстно, сударь-съ. Ужъ это мы знаемъ-съ. Я, вотъ, когда еще у генерала Столбнякова служилъ-съ, такъ отпускали меня, уѣзжали сами въ Саратовъ... вотчина тамъ у нихъ...

— Нѣтъ, мой другъ, не про то; я ничего... ты не думай чего, милый другъ мой...

— Извѣстно-съ. Что ужъ нашего брата-съ, сами изволите знать-съ, долго ли поклепать человѣка-съ. А мною были довольны вездѣ-съ. Были министры, генералы, сенаторы, графы-съ. Бывалъ у всѣхъ-съ, у князя Свинчаткина-съ, у Переборкина, полковника-съ, у Недобарова, генерала, тоже ходили-съ, въ вотчину ѣздили къ нашимъ-съ. Извѣстно-съ...

— Да, мой другъ, да; хорошо, мой другъ, хорошо. Вотъ и я теперь, мой другъ, уѣзжаю... Путь всякому разный лежитъ, милый мой, и неизвѣстно, на какую дорогу каждый человѣкъ попасть можетъ. Ну, мой другъ, дай же ты мнѣ одѣться теперь; да, ты виц-мундиръ мой тоже положишь... брюки другіе, простыни, одѣяла, подушки...

— Въ узелъ прикажете все завязать-съ?

— Да, мой другъ, да; пожалуй и въ узелъ... Кто знаетъ, что можетъ съ нами случиться. Ну, теперь, милый мой, сходишь и прищешь карету...

— Карету-съ?..

— Да, мой другъ, карету, просторнѣе и на извѣстное время. А ты, мой другъ, не думай чего-нибудь...

— А далеко уѣзжать хотите-съ?

— Не знаю, мой другъ, этого тоже не знаю. Перину тоже, я думаю, туда же положить нужно будетъ. Какъ ты самъ думаешь, другъ мой? я на тебя полагаюсь, мой милый...

— Нешто сейчасъ изволите уѣзжать-съ?

— Да, мой другъ, да! Обстоятельство вышло такое, вотъ странное дѣло такое... вотъ оно какъ, милый мой, вотъ оно какъ...

— Извѣстно, сударь; вотъ у насъ въ полку, съ поручикомъ то же самое было-съ; тамъ у помѣщика-съ... увезли-съ...

— Увезъ?.. Какъ! милый мой, ты...

— Да-съ, увезли-съ и въ другой усадьбѣ вѣнчались. Все было заранѣ готово-съ. Погоня была-съ; князь тутъ только-съ вступились, покойникъ-съ, — ну, и уладили дѣло-съ...

— Вѣнчались, да... ты, какъ же, мой милый? ты-то какимъ же образомъ, милый мой?..

— Да ужъ извѣстно-съ, что-съ! Слухомъ земля, сударь, полнится. Знаемъ, сударь, мы все-съ...

— Такъ вотъ, такъ и ты тутъ же, мой милый? какъ же это ты такъ?.. Ну, хорошо, хорошо... я на тебя полагаюсь. Видишь ли,

другъ мой, обстоятельство тутъ вышло такое... Нечего, я думаю, тебѣ объяснять...

— Знаю, сударь, извѣстно, что ужь конечно, съ кѣмъ же грѣха не бывало. Только я вамъ скажу теперь, сударь, позвольте мнѣ, попросту, сударь, по-холопски сказать; ужь коль теперь на то пошло, такъ ужь я вамъ скажу, сударь: есть у васъ врагъ, суперника вы, сударь, имѣете, сильный суперникъ, вотъ-съ...

— Знаю, мой другъ, знаю; самъ ты, милый мой, знаешь... Ну, такъ вотъ я на тебя полагаюсь. Какъ же намъ теперь дѣлать, мой другъ?.. Какъ же намъ теперь, вотъ это, такимъ-то образомъ сдѣлать?

— А вотъ, сударь, если вы такъ теперь, такимъ, примѣрно сказать, манеромъ пошли, сударь, такъ вотъ вамъ понадобится тамъ что покупать-съ, — ну тамъ простыни, подушки, перину-другую-съ, одѣяло хорошее-съ, — такъ вотъ здѣсь, у сосѣдки-съ, внизу-съ: мѣщанка, сударь, она; лисій салопъ есть хорошій; такъ можно его посмотрѣть и купить, сударь, можно сейчасъ сходить посмотрѣть-съ. Оно же вамъ надобно, сударь, теперь-съ; хорошій салопъ-съ, атласомъ крытый-съ, на лисьемъ мѣху-съ...

— Ну, хорошо, мой другъ, хорошо; я согласенъ, мой другъ, я на тебя полагаюсь, вполне полагаюсь; пожалуй хотъ и салопъ, милый мой... Только поскорѣй, поскорѣй! ради Бога, скорѣй! Я и салопъ куплю, только, пожалуйста, поскорѣй! Скоро восемь часовъ, скорѣй, ради Бога, мой другъ! поторопись поскорѣе, мой другъ!..

Петрушка бросилъ недовязанный узелъ бѣлья, подушекъ, одѣяла, простынь и всякаго дрязгу, что сталь-было вмѣстѣ собирать и увязывать, и стремглавъ бросился вонъ изъ комнаты. Господинъ Голядкинъ, между-тѣмъ схватился еще разъ за письмо... но читать его онъ не могъ. Схвативъ въ обѣ руки свою побѣдную голову, онъ въ изумленіи прислонился къ стѣнѣ. Думать ни о чемъ онъ не могъ, дѣлать что-нибудь тоже не могъ; онъ и самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видя, что время проходитъ, а ни Петрушки, ни салапа еще не являлось, господинъ Голядкинъ рѣшился пойдти самъ. Растворивъ дверь въ сѣни, онъ услышалъ внизу шумъ, говоръ, споръ и толки... Нѣсколько сосѣдокъ болтали, кричали, судили, рядили о чемъ-то, — ужь это господинъ Голядкинъ зналъ о чемъ именно. Слышался голосъ Петрушки; потомъ послышались чьи-то шаги. "Боже ты мой! Они сюда весь свѣтъ созовутъ!" простоналъ господинъ Голядкинъ, ломая руки въ отчаяніи и бросаясь назадъ въ свою комнату. Прибѣжавъ въ свою комнату, онъ упалъ,

почти не помня себя, на диванъ, лицомъ въ подушку. Съ минутку полежавъ такимъ-образомъ, онъ вскочилъ и, не дожидаясь Петрушки, надѣлъ свои калоши, шляпу, шинель, захватилъ свой бумажникъ и побѣжалъ стремглавъ съ лѣстницы. "Ничего, не нужно ничего, милый мой! я самъ, я все самъ. Тебя покамѣсть не нужно, а между-тѣмъ дѣло, можетъ-быть, и уладится къ лучшему", пробормоталъ господинъ Голядкинъ Петрушкѣ, встрѣтивъ его на лѣстницѣ; потомъ выбѣжалъ на дворъ и вонъ изъ дому; сердце его замирало; онъ еще не рѣшался... Какъ ему быть, что ему дѣлать, какъ ему въ настоящемъ и критическомъ случаѣ поступить...

— Вѣдь вотъ-какъ поступить, Господи Богъ мой! И нужно же было быть всему этому! вскричалъ онъ наконецъ въ отчаяніи, куда глаза глядятъ, на удачу ковыляя по улицѣ: — нужно же было быть всему этому! Вѣдь вотъ не будь этого, вотъ именно этого, такъ все бы уладилось; разомъ, однимъ ударомъ, однимъ ловкимъ, энергическимъ, твердымъ ударомъ уладилось бы. Палецъ даю на отсѣченіе, что уладилось бы! И даже знаю, какимъ именно образомъ уладилось бы. Оно бы вотъ-какъ все сдѣлалось: я бы тутъ и того — дескать такъ и такъ, а мнѣ, сударь мой, съ позволенія сказать, ни туда, ни сюда; дескать дѣла такъ не дѣлаются; дескать, сударь вы мой, милостивый мой государь, дѣла такъ не дѣлаются, и самозванствомъ у насъ не возьмешь; самозванецъ, сударь вы мой, человѣкъ того... бесполезный, и пользы отечеству неприносящій. Понимаете ли вы это? Дескать понимаете ли вы это, милостивый мой государь?! Вотъ бы какъ оно и того... Да нѣтъ, впрочемъ, что же... оно вовсе вѣдь не того, совсѣмъ не того... Я-то что вру, дуракъ дуракомъ! я-то, самоубійца я этакой! Оно, дескать, самоубійца ты этакой совсѣмъ, не того... Вотъ, однако, развращенный ты человѣкъ, вотъ оно какъ теперь дѣлается!.. Ну, куда я дѣнусь теперь? ну, что я, на-примѣръ, буду дѣлать теперь надъ собой? ну, куда я гожусь теперь? ну, куда ты, примѣромъ сказать, годишься теперь, Голядкинъ ты этакой, недостойный ты этакой! Ну, что теперь? карету брать нужно; возьми, дескать, да подай ей карету сюда; дескать ножки замочимъ, если кареты не будетъ... И вотъ, кто бы подумать могъ? Ай-да барышня, ай сударыня вы моя! ай-да благодѣлающаго поведенія дѣвица! ай-да хваленая наша. Отличились, сударыня, нечего сказать, отличились!.. А это все происходитъ отъ безнравственности воспитанія; а я, какъ теперь поразсмотрѣлъ да пораскусилъ это все, такъ и вижу, что это не отъ инаго чего происходитъ, какъ отъ безнравственности. Чѣмъ бы смолода ее того... да и розгой подъ часъ, а они ее

конфѣктами, а они ее сластями разными пичкають, и самъ старикашка нюнитъ надъ ней: — дескать ты такая моя, да сякая моя ты хорошая, дескать за графа отдамъ тебя, моя сіятельная!.. А вотъ она и вышла у нихъ сіятельная! Такая-то, да сякая-то наша, — вотъ она и показала намъ теперь свои карты; дескать вотъ у насъ игра какова! чѣмъ бы дома держать ее смолода, а они ее въ пансіонъ, къ мадамъ Француженкѣ, къ эмигранткѣ Фальбала тамъ какой-нибудь; а она тамъ добру всякому учится у эмигрантки-то Фальбала, — вотъ оно и выходитъ такимъ-то все образомъ. Дескать, подите, порадитесь! де-скасть будьте въ каретѣ вотъ въ такомъ-то часу передъ окнами, и романсъ чувствительный по-испански пропойте; жду васъ, и знаю, что любите, и убѣжимъ съ вами вмѣстѣ, и будемъ жить въ хижинѣ; а сами вы, сударь мой, по-вытчикомъ будете!.. Да, наконецъ, оно и нельзя; оно, сударыня моя, вы моя — если на то ужъ пошло, — такъ оно и нельзя, такъ оно и законами запрещено честную и невинную дѣвицу изъ родительскаго дома увозить безъ согласія родителей! Да, наконецъ, и зачѣмъ, почему, и какая тутъ надобность? Ну, вышла бы тамъ-себѣ за кого слѣдуетъ, за кого судьбой предназначено, такъ и дѣло съ концомъ. А я человѣкъ служащій; а я мѣсто мое могу потерять изъ-за этого; я, сударыня вы моя, подъ судъ могу попасть изъ-за этого! вотъ оно что! коль не знали. И это я знаю все, раскусилъ это все; знаю, откуда все происходитъ, кто надъ этимъ работаетъ! Это Нѣмка работаетъ. Это отъ нея вѣдьмы все происходитъ; всѣ сыры-боры отъ нея загораются. Потому-что оклеветали человѣка, потому-что выдумали на него сплетню бабью, небылицу въ лицахъ, по совѣту Андрея Филипповича, отъ-того и происходитъ! Иначе, почему же Петрушкѣ тутъ вмѣшиваться? ему-то тутъ что? шельмецу-то какая тутъ надобность? Нѣтъ, я не могу, сударыня, никакъ не могу, ни за что не могу... А вы меня, сударыня, на этотъ разъ ужъ какъ-нибудь тамъ извините. Это отъ васъ, сударыня, все происходитъ, это не отъ Нѣмки все происходитъ, вовсе не отъ вѣдьмы, а чисто отъ васъ, потому-что вѣдьма добрая женщина, потому-что вѣдьма невиновата ни въ чемъ, а вы, сударыня вы моя, виноваты, — вотъ оно какъ! Вы, сударыня, вы меня въ напраслину вводите... Тутъ человѣкъ пропадаетъ, тутъ самъ отъ себя человѣкъ исчезаетъ, и самого-себя не можетъ сдержать — какая тутъ свадьба! И какъ это кончится все? и какъ это теперь устроится и кончится все? Дорого бы я далъ, чтобъ узнать это все!..

Такъ разсуждалъ въ отчаяніи своемъ нашъ герой. Очнувшись вдругъ, замѣтилъ онъ, что гдѣ-то стоитъ на Литейной. Погода была ужасная: была оттепель, валилъ снѣгъ, шелъ дождь, — ну точь-въ-точь, какъ въ то незабвенное время, когда, въ страшный полночный часъ, начались всѣ несчастія господина Голядкина. — Какой тутъ вояжъ! думалъ господинъ Голядкинъ, смотря на погоду: — тутъ смерть, тутъ всеобщая смерть... Господи Богъ мой! ну гдѣ мнѣ, напримѣръ, здѣсь карету сѣискать? Вонъ тамъ на углу, кажется, что-то чернѣется. Посмотримъ, изслѣдуемъ... Господи Богъ мой! продолжалъ нашъ герой, направивъ слабые и шаткіе шаги свои въ ту сторону, гдѣ увидѣлъ что-то похожее на карету. Нѣтъ, я вотъ какъ сдѣлаю: отправлюсь, паду къ ногамъ, если можно, униженно буду испрашивать. Дескать такъ и такъ; въ ваши руки судьбу свою предаю, въ руки начальства; дескать, ваше превосходительство, защитите и облагодѣтельствуйте человѣка; такъ и такъ дескать, вотъ то-то и то-то, противозаконный поступокъ; не погубите, принимаю васъ за отца, не оставьте... амбицію, честь, имя и фамилію спасите... и отъ злодѣя, развращеннаго человѣка спасите... Онъ другой человѣкъ, ваше превосходительство, а я тоже другой человѣкъ; онъ особо и я тоже самъ-по-себѣ; право самъ-по-себѣ, ваше превосходительство, право самъ-по-себѣ; дескать вотъ оно какъ. Дескать походить на него не могу: перемѣните, благоволите, велите перемѣнить — и безбожный самовольный подмѣнъ уничтожить... не въ примѣръ другимъ, ваше превосходительство. Принимаю васъ за отца; начальство, конечно, благодѣтельное и попечительное начальство подобныя движенія должно поощрять... Тутъ есть даже нѣсколько рыцарскаго. Дескать принимаю васъ, благодѣтельное начальство, за отца и ввѣряю судьбу свою, и прекословить не буду, ввѣряюсь и самъ отстраняюсь отъ дѣлъ... дескать вотъ оно какъ!

— Ну, что, мой милый, извощикъ?

— Извощикъ...

— Карету, братъ, на вечеръ...

— А далеко ли ѣхать изволите-съ?

— На вечеръ, на вечеръ; куда бѣ ни пришлось, милый мой, куда бѣ ни пришлось.

— Нешто за городъ ѣхать изволите?

— Да, мой другъ; можетъ и за городъ. Я еще самъ навѣрно не знаю, мой другъ, не могу тебѣ навѣрно сказать, милый мой. Оно, видишь ли, милый мой, можетъ-быть, все и уладится къ лучшему, и

перемѣнится къ лучшему, когда маска спадетъ съ нѣкоторыхъ лицъ и кое-что обнажится. Извѣстно, мой другъ...

— Да, ужь извѣстно, сударь, конечно; дай Богъ всякому веселья и счастья...

— Да, мой другъ, да; благодарю тебя, милый мой; ну, что же ты возьмешь, милый мой?..

— Сейчасъ изволите ѣхать-съ?

— Да, сейчасъ, т. е. нѣтъ, подождешь въ одномъ мѣстѣ... такъ немножко, недолго подождешь, милый мой...

— Да, если ужь на все время берете-съ, такъ ужь меньше шести цѣлковыхъ, по погодѣ, нельзя-съ...

— Ну, хорошо, мой другъ, хорошо; а я тебя поблагодарю, милый мой. Ну, такъ вотъ ты меня и повезешь теперь, милый мой.

— Садитесь; позвольте, вотъ я здѣсь оправлю маленько; — извольте садиться теперь. Куда ѣхать прикажете?

— Къ Измайловскому-Мосту, мой другъ.

Извозикъ-кучеръ взгромоздился на козла и тронулъ-было пару тощихъ клячъ, которыхъ насилу оторвалъ отъ корыта съ сѣномъ къ Измайловскому-Мосту. Но вдругъ господинъ Голядкинъ дернулъ снурокъ, остановилъ карету и попросилъ умоляющимъ голосомъ поворотить назадъ, не къ Измайловскому-Мосту, а въ одну другую улицу. Кучеръ поворотилъ въ другую улицу, и чрезъ десять минутъ ново-пріобрѣтенный экипажъ господина Голядкина остановился передъ домомъ, въ которомъ квартировалъ его превосходительство. Господинъ Голядкинъ вышелъ изъ кареты, попросилъ своего кучера убѣдительно подождать и самъ взбѣжалъ съ замирающимъ сердцемъ вверхъ во второй этажъ, дернулъ за снурокъ, дверь отворилась, и нашъ герой очутился въ передней его превосходительства.

— Его превосходительство дома изволятъ быть? спросилъ господинъ Голядкинъ, адресуясь такимъ-образомъ къ отворившему ему человѣку.

— А вамъ чего-съ? спросилъ лакей, оглядывая съ ногъ до головы господина Голядкина.

— А я, мой другъ, того... Голядкинъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ Голядкинъ. Де-скать, такъ и такъ объясниться...

— Обождите; нельзя-съ...

— Другъ мой, я не могу обождать: мое дѣло важное, нетерпящее отлагательства дѣло...

— Да вы отъ кого? Вы съ бумагами?..

— Нѣтъ, я, мой другъ, самъ-по-себѣ... Доложи, мой другъ, дескать такъ и такъ объясниться. А я тебя поблагодарю, милый мой...

— Нельзя-съ. Не велѣно принимать; у нихъ гости-съ. Пожалуйста утромъ въ 10 часовъ-съ...

— Доложите же, милый мой; мнѣ нельзя, невозможно мнѣ ждать... Вы, милый мой, за это отвѣтите...

— Да ступай, доложи; что тебѣ сапоговъ жаль, что ли даромъ топтать? проговорилъ другой лакей, развалившійся на залавкѣ, и до-сихъ-поръ несказавшій ни слова.

— Сапоговъ топтать! Не велѣлъ принимать, знаешь? Ихняя череда по утрамъ.

— Доложи. Языкъ что ли отвалится?

— Да я-то доложу; языкъ не отвалится. Не велѣлъ, сказано, не велѣлъ. Войдите въ комнату-то.

Господинъ Голядкинъ вошелъ въ первую комнату; на столѣ стояли часы. Онъ взглянулъ; половина девятого. Сердце у него заняло въ груди. Онъ было уже хотѣлъ воротиться; но въ эту самую минуту долговязый лакей, ставъ на порогъ слѣдующей комнаты, громко провозгласилъ фамилью господина Голядкина. — "Эко вѣдь горло!" подумалъ въ неописанной тоскѣ нашъ герой... "Ну, сказалъ бы ты того... де-скасть такъ и такъ, покорнѣйше и смиренно пришелъ объясниться, — того... благоволите принять... А теперь вотъ и дѣло испорчено, вотъ и все мое дѣло на вѣтеръ пошло; впрочемъ... да, ну — ничего"... Разсуждать, впрочемъ, нечего было. Лакей воротился, сказалъ "пожалуйте" и ввелъ господина Голядкина въ кабинетъ.

Когда нашъ герой вошелъ, то почувствовалъ, что какъ-будто ослѣпъ, ибо рѣшительно ничего не видалъ. Мелькнули, впрочемъ, двѣ-три фигуры въ глазахъ: "Ну-да это гости" мелькнуло у господина Голядкина въ головѣ. Наконецъ, нашъ герой сталъ ясно отличать звѣзду на черномъ фракѣ его превосходительства, потомъ, сохраняя постепенность, перешелъ и къ черному фраку, наконецъ получилъ способность — полного созерцанія...

— Что-съ? проговорилъ знакомый голосъ надъ господиномъ Голядкинымъ.

— Титулярный совѣтникъ Голядкинъ, ваше превосходительство.

— Ну?

— Пришелъ объясниться...

— Какъ?.. Что?

— Да ужь такъ. Де-скать такъ и такъ пришелъ объясниться
— ваше превосходительство-съ...

— Да, вы... да кто вы такой?..

— Го-го-господинъ Голядкинъ, ваше превосходительство, титулярный совѣтникъ.

— Ну, такъ чего же вамъ нужно?

— Де-скать такъ и такъ, принимаю его за отца; самъ отстраняюсь отъ дѣлъ, и отъ врага защитите, — вотъ какъ!

— Что такое?..

— Извѣстно...

— Что извѣстно?

Господинъ Голядкинъ молчалъ; подбородокъ его начинало понемногу подергивать...

— Ну?

— Я думалъ, рыцарское, ваше превосходительство... Что здѣсь, дескать, рыцарское, и начальника за отца принимаю... дескать такъ и такъ, защитите, сле...слезно м...молю, и что такія дви...движенія долж...но по... по...поощрять...

Его превосходительство отвернулся. Герой нашъ нѣсколько мгновений не могъ ничего разглядѣть своими глазами. Грудь его тѣснило. Духъ занимался. Онъ не зналъ гдѣ стоялъ... Было какъ-то стыдно и грустно ему. Богъ-знаетъ, что было послѣ... Очнувшись, герой нашъ замѣтилъ, что его превосходительство говоритъ съ своими гостями, и какъ-будто рѣзко и сильно разсуждаетъ съ ними о чемъ-то. Одного изъ гостей господинъ Голядкинъ тотчасъ узналъ. Это былъ Андрей Филипповичъ; другаго же нѣтъ; впрочемъ, лицо было какъ-будто тоже знакомое, — высокая, плотная фигура, лѣтъ пожилыхъ, одаренная весьма-густыми бровями и бакенбардами, и выразительнымъ, рѣзкимъ взглядомъ. На шеѣ незнакомца былъ орденъ, а во рту сигарка. Незнакомецъ курилъ, и, не вынимая сигары изо рта, значительно кивалъ головою, взглядывая по-временамъ на господина Голядкина. Господину Голядкину стало какъ-то неловко; онъ отвелъ свои глаза въ сторону, и тутъ же увидѣлъ еще одного весьма-страннаго гостя. Въ дверяхъ, которыя герой нашъ принималъ доселѣ за зеркало, какъ нѣкогда то же случилось съ нимъ, — появился онъ... извѣстно кто, весьма-короткій знакомый и другъ господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ-младшій дѣйствительно находился до-сихъ-поръ въ другой маленькой комнаткѣ и что-то спѣшно писалъ; теперъ, видно, понадобилось —

и онъ явился, съ бумагами подъ мышкой, подошелъ къ его превосходительству и весьма-ловко, въ ожиданіи исключительнаго къ своей особѣ вниманія, успѣлъ втереться въ разговоръ и совѣтъ, занявъ свое мѣсто немного по-за спиной Андрея Филипповича, и отчасти маскируясь незнакомцемъ, курящимъ сигарку. По-видимому, господинъ Голядкинъ-младшій принималъ крайнее участіе въ разговорѣ, который подслушивалъ теперь благороднымъ образомъ, кивалъ головою, семенилъ ножками, улыбался, поминутно взглядывалъ на его превосходительство, какъ-будто-бы умолялъ взоромъ, чтобъ и ему тоже позволили ввернуть свои полсловечка. Подлецъ! подумалъ господинъ Голядкинъ и невольно ступилъ шагъ впередъ. Въ это время генераль оборотился и самъ довольно-нерѣшительно подошелъ къ господину Голядкину.

— Ну, хорошо, хорошо; ступайте съ Богомъ. Я пораземотрю ваше дѣло, а васъ велю проводить... Тутъ генераль взглянулъ на незнакомца съ густыми бакенбардами. Тотъ, въ знакъ согласія, кивнулъ головою.

Господинъ Голядкинъ чувствовалъ и понималъ ясно, что его принимаютъ за что-то другое, а вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало. "Такъ или этакъ, а объясниться вѣдь нужно" подумалъ онъ: "такъ и такъ дескать, ваше превосходительство." Тутъ въ недоумѣніи своемъ опустилъ онъ глаза въ землю, и къ крайнему своему изумленію, увидѣлъ на сапогахъ его превосходительства значительное бѣлое пятно. "Не-уже-ли лопнули?" подумалъ господинъ Голядкинъ. Вскорѣ однакожь господинъ Голядкинъ открылъ, что сапоги его превосходительства вовсе не лопнули, а только сильно отсвѣчивали, — феномень, совершенно объяснившійся тѣмъ, что сапоги были лакированные и сильно блестѣли. "Это называется *бликъ*", подумалъ герой нашъ "и особенно же сохраняется это названіе въ мастерскихъ художниковъ; въ другихъ же мѣстахъ этотъ отсвѣтъ называется *свѣтлымъ ребромъ*." Тутъ господинъ Голядкинъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что пора говорить, потому-что дѣло весьма могло повернуться къ худому концу... Герой нашъ ступилъ шагъ впередъ.

— Дескать такъ и такъ, ваше превосходительство, сказалъ онъ: — а самозванствомъ въ нашъ вѣкъ не возьмешь.

Генераль ничего не отвѣчалъ, а сильно позвонилъ за снурокъ колокольчика. Герой нашъ еще ступилъ шагъ впередъ.

— Онъ подлый и развращенный человѣкъ, ваше превосходительство, сказалъ нашъ герой, не помня себя, замирая отъ страха, и при всемъ томъ смѣло и рѣшительно указывая на недостойнаго

близнеца своего, семенившаго въ это мгновеніе около его превосходительства: — такъ и такъ, дескать, а я на извѣстное лицо намекаю.

Послѣдовало всеобщее движеніе за словами господина Голядкина. Андрей Филипповичъ и незнакомая фигура закивали своими головами; его превосходительство дергалъ въ нетерпѣннн изъ всѣхъ силъ за снурокъ колокольчика, дозываясь людей. Тутъ господинъ Голядкинъ-младшій выступилъ впередъ въ свою очередь.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ: — униженно прошу позволенія вашего говорить. Въ голосѣ господина Голядкина-младшаго было что-то крайне-рѣшительное; все въ немъ показывало, что онъ чувствуетъ себя совершенно въ правѣ своемъ.

— Позвольте спросить васъ, началъ онъ снова, предупреждая усердіемъ своимъ отвѣтъ его превосходительства и обращаясь въ этотъ разъ къ господину Голядкину: — позвольте спросить васъ, въ чьемъ присутствіи вы такъ объясняетесь? передъ кѣмъ вы стоите, въ чьемъ кабинетѣ находитесь?.. Господинъ Голядкинъ-младшій былъ весь въ необыкновенномъ волненіи, весь красный и пылающій отъ негодованія и гнѣва; даже слезы въ его глазахъ показались.

— Господа Бассаврюковы! проревѣлъ во все горло лакей, появившись въ дверяхъ кабинета. — "Хорошая дворянская фамилья, выходцы изъ Малороссіи" — подумалъ господинъ Голядкинъ, и тутъ же почувствовалъ, что кто-то весьма-дружескимъ образомъ налегъ ему одной рукой на спину; потомъ и другая рука налегла ему на спину; подлый близнецъ господина Голядкина юлилъ впереди, показывая дорогу, и герой нашъ ясно увидѣлъ, что его, кажется, направляютъ къ большимъ дверямъ кабинета. "Точь-въ-точь какъ у Олсуфія Ивановича", подумалъ онъ и очутился въ передней. Оглянувшись кругомъ, онъ увидѣлъ подлѣ себя двухъ лакеевъ его превосходительства и одного близнеца.

— Шинель, шинель, шинель, шинель друга моего! шинель моего лучшаго друга! защebetаль развратный человѣкъ, вырывая изъ рукъ одного человѣка шинель и набрасывая ее, для подлой и неблагопріятной насмѣшки, прямо на голову господину Голядкину. Выбиваясь изъ-подъ шинели своей, господинъ Голядкинъ-старшій ясно услышалъ смѣхъ двухъ лакеевъ. Но, не слушая ничего и не внимая ничему постороннему, онъ ужъ выходилъ изъ передней и очутился на освѣщенной лѣстницѣ. Господинъ Голядкинъ-младшій за нимъ.

— Прощайте, ваше превосходительство! закричалъ онъ вслѣдъ господину Голядкину-старшему.

— Подлецъ! проговорилъ внѣ себя герой.

— Ну, и подлець...

— Развратный человѣкъ!

— Ну, и развратный человѣкъ... отвѣчалъ такимъ-образомъ достойному господину Голядкину недостойный непріятель его и по свойственной ему подлости, глядѣлъ съ высоты лѣстницы, прямо и не смигнувъ глазомъ, въ глаза господину Голядкину, какъ-будто прося его продолжать. Герой нашъ плюнулъ отъ негодованія и выбѣжалъ на крыльцо. Выбѣжавъ на крыльцо, онъ былъ такъ убитъ, что совершенно не помнилъ, кто и какъ посадилъ его въ карету. Очнувшись, увидѣлъ онъ, что его везутъ по Фонтанкѣ. "Стало-быть, къ Измайловскому-Мосту?" подумалъ господинъ Голядкинъ... Тутъ господину Голядкину захотѣлось еще о чемъ-то подумать, но нельзя было; а было что-то такое ужасное, чего и объяснить невозможно... "Ну, ничего!" заключилъ нашъ герой и поѣхалъ къ Измайловскому-Мосту.

ГЛАВА XIV.

О томъ, какъ господинъ Голядкинъ похищаетъ Клару Олсуфьевну. О томъ, какъ случилось все то, что господинъ Голядкинъ заранѣе предчувствовалъ. Конецъ всей этой совершенно-неправдоподобной исторіи.

...Казалось, что погода хотѣла перемениться къ лучшему. Дѣйствительно, мокрый снѣгъ, валившій доселѣ цѣлыми тучами, началъ мало-по-малу рѣдѣть, рѣдѣть и наконецъ почти совсѣмъ пересталъ. Стало видно небо, и на немъ тамъ-и-сямъ заискрились звѣздочки. Было только мокро, грязно, сыро и удушливо, особенно для господина Голядкина, который и безъ того уже едва духъ переводилъ. Вымокшая и отяжелѣвшая шинель его пронимала всѣ его члены какою-то непріятно-теплого сыростью, и тяжестью своею подламывала и безъ того уже сильно-ослабѣвшія ноги его. Какая-то лихорадочная дрожь гуляла острыми и ѣдкими мурашками по всему его тѣлу; изнеможеніе точило изъ него холодный, болѣзненный потъ, такъ-что господинъ Голядкинъ позабылъ уже при семъ удобномъ случаѣ повторить съ свойственною ему твердостью и рѣшимостью свою любимую фразу, что оно и все-то авось, можетъ-быть, какъ-нибудь навѣрное непременно возьметъ да и уладится къ лучшему. "Впрочемъ, это все еще ничего покамѣстъ" прибавилъ крѣпкій и неунывающий духомъ герой нашъ, отирая съ лица своего капли холодной воды, струившейся по всѣмъ направленіямъ съ полей круглой и до того взмокшей шляпы его, что уже вода не держалась на ней. Прибавивъ, что это все еще ничего, герой нашъ попробовалъ-было присѣсть на довольно-толстый деревянный обрубокъ, валявшійся возлѣ кучи дровъ на дворѣ Олсуфья Ивановича. Конечно, объ испанскихъ серенадахъ и о шелковыхъ лѣстницахъ нечего уже было думать; но объ укромномъ уголкѣ, хотя и несовсѣмъ-тепломъ, но за то уютномъ и скрытномъ, нужно же было подумать. Сильно соблазнялъ его, мимоходомъ сказать, тотъ самый уголокъ въ сѣняхъ квартиры Олсуфья Ивановича, гдѣ прежде еще, почти въ началѣ сей правдивой исторіи, выстаивалъ свои два часа нашъ герой, между шкафомъ и старыми ширмами, между всякимъ домашнимъ и ненужнымъ дрязгомъ, хламомъ и рухлядью. Дѣло въ томъ, что и теперь господинъ Голядкинъ стоялъ и выжидалъ уже цѣлые два часа на дворѣ Олсуфья Ивановича. Но относительно укромнаго и уютнаго прежняго уголка существовали теперь нѣкоторыя не-

удобства, прежде несуществовашія. Первое неудобство — то, что, вѣроятно, это мѣсто теперь замѣчено и приняты на-счетъ его нѣкоторыя предохранительныя мѣры со времени исторіи на послѣднемъ балѣ у Олсуфья Ивановича; а во-вторыхъ, должно же было ждать условнаго знака отъ Клары Олсуфьевны, потому-что непременно долженъ же былъ существовать какой-нибудь этакой знакъ условный. Такъ всегда дѣлалось и "дескать не нами началось, не нами и кончится". Господинъ Голядкинъ тутъ же кстати мимоходомъ припомнилъ какой-то романъ, уже давно имъ прочитанный, гдѣ героиня подала условный знакъ Альфреду совершенно въ подобномъ же обстоятельствѣ, привязавъ къ окну розовую ленточку. Но розовая ленточка теперь, ночью и при санктпетербургскомъ климатѣ, извѣстномъ своею сыростью и ненадежностью, въ дѣло идти не могла, и, однимъ словомъ, была совсѣмъ-невозможна. "Нѣтъ, тутъ не до шелковыхъ лѣстницъ" подумалъ герой нашъ: "а я лучше здѣсь такъ-себѣ, укромно и въ-тихомолочку... я лучше вотъ, на-примѣръ, здѣсь стану", и выбралъ мѣстечко одно на дворѣ, противъ самыхъ оконъ Олсуфья Ивановича, около кучи складенныхъ дровъ. Конечно, на дворѣ ходило много постороннихъ людей, форрейторовъ, кучеровъ; къ тому же стучали колеса и фыркали лошади, и т. д.; но все-таки мѣсто было удобное: во-первыхъ, можно было тутъ дѣйствовать въ-тихомолочку, а во-вторыхъ, замѣтятъ ли, не замѣтятъ ли, а теперь по-крайней-мѣрѣ выгода та, что дѣло-то происходитъ нѣкоторымъ-образомъ въ тѣни, и господина Голядкина не видитъ никто; самъ же онъ могъ видѣть рѣшительно все. Окна были сильно освѣщены; былъ какой-то торжественный съѣздъ у Олсуфья Ивановича. Музыки, впрочемъ, еще не было слышно. "Стало-быть, это не балъ, а такъ, по какому-нибудь другому случаю съѣхались" думалъ, отчасти замирая, герой нашъ. "Да сегодня ли, впрочемъ?" пронеслось въ его головѣ: "не ошибка ли въ числѣ? Можетъ быть, все можетъ быть... Оно вотъ это какъ можетъ быть все... Оно еще, можетъ-быть, вчера было письмо-то написано, а ко мнѣ не дошло, и потому не дошло, что Петрушка сюда замѣшался, шельмецъ онъ такой! Или завтра написано, то-есть, что я... что завтра нужно было все сдѣлать, то-есть съ каретой — то ждать..." Тутъ герой нашъ похолодѣлъ окончательно и полѣзъ въ свой карманъ за письмомъ, чтобъ справиться. Но письма, къ удивленію его, не оказалось въ карманѣ. "Какъ же это?" прошепталъ полумертвый господинъ Голядкинъ: "гдѣ же это я оставилъ его? Стало-быть, я его потерялъ? — этого еще не доставало!" простоналъ онъ наконецъ въ

заключеніе. "Ну, если я его такимъ-то образомъ потерялъ? Ну, если оно въ недобрыя руки теперъ попадетъ? (Да, можетъ, попало уже!) Господи! что изъ этого всего воспослѣдуетъ? Да что воспослѣдуетъ! Будетъ такое, что ужь... Ахъ, ты, судьба ты моя ненавистная!" Тутъ господинъ Голядкинъ какъ листъ задрожалъ при мысли, что, можетъ-быть, неблагопристойный близнецъ его, набрасывая ему шинель на голову, имѣлъ именно цѣлью похитить письмо, о которомъ какъ-нибудь тамъ пронюхалъ отъ враговъ господина Голядкина. "Къ-тому же, онъ перехватываетъ" подумалъ герой нашъ: "доказательствомъ же... да что доказательствомъ!.." Послѣ перваго припадка и столбняка ужаса, кровь бросилась въ голову господина Голядкина. Со стономъ и скрежеща зубами схватилъ онъ себя за горячую голову, опустился на свой обрубокъ и началъ думать о чемъ-то... Но мысли какъ-то ни о чемъ не вязались въ его головѣ. Мелькали какія-то лица, припоминались то неясно, то рѣзко какія-то давно-забытыя происшествія, лѣзли въ голову какіе-то мотивы какихъ-то глупыхъ пѣсень... Тоска, тоска была неестественная! "Боже мой! Боже мой!" подумалъ нѣсколько очнувшись герой нашъ и подавляя глухое рыданіе въ груди: "подай мнѣ твердость духа въ неистощимой глубинѣ моихъ бѣдствій! Что пропалъ я, исчезъ совершенно, — въ этомъ ужь нѣтъ никакого сомнѣнія, и это все въ порядкѣ вещей, ибо и быть не можетъ никакимъ другимъ образомъ. Во-первыхъ, я мѣста лишился, непременно лишился, никакъ не могъ не лишиться... Ну, да положимъ, оно и уладится какъ-нибудь тамъ. Деньжонокъ же моихъ, положимъ, и достанетъ на первый разъ; тамъ квартиренку другую какую-нибудь, мебелишки какой-нибудь нужно же... Петрушки же, во-первыхъ, не будетъ со мной. Я могу и безъ шельмеца... этакъ отъ жильцовъ; ну, хорошо! И входишь и уходишь когда мнѣ угодно, да и Петрушка не будетъ ворчать, что поздно приходишь, — вотъ оно какъ; вотъ почему отъ жильцовъ хорошо... Ну, да положимъ, это все хорошо; только какъ же я все не про то говорю, вовсе не про то говорю? это будетъ вотъ какъ... оно вотъ какъ будетъ..." Тутъ мысль о настоящемъ положеніи озарила память господина Голядкина. Онъ оглянулся кругомъ. "Ахъ, ты, Господи Богъ мой! Господи Богъ мой! да о чемъ же это я теперъ говорю?" подумалъ онъ, растерявшись совсѣмъ и хватая себя за свою горячую голову...

— Нешто скоро, сударь, изволите ѣхать? произнесъ голосъ надъ господиномъ Голядкинымъ. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ; но передъ нимъ стоялъ его извощикъ, тоже весь до нитки

измокшій и продрогшій, отъ нетерпѣнія и отъ нечего-дѣлать вздумавшій заглянуть къ господину Голядкину за дрова.

— Я, мой другъ, ничего... я, мой другъ, скоро, очень-скоро, а ты подожди...

Извощикъ ушелъ, ворча себѣ подъ носъ. — Объ чемъ же онъ это ворчитъ? думалъ сквозь слезы господинъ Голядкинъ: — вѣдь я его нанялъ же на вечеръ, вѣдь я того... въ своемъ правѣ теперь... вотъ оно какъ! на вечеръ нанялъ, такъ и дѣло съ концомъ; дескать, милый ты мой, и дѣло съ концомъ. Хоть и такъ простишь, все равно. Все въ моей волѣ. Воленъ ѣхать и воленъ не ѣхать. Дескать, вотъ оно какъ! И что вотъ здѣсь за дровами стою, такъ и это совсѣмъ ничего... и не смѣешь ничего говорить; дескать, барину хочется за дровами стоять, вотъ онъ и стоитъ за дровами... и чести ничьей не мараешь, — вотъ оно какъ! Вотъ оно какъ, сударыня вы моя, если только это вамъ хочется знать. А въ хижинѣ, сударыня вы моя, дескать, такъ и такъ, въ нашъ вѣкъ никто не живетъ. Оно вотъ что! А безъ благонравія въ нашъ промышленный вѣкъ, сударыня вы моя, не возьмешь, чему сами теперь служите пагубнымъ примѣромъ... Дескать, повытчикомъ нужно служить и въ хижинѣ жить, на морскомъ берегу. Во-первыхъ, сударыня вы моя, на морскихъ берегахъ нѣтъ повытчиковъ, а во-вторыхъ и достать его намъ съ вами нельзя, повытчика-то. Ибо, положимъ, примѣрно-сказать, вотъ я просьбу подаю, являюсь — дескать такъ и такъ, въ повытчики, дескать того... и отъ врага защитите... а вамъ скажутъ, сударыня, дескать того... повытчиковъ много, и что вы здѣсь не у эмигрантки Фальбала, гдѣ вы благонравію учились, чему сами служите пагубнымъ примѣромъ. Благонравіе же, сударыня, значить дома сидѣть, отца уважать и не думать о женишкахъ прежде времени. Женишки же, сударыня, въ свое время найдутся, — вотъ оно какъ! Конечно, разнымъ талантамъ безспорно нужно умѣть, какъ-то: на фортепьянахъ иногда поиграть, по-французски говорить, исторіи, географіи, закону Божію и ариѳметикѣ, — вотъ оно какъ! — а больше не нужно. Къ-тому же, и кухня; непременно въ область вѣдѣнія всякой благонравной дѣвицы должна входить кухня! А то, что тутъ? во-первыхъ, красавица вы моя, милостивая моя государыня, васъ не пустятъ, а пустятъ за вами погоню, и потомъ подъ сюркупъ, въ монастырь. Тогда что, сударыня вы моя? тогда мнѣ-то что дѣлать прикажете? прикажете мнѣ, сударыня вы моя, слѣдуя нѣкоторымъ глупымъ романамъ, на ближній холмъ приходите, и таять въ слезахъ смотря на хладныя стѣны вашего заключенія, и на-

конецъ умереть, слѣдую привычкѣ нѣкоторыхъ скверныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и романистовъ, такъ ли, сударыня? Да, во-первыхъ, позвольте сказать вамъ по-дружески, что дѣла такъ не дѣлаются, а во-вторыхъ, и васъ, да и родителей-то вашихъ посѣкъ бы препорядочно за то, что французскія-то книжки вамъ давали читать; ибо французскія книжки добру не научатъ. Тамъ ядъ... ядъ тлетворный, сударыня вы моя! Или вы думаете, позвольте спросить васъ, или вы думаете, что, дескать, такъ и такъ, убѣжимъ безнаказанно, да и того... дескать, хижинку вамъ на берегу Хвалынскаго-Моря; а я съ моей стороны буду повытчикомъ, да и ворковать начнемъ и объ чувствахъ разныхъ разсуждать, да такъ и всю жизнь проведемъ, въ довольствѣ и счастіи; да потомъ заведется птенецъ, такъ мы и того... дескать, такъ и такъ, родитель нашъ и статскій совѣтникъ, Олсуфій Ивановичъ, вотъ, дескать, птенецъ завелся, такъ вы по сему удобному случаю снимите проклятiе, да благословите чету? Нѣтъ, сударыня, и опять-таки дѣла такъ не дѣлаются, и первое дѣло то, что воркованія не будетъ, не извольте надѣяться. Нынче мужъ, сударыня вы моя, господинъ, и добрая, благовоспитанная жена должна во всемъ угождать ему. А нѣжностей, сударыня, нынче не любятъ, въ нашъ промышленный вѣкъ; дескать, прошли времена Жанъ-Жака Руссо. Мужъ, напимѣръ, нынче приходитъ голодный изъ должности, — дескать, душенька, нѣтъ ли чего закусить, водочки выпить, селедочки съѣсть? такъ у васъ, сударыня, должна быть сейчасъ на готовѣ и водочка и селедочка. Мужъ закусить-себѣ съ аппетитомъ, да на васъ и не взглянетъ, а скажетъ, поди-т-ка, дескать, на кухню, котеночекъ, да присмотри за обѣдомъ, да развѣ-развѣ въ недѣлю разокъ поцалуетъ, да и то равнодушно... Вотъ оно какъ по-нашему-то, сударыня вы моя! да и то, дескать, равнодушно!.. Вотъ оно какъ будетъ, если такъ разсуждать, если ужъ на то пошло, что такимъ-то вотъ образомъ начать на дѣло смотрѣть... Да и я-то тутъ что? меня-то, сударыня, въ ваши капризы зачѣмъ подмѣшали? Дескать, благодѣтельный, за меня страждущій и всячески милый сердцу моему человѣкъ, и т. д. Да, во-первыхъ, я, сударыня вы моя, я для васъ не гожусь, сами знаете, комплинтамъ не мастеръ, дамскіе тамъ разные раздушенные пустячки говорить не люблю, селадоновъ не жалую, да и фигурую, признаться, не взялъ. Ложнаго-то хвастовства и стыда вы въ насъ не найдете, а признаемся вамъ теперь во всей искренности. Дескать, вотъ оно какъ, обладаемъ лишь прямымъ и открытымъ характеромъ, да здравымъ разсудкомъ; интригами не занимаемся. Не ин-

тригантъ, дескать, и этимъ горжусь, — вотъ оно какъ!.. Хожу безъ маски между добрыхъ людей, и чтобъ все вамъ сказать...

Вдругъ господинъ Голядкинъ вздрогнулъ. Рыжая и взмокшая окончательно борода его кучера опять глянула къ нему за дрова...

— Я сейчасъ, мой другъ; я, мой другъ, знаешь, тотчасъ; я, мой другъ, тотчасъ же, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ трепещущимъ и изнывающимъ голосомъ.

Кучеръ почесалъ въ затылкѣ, потомъ погладилъ свою бороду, потомъ шагнулъ шагъ впередъ... остановился и недовѣрчиво взглянулъ на господина Голядкина.

— Я сейчасъ, мой другъ; я, видишь... мой другъ... я немножко, я, видишь, мой другъ, только секундочку здѣсь... видишь, мой другъ...

— Нешто совсѣмъ не поѣдете? сказалъ наконецъ кучеръ рѣшительно и окончательно приступая къ господину Голядкину...

— Нѣтъ, мой другъ, я сейчасъ. Я, видишь, мой другъ, дожидаюсь...

— Такъ-съ...

— Я, видишь, мой другъ... ты изъ какой деревни, мой милый?

— Мы господскіе...

— И добрыхъ господъ?..

— Нешто...

— Да, мой другъ; ты постой здѣсь, мой другъ. Ты, видишь, мой другъ, ты давно въ Петербургѣ?

— Да ужь годъ ѣзжу...

— И хорошо тебѣ, другъ мой?

— Нешто.

— Да, мой другъ, да. Благодарю Провидѣніе, мой другъ. Ты, мой другъ, добраго человѣка ищи. Нынче добрые люди стали рѣдки, мой милый; онъ обмоетъ, накормитъ и напоитъ тебя, милый мой, добрый-то человѣкъ... А иногда, ты видишь, что и черезъ золото слезы льются, мой другъ... видишь плачевный примѣръ; вотъ оно какъ, милый мой...

Извозчику какъ-будто стало жалко господина Голядкина.

— Да, извольте, я подожду-съ. Нешто долго ждать будете-съ?

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ; я ужь, знаешь, того я ужь не буду ждать, милый мой. Какъ ты думаешь, другъ мой? Я на тебя полагаюсь. Я ужь не буду здѣсь ждать...

— Нешто совсѣмъ не поѣдете?

— Нѣтъ, мой другъ; нѣтъ, а я тебя поблагодарю, милый мой... вотъ оно какъ. Тебѣ сколько слѣдуетъ, милый мой?

— Да ужь за что рядились, сударь, то и пожалуете. Ждалъ, сударь, долго; ужь вы человѣка не обидите, сударь.

— Ну, вотъ тебѣ, милый мой, вотъ тебѣ. Тутъ господинъ Голядкинъ отдалъ всѣ шесть рублей серебромъ извощику, и серьезно рѣшившись не терять болѣе времени и заключивъ, что все это вѣрно такъ было, и что лучше всего его такъ и оставить, т. е. уйдти подобру-по-здорову, тѣмъ болѣе, что уже окончательно рѣшено было дѣло и извощикъ отпущенъ былъ, и, слѣдовательно, ждать болѣе нечего, пустился самъ со двора, вышелъ за ворота, поворотилъ налево и безъ оглядки, задыхаясь и радуясь, пустился бѣжать. "Оно, можетъ-быть, и все устроится къ лучшему" думалъ онъ: "а я вотъ такимъ-то образомъ бѣды избѣжалъ." Дѣйствительно, какъ-то вдругъ стало необыкновенно легко въ душѣ господина Голядкина. "Ахъ, кабы устроилось къ лучшему!" подумалъ герой нашъ, самъ, впрочемъ, мало себѣ на-слово вѣря. "Вотъ я и того..." думалъ онъ. "Нѣтъ, я лучше вотъ-какъ, и съ другой стороны... Или лучше вотъ этакъ мнѣ сдѣлать?.." Такимъ-то образомъ сомнѣваясь и ища ключа и разрѣшенія сомнѣній своихъ, герой нашъ добѣжалъ до Семеновскаго-Моста, а добѣжавъ до Семеновскаго-Моста, благоразумно и окончательно положилъ воротиться. "Оно и лучше", подумалъ онъ. "Я лучше съ другой стороны, т. е. вотъ-какъ. Я буду такъ-наблюдателемъ постороннимъ буду, да и дѣло съ концомъ; дескать я наблюдатель, лицо постороннее — и только; а тамъ, что ни случись — не я виноватъ. Вотъ оно какъ! Вотъ оно такимъ-то образомъ и будетъ теперь."

Положивъ воротиться, герой нашъ дѣйствительно воротился, тѣмъ болѣе, что, по счастливой мысли своей, ставилъ себя теперь лицомъ совсѣмъ-постороннимъ. "Оно же и лучше: и не отвѣчаешь ни за что, да и увидишь, что слѣдовало... вотъ оно какъ!" То-есть, расчетъ былъ вѣрнѣйшій, да и дѣло съ концомъ. Итакъ, какъ дѣло было совершенно съ концомъ, и претендовать уже болѣе некому, и такъ-какъ всѣ должны были быть совершенно-довольны и счастливы, то и герой нашъ въ свою очередь тоже совсѣмъ успокоился. Успокоившись, забрался онъ опять подъ мирную сѣнь своей успокоительной и охранительной кучи дровъ и внимательно сталъ смотрѣть на окна. Въ этотъ разъ смотрѣть и дожидаться пришлось ему недолго. Вдругъ во всѣхъ окнахъ разомъ обнаружилось какое-то странное движеніе, замелькали фигуры, открылись занавѣсы, цѣлыя

группы людей толпились въ окнахъ квартиры Олсуфія Ивановича, всѣ искали и выглядывали чего-то на дворѣ. Обезпеченный своею спасительною кучею дровъ, герой нашъ тоже въ свою очередь съ любопытствомъ сталъ слѣдить за всеобщимъ движеніемъ и съ участіемъ вытягивать направо и налево свою голову, сколько по крайней-мѣрѣ позволяла ему короткая тѣнь отъ дровяной кучи, его прикрывавшая. Вдругъ онъ оторопѣлъ, вздрогнулъ и едва не присѣлъ на мѣстѣ отъ ужаса. Дѣло-то было вотъ какъ... Дѣло-то все вотъ такимъ-то образомъ происходило теперь... Искали-то не что-нибудь и не кого-нибудь: искали просто его, господина Голядкина. Да оно и дѣйствительно такъ, и сомнѣнія болѣе нѣтъ никакого. Дескать, вотъ оно какъ, дескать такъ и такъ, а ищутъ господина Голядкина. Всѣ смотрятъ въ его сторону, всѣ указываютъ въ его сторону. Бѣжать было невозможно: увидятъ... Оторопѣвшій господинъ Голядкинъ прижался какъ-можно-плотнѣе къ дровамъ и тутъ только замѣтилъ, что предательская тѣнь измѣняла, что прикрывала она не всего его. Съ величайшимъ удовольствіемъ согласился бы нашъ герой пролѣзть теперь въ какую-нибудь мышиную щелочку между дровами, да тамъ и сидѣть-себѣ смирно, еслибъ только это было возможно. Но было рѣшительно-невозможно. Въ агоніи своей нашъ герой сталъ наконецъ рѣшительно и прямо смотрѣть на всѣ окна разомъ; оно же и лучше... И вдругъ сгорѣлъ со стыда окончательно. Его совершенно замѣтили, всѣ разомъ замѣтили, всѣ манять его руками, всѣ киваютъ ему головами, всѣ зовутъ его; вотъ щелкнуло и отворилось нѣсколько форточекъ; нѣсколько голосовъ разомъ что-то начали кричать ему... "Удивляюсь, какъ этихъ дѣвчонокъ не съкутъ еще съ-дѣтства", бормоталъ про себя нашъ герой, совсѣмъ потерявшись. Вдругъ съ крыльца сбѣжалъ онъ (извѣстно, кто) въ одномъ виц-мундирѣ, безъ шляпы, запыхавшись, загонявшись, юля, семеня и подпрыгивая, вѣроломно изъясняя ужаснѣйшую радость о томъ, что увидѣлъ наконецъ господина Голядкина.

— Яковъ Петровичъ, защебеталъ извѣстный своей бесполезностью человекъ: — Яковъ Петровичъ, вы здѣсь? Вы простудитесь. Здѣсь холодно, Яковъ Петровичъ. Пожалуйста въ комнату.

— Яковъ Петровичъ! Нѣтъ-съ, я ничего, Яковъ Петровичъ, покорнымъ голосомъ пробормоталъ нашъ герой.

— Нѣтъ-съ, нельзя, Яковъ Петровичъ; просятъ, покорнѣйше просятъ, ждуть насъ. "Осчастливьте, дескать, и приведите сюда Яковъ Петровича". Вотъ какъ-съ.

— Нѣтъ, Яковъ Петровичъ; я, видите ли, я бы лучше сдѣлалъ... Мнѣ бы лучше домой пойдти, Яковъ Петровичъ... говорилъ нашъ герой, горя на мелкомъ огнѣ и замерзая отъ стыда и ужаса, все въ одно время.

— Ни-ни-ни-ни! защебеталъ отвратительный человѣкъ. — Ни-ни-ни, ни за что! Идемъ! сказалъ онъ рѣшительно и потащилъ къ крыльцу господина Голядкина-старшаго. Господинъ Голядкинъ-старшій хотѣлъ-было вовсе не йдти; но такъ-какъ смотрѣли всѣ и сопротивляться и упираться было бы глупо, то герой нашъ пошелъ, — впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ пошелъ, потому-что рѣшительно самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Да ужъ такъ ничего, за одно!

Прежде, нежели герой нашъ успѣлъ кое-какъ оправиться и опомниться, очутился онъ въ залѣ. Онъ былъ блѣденъ, растрепанъ, растерзанъ; мутными глазами окинулъ онъ всю толпу — ужась! Зала, всѣ комнаты, — все, все было полнымъ-полнехонько. Людей было бездна, дамъ цѣлая оранжерея; все это тѣснилось около господина Голядкина, все это стремилось къ господину Голядкину, все это выносило на плечахъ своихъ господина Голядкина, весьма-ясно замѣтившаго, что его упираютъ въ какую-то сторону. "Вѣдь не къ дверямъ", пронеслось въ головѣ господина Голядкина. Дѣйствительно, упирали его не къ дверямъ, а прямо къ покойнымъ кресламъ Олсуфія Ивановича. Возлѣ креселъ, съ одной стороны стояла Клара Олсуфьевна, блѣдная, томная, грустная, впрочемъ, пышно-убранная. Особенно бросились въ глаза господину Голядкину маленькіе бѣленькіе цвѣточки въ ея черныхъ волосахъ, что составляло превосходный эффектъ. Съ другой стороны креселъ, держался Владиміръ Семеновичъ, въ черномъ фракѣ, съ новымъ своимъ орденомъ въ петличкѣ. Господина Голядкина вели подъ-руки, и, какъ сказано было выше, прямо на Олсуфія Ивановича — съ одной стороны господинъ Голядкинъ-младшій, принявшій на себя видъ чрезвычайно-благопристойный и благонамѣренный, чему нашъ герой до-нельзя обрадовался, съ другой же стороны руководилъ его Андрей Филипповичъ съ самой торжественной миной въ лицѣ. "Что бы это?" подумалъ господинъ Голядкинъ. Когда же онъ увидалъ, что ведутъ его къ Олсуфію Ивановичу, то его вдругъ какъ-будто молніей озарило. Мысль о перехваченномъ письмѣ мелькнула въ головѣ его... Въ неистощимой агоніи предсталъ нашъ герой передъ кресла Олсуфія Ивановича. "Какъ мнѣ теперь?" подумалъ онъ про себя. "Разумѣется, этакъ все на смѣлую ногу, то-есть,

съ откровенностью, нелишенною благородства; де-скасть, такъ и такъ и т. д." Но чего боялся, по-видимому, герой нашъ, то и не случилось. Олсуфій Ивановичъ принялъ, кажется, весьма-хорошо господина Голядкина, и хотя не протянулъ ему руки своей, но по-крайней-мѣрѣ, смотря на него, покачалъ своею сѣдвласою и внушающею всякое уваженіе головою, — покачалъ съ какимъ-то торжественно-печальнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ благосклоннымъ видомъ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, показалось господину Голядкину. Ему показалось даже, что слеза блеснула въ тусклыхъ взорахъ Олсуфія Ивановича; онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что и на рѣсницахъ Клары Олсуфьевны, тутъ же стоявшей, тоже какъ-будто-бы блеснула слезинка, — что и въ глазахъ Владиміра Семеновича тоже какъ-будто-бы было что-то подобное, — что, наконецъ, ненарушимое и спокойное достоинство Андрея Филипповича тоже стоило общаго, слезящагося участія, — что, наконецъ, юноша, когда-то весьма походившій на важнаго совѣтника, уже горько рыдалъ, пользуясь настоящей минутой... Или это все, можетъ-быть, только такъ показалось господину Голядкину, потому-что онъ самъ весьма прослезился, и ясно слышалъ, какъ текли его горячія слезы по его холоднымъ щекамъ... Голосомъ полнымъ рыданій, примиренный съ людьми и судьбою, и крайне любя въ настоящее мгновеніе не только Олсуфія Ивановича, не только всѣхъ гостей, взятыхъ вмѣстѣ, но даже и зловреднаго близнеца своего, который теперь, по-видимому, вовсе былъ не зловреднымъ и даже не близнецомъ господину Голядкину, но совершенно-постороннимъ и крайне-любезнымъ самимъ-по-себѣ человѣкомъ, обратился-было герой нашъ къ Олсуфію Ивановичу съ трогательнымъ изліяніемъ души своей, но отъ полноты всего въ немъ накопившагося не могъ ровно ничего объяснить, а только весьма-краснорѣчивымъ жестомъ, молча, указалъ на свое сердце... Наконецъ, Андрей Филипповичъ, вѣроятно, желая пощадить чувствительность сѣдвласаго старца, отвелъ господина Голядкина немного въ сторону и оставилъ его, впрочемъ, кажется, въ совершенно-независимомъ положеніи. Улыбаясь, что-то бормоча себѣ подъ носъ, немного недоумѣвая, но во всякомъ случаѣ почти совершенно-примиренный съ людьми и судьбою, началъ пробираться герой нашъ куда-то сквозь густую массу гостей Олсуфія Ивановича. Всѣ ему давали дорогу, всѣ смотрѣли на него съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ и съ какимъ-то необъяснимымъ, загадочнымъ участіемъ. Герой нашъ прошелъ въ другую комнату: — то же вниманіе вездѣ; онъ глухо слышалъ, какъ

цѣлая толпа тѣснилась по слѣдамъ его, какъ замѣчали его каждый шагъ, какъ въ-тихомолку всѣ между собою толковали о чемъ-то весьма-занимательномъ, качали головами, говорили, судили, рядили и шептались. Господину Голядкину весьма бы хотѣлось узнать, о чемъ они всѣ такъ судятъ и рядятъ и шепчутся. Онъ, впрочемъ, зналъ очень-хорошо о чемъ. Оглянувшись, герой нашъ замѣтилъ подлѣ себя господина Голядкина-младшаго. Почувствовавъ необходимость схватить его руку и отвести его въ сторону, господинъ Голядкинъ убѣдительноѣйше попросилъ другаго Якова Петровича содѣйствовать ему при всѣхъ будущихъ начинаніяхъ и не оставлять его въ критическомъ случаѣ. Господинъ Голядкинъ-младшій важно кивнулъ головою и крѣпко сжалъ руку господина Голядкина-старшаго. Сердце затрепетало отъ избытка чувствъ въ груди героя нашего. Впрочемъ, онъ задыхался, онъ чувствовалъ, что его такъ тѣснить-тѣснить; что всѣ эти глаза, на него обращенные, какъ-то гнетутъ и давятъ его... Господинъ Голядкинъ увидалъ мимоходомъ того совѣтника, который носилъ парикъ на головѣ. Совѣтникъ глядѣлъ на него строгимъ, испытующимъ взглядомъ, вовсе несмягченнымъ отъ всеобщаго участія... Герой нашъ рѣшился-было идти къ нему прямо, чтобъ улыбнуться ему и немедленно съ нимъ объясниться; но дѣло какъ-то не удалось. На одно мгновеніе господинъ Голядкинъ почти забылся совсѣмъ, потерялъ и память и чувства... Очнувшись, замѣтилъ онъ, что вертится въ широкомъ кругу его обступившихъ гостей. Кое-какъ выбрался нашъ герой изъ широкаго круга и сталъ-было пробираться къ дверямъ. Вдругъ изъ другой комнаты крикнули господина Голядкина; крикъ разомъ пронесся по всей толпѣ. Все заволновалось, все зашумѣло, всѣ ринулись къ дверямъ первой залы; героя нашего почти вынесли на рукахъ, при чемъ твердосердый совѣтникъ въ парикѣ очутился бокъ-о-бокъ съ господиномъ Голядкинымъ. Наконецъ, онъ взялъ его за руку и посадилъ возлѣ себя, напротивъ сѣдалища Олсуфія Ивановича, въ довольно-значительномъ, впрочемъ, отъ него разстояніи. Всѣ, кто ни были въ комнатахъ, всѣ усѣлись въ нѣсколькихъ рядахъ кругомъ господина Голядкина и Олсуфія Ивановича. Все затихло и при-смирѣло, всѣ наблюдали торжественное молчаніе, всѣ взглядывали на Олсуфія Ивановича, очевидно ожидая чего-то не совсѣмъ-обыкновеннаго. Господинъ Голядкинъ замѣтилъ, что возлѣ кресель Олсуфія Ивановича, и тоже прямо противъ совѣтника, помѣстился другой господинъ Голядкинъ съ Андреемъ Филипповичемъ. Молчаніе длилось; чего-то дѣйствительно ожидали. "Точь въ точь,

какъ въ семьѣ какой-нибудь при отъѣздѣ кого-нибудь изъ членовъ этой семьи въ дальній путь; стоитъ только встать да помолиться теперь", подумалъ герой нашъ. Вдругъ обнаружилось необыкновенное движеніе и прервало всѣ размышленія господина Голядкина. Случилось что-то давно ожидаемое. "Ѣдетъ, Ѣдетъ!" пронеслось по толпѣ. "Кто это Ѣдетъ?" пронеслось въ головѣ господина Голядкина, и онъ вздрогнулъ отъ какого-то страннаго ощущенія. "Пора!" сказалъ совѣтникъ, внимательно посмотрѣвъ на Андрея Филипповича. Андрей Филипповичъ съ своей стороны взглянулъ на Олсуфія Ивановича. Важно и торжественно кивнулъ головой Олсуфій Ивановичъ. "Встанемъ", проговорилъ совѣтникъ, подымая господина Голядкина. Всѣ встали. Тогда совѣтникъ взялъ за руку господина Голядкина-старшаго, а Андрей Филипповичъ господина Голядкина-младшаго, и оба торжественно свели двухъ совершенно-подобныхъ среди обставшей ихъ кругомъ и устремившейся въ ожиданіе толпы. Герой нашъ съ недоумѣніемъ осмотрѣлся кругомъ, но его тотчасъ остановили и указали ему на господина Голядкина-младшаго, который протянулъ ему руку. "Это мирить насъ хотятъ", подумалъ герой нашъ и съ умиленіемъ протянулъ свою руку господину Голядкину-младшему; потомъ, потомъ протянулъ къ нему свою голову. То же сдѣлалъ и другой господинъ Голядкинъ... Тутъ господину Голядкину-старшему показалось, что вѣроломный другъ его улыбается, что онъ бѣгло и плутовски мигнулъ всей окружавшей ихъ толпѣ, что есть что-то зловѣщее въ лицѣ неблагопристойнаго господина Голядкина-младшаго, что даже онъ отпустилъ гримаску какую-то въ минуту іудина своего поцалуя... Въ головѣ зазвонило у господина Голядкина, въ глазахъ потемнѣло; ему показалось, что бездна, цѣлая вереница совершенно-подобныхъ Голядкиныхъ съ шумомъ вламывается во всѣ двери комнаты; но было поздно... Звонкій, предательскій поцалуи раздался, и...

Тутъ случилось совсѣмъ-неожиданное обстоятельство... Двери въ залу растворились съ шумомъ, и на порогѣ показался человѣкъ, котораго одинъ видъ оледенилъ господина Голядкина. Ноги его приросли къ землѣ. Крикъ замеръ въ его стѣсненной груди. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ зналъ все заранѣе и давно уже предчувствовалъ что-то подобное. Незнакомецъ важно и торжественно приближался къ господину Голядкину... Господинъ Голядкинъ эту фигуру очень-хорошо зналъ. Онъ ее видѣлъ, очень-часто видалъ, еще сегодня видалъ... Незнакомецъ былъ высокій, плотный человѣкъ, въ черномъ фракѣ, съ значительнымъ крестомъ на шеѣ, и

одаренный густыми, весьма-черными бакенбардами; не доставало только сигарки во рту для дальнѣйшаго сходства... За то взгляды незнакомца, какъ уже сказано, было оледенилъ ужасомъ господина Голядкина. Съ важной и торжественной миной подошелъ страшный человѣкъ къ плачевному герою повѣсти нашей... Герой нашъ протянулъ ему руку; незнакомецъ взялъ его руку и потащилъ за собою... Съ потеряннѣмъ, съ убитымъ лицомъ оглянулся кругомъ нашъ герой...

— Это, это Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ, докторъ медицины и хирургіи, вашъ давнишній знакомецъ, Яковъ Петровичъ! зашебеталъ чей-то противный голосъ подъ самымъ ухомъ господина Голядкина. Онъ оглянулся: то былъ отвратительный подлыми качествами души своей близнецъ господина Голядкина. Неблагопрістойная, зловѣщая радость сіяла въ лицѣ его; съ восторгомъ онъ теръ свои руки, съ восторгомъ повертывалъ кругомъ свою голову, съ восторгомъ семенилъ кругомъ всѣхъ и каждога; казалось, готовъ былъ тутъ же начать танцевать отъ восторга; наконецъ, онъ прыгнулъ впередъ, выхватилъ свѣчку у одного изъ слугъ и пошелъ впередъ, освѣщая дорогу господину Голядкину и Крестьяну Ивановичу. Господинъ Голядкинъ слышалъ ясно, какъ все, что ни было въ залѣ, ринулось вслѣдъ за нимъ, какъ всѣ забѣгали впередъ, тѣснились, давили другъ друга и всѣ вмѣстѣ въ голосъ начинали повторять за господиномъ Голядкинымъ: что это ничего; что не бойтесь, Яковъ Петровичъ, что это вѣдь старинный другъ и знакомецъ вашъ, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ... Наконецъ вышли на парадную, ярко-освѣщенную лѣстницу; на лѣстницѣ была тоже куча народа; съ шумомъ растворились двери на крыльцо, и господинъ Голядкинъ очутился на крыльцѣ вмѣстѣ съ Крестьяномъ Ивановичемъ. У подъѣзда стояла карета, запряженная четверней лошадей, которыя фыркали отъ нетерпѣнія. Злорадственный господинъ Голядкинъ-младшій въ три прыжка сбѣжалъ съ лѣстницы и самъ отворилъ карету. Крестьянъ Ивановичъ увѣщательнымъ жестомъ попросилъ садиться господина Голядкина. Впрочемъ, увѣщательнаго жеста было вовсе ненужно; было довольно народу подсаживать... Замирая отъ ужаса, оглянулся господинъ Голядкинъ назадъ: вся ярко-освѣщенная лѣстница была унижена народомъ; любопытные глаза глядѣли на него отвсюду; самъ Олсуфій Ивановичъ предсѣдалъ на самой верхней площадкѣ лѣстницы, въ своихъ покойныхъ креслахъ, и внимательно, съ сильнымъ участіемъ, смотрѣлъ на все совершавшееся. Всѣ ждали. Ропотъ нетерпѣнія

пробѣжалъ по толпѣ, когда господинъ Голядкинъ оглянулся назадъ.

— Я надѣюсь, что здѣсь нѣтъ ничего... ничего предосудительнаго... или могущаго возбудить строгость... и вниманіе всѣхъ, касательно оффиціальныхъ отношеній моихъ? проговорилъ потерявшій герой нашъ. Говоръ и шумъ поднялся кругомъ; всѣ отрицательно закивали головами своими. Слезы брызнули изъ глазъ господина Голядкина.

— Въ такомъ случаѣ, я готовъ, я ввѣряюсь, я ввѣряюсь вполнѣ... такъ и такъ, дескать, самъ отступаюсь отъ дѣлъ и вручаю судьбу мою Крестьяну Ивановичу...

Только-что проговорилъ господинъ Голядкинъ, что онъ вручаетъ вполнѣ свою судьбу Крестьяну Ивановичу, какъ страшный, оглушительный, радостный крикъ вырвался у всѣхъ окружавшихъ его и самымъ зловѣщимъ откликомъ прокатился по всей ожидавшей толпѣ. Тутъ Крестьянъ Ивановичъ съ одной стороны, а съ другой Андрей Филипповичъ, взяли подъ руки господина Голядкина и стали сажать въ карету; двойникъ же, по подленькому обыкновенію своему, хлопоталъ и подсаживалъ сзади. Несчастный господинъ Голядкинъ-старшій бросилъ свой послѣдній, мутный взглядъ на всѣхъ и на все, и дрожа какъ котенокъ, котораго окатили холодной водой, — если позволять сравненіе, — влѣзъ въ карету; за нимъ тотчасъ же сѣлъ и Крестьянъ Ивановичъ. Карета захлопнулась: послышался ударъ бича по лошадямъ; лошади рванули экипажъ съ мѣста... все ринулось вслѣдъ за господиномъ Голядкинымъ; пронзительные, неистовые крики всѣхъ враговъ его покатались ему вслѣдъ, въ видѣ напутствія. Нѣкоторое время еще мелькали кое-какія лица кругомъ кареты, уносившей господина Голядкина; но наконецъ и они стали отставать-отставать, и наконецъ исчезли совсѣмъ. Долѣе всѣхъ оставался неблагопристойный близнецъ господина Голядкина; заложивъ руки въ боковые карманы своихъ форменныхъ зеленыхъ панталонъ, бѣжалъ онъ съ довольнымъ видомъ, подпрыгивая то съ одной, то съ другой стороны экипажа, иногда забѣгалъ и впередъ лошадей; иногда же, схватившись за рамку окна и повиснувъ всѣмъ тѣломъ своимъ, просовывалъ въ окно свою голову и умильно поглядывалъ на господина Голядкина-старшаго, улыбаясь ему, прощаясь съ нимъ, кивалъ ему головою и поминутно посылалъ ему рукой поцалуйчики... Наконецъ и онъ какъ-будто усталъ, рѣже и рѣже сталъ появляться по сторонамъ кареты и наконецъ исчезъ совершенно. Глухо занывало сердце въ груди господи-

на Голядкина, кровь горячимъ ключомъ била ему въ голову; ему было душно, ему хотѣлось разстегнуть свою одежду, обнажить свою грудь, обсыпать всю ее снѣгомъ и облить холодной водой... Онъ впалъ наконецъ въ забытѣе... Когда же очнулся, то увидѣлъ, что лошади несутъ его по какой-то ему почти-незнакомой дорогѣ; направо и налево чернѣлись какіе-то лѣса; было глухо и пусто. Кругомъ ни души живой. Пошелъ снѣгъ. Тоска давила кошмаромъ грудь господина Голядкина-старшаго. Ему стало страшно... Весь въ изнеможеніи, въ тоскѣ, въ агоніи, весь оробѣвшій, убитый прижался онъ плечомъ своимъ къ плечу молчаливаго Крестьяна Ивановича... Но вдругъ въ ужасѣ отъ него отшатнулся и прижался въ другой уголъ кареты. Волосы его поднялись дыбомъ. Холодный потъ катился по его вискамъ. Онъ взглянулъ — и обмеръ отъ ужаса... Два огненные глаза смотрѣли на него въ темнотѣ, и зловѣщею, адскою радостію блистали эти два глаза... Глаза эти близились-близились къ господину Голядкину... Онъ уже слышалъ чье-то прикосновеніе къ себѣ, чье-то жгучее дыханіе на лицѣ своемъ, чьи-то распростертыя надъ нимъ и готовыя схватить его руки. Это не Крестьянъ Ивановичъ! Кто это?.. Или это онъ?.. онъ! это Крестьянъ Ивановичъ, но только не прежній, это другой Крестьянъ Ивановичъ. "Нужно бутылки врагомъ не бывать" пронеслось въ головѣ господина Голядкина... Впрочемъ, онъ ничего ужъ не думалъ. Медленно, трепетно закрылъ онъ глаза свои. Омертвѣвъ, онъ ждалъ чего-то ужаснаго — ждалъ... онъ уже слышалъ, чувствовалъ, и — наконецъ...

Но здѣсь, господа, кончается исторія приключеній господина Голядкина.